

БОРИС ПОНОМАРЕВ

«СПАСИ МЕНЯ, ЛЮБОВЬ МОЯ»

(РЕТРО-РОМАН О ЛЮБВИ, ДРУЖБЕ, СЧАСТЬЕ И ВОЙНЕ)

г. Москва
2016 г.

Б. П. Пономарев. «Спаси меня, любовь моя»
(ретро-роман о любви, дружбе, счастье и войне). —
М.: ФОЛИУМ, 2016. — 234 с.

ISBN 978-5-93881-103-4

Макет подготовлен в Издательском доме «ФОЛИУМ»,
Россия, 127238, Москва, а/я 42.

© Б. П. Пономарев, 2016

© Издательский дом «ФОЛИУМ», 2016

ЧИТАТЕЛЯМ

Однажды ранней весной мне неожиданно позвонил один из моих знакомых. Когда-то он был капитаном дальнего плавания, избородил, как сам любил говорить, все моря и океаны, а, выйдя на пенсию, начал писать картины. Вернее, писать их он начал раньше, еще на капитанском мостике, поэтому на его полотна выплеснулись краски всех морей, где он побывал. Между собой мы в шутку называли его Айвазовским. Встречались мы редко, и его звонок удивил меня.

«Слушай, Сергей, ты ведь хорошо знаешь английский?»

«Что значит хорошо? Чужой язык трудно знать вообще хорошо. Смотри для чего?»

«Ну, ты читаешь романы в подлиннике? Или нет?»

«С удовольствием читаю. Особенно, если язык хороший. А в чем дело?»

«Понимаешь, я тут на даче разбирал старые вещи и обнаружил офицерский рундучок. Во время войны немцы потопили английский конвой, а мне с моим катером пришлось спасти английских моряков. Кое-кого спасли, а вместе с людьми выловили и этот сундучок. Там были бумаги, рукописи, дневники. На первой странице написано: «Дорогому моему Генри». Это даже я смог прочесть. Бумаги остались у меня. Может быть, забежишь, посмотришь? Вдруг что-нибудь интересное?»

Я поехал, а потом долго разбирался в перепутанных листах, с трудом вчитывался в рукописный текст и понял, что держу в руках не дневник, а роман или повесть. Причем, написали ее, как минимум двое. Это был роман о необычной любви, дружбе и войне, написанный в классически сдержанной английской манере. Но больше всего меня поразили отношения между героями. На страницах довольно подробно излагалась история редко встречающейся в наши дни романтической любви. Постепенно она захватила меня, и я перевел ее на русский язык, и теперь предлагаю ее Вам.

*Женщинам, без которых
мужчины оставались бы
половинками человека, и
Мужчинам, понявшим это.*

«Я лечу над Землей,
Оставляя на ней свою тень».

Сейчас уже вряд ли кто-нибудь помнит эту историю, кроме ее непосредственных участников. И не потому, что у людей плохая память, а потому, что людям свойственно предавать забвению трагические события, оставляя в сердце неумирающую надежду на счастье, и поддерживать ее всепобеждающей силой любви.

ВСТРЕЧА

*Все возникает в результате встречи.
Так, ветерок встречается с листвой
И производит Шелест.
Камыш с рекою и шаги с травой
Рождают Шорох.
Утро с днем и вечер с ночью
Меняются местами, метя
Движение Времени.
Вода стремительно несется
Вниз на камни,
И в искрах брызг
Рождает Водопад.
А трели соловья несутся ввысь
Навстречу тишине,
И дарят Песню.
Встречаясь, семь цветов
Рождают Радугу.
А две ладони – Дружбу.
Так встретились они,
Чтоб породить Любовь.*

С мисс Чанг Чарльз познакомился на борту океанского лайнера, следовавшего из Гонконга в Англию. Заглянув после ужина и короткой прогулки по верхней палубе в бар, он выпил традиционную вечернюю порцию джина с тоником, — своего любимого «освежающего» напитка и направился в пассажирскую кают-компанию. Там играл джаз, ярко горели хрустальные люстры, маленькие столики сверкали белоснежными скатертями; ловкие и доброжелательные Стюарты сновали между ними, предлагая фрукты, напитки и сигары. Как правило, сюда по вечерам собиралась не только молодежь, путешествующая по классу «люкс», но и многие пожилые джентльмены европейской и азиатской наружно-

сти без колебаний заглядывали «на огонек». Представителей Востока, чаще всего, сопровождали молоденькие секретарши и «племянницы». Европейцы же, за исключением брызжущих счастьем молодых брачных пар, шли в одиночку, надеясь на удачу и случай. В этом была особая привлекательность морских путешествий.

Появление стройного белозубого англичанина с безукоризненными манерами выпускника Оксфордского университета, каковым он, собственно, и являлся, не осталось незамеченным. Многие, многие «племянницы» и секретарши машинально поправили прически и выпрямили расслабленные спины. Их красиво подведенные глаза неотрывно следили за молодым человеком, непринужденно оглядывавшим зал в поисках свободного столика. Что ж, их можно было понять. Чарльз действительно был красив. Свободных столиков для двоих не оказалось, и Чарльзу пришлось заняться изучением больших «семейных» столов, чтобы выбрать наименее «заселенный». Вопреки ресторанным традициям, на море можно было подсаживаться к другим пассажирам, не рискуя прослыть невоспитанным нахалом. Внезапно Чарльз почувствовал на себе чей-то пристальный, зовущий взгляд и невольно обернулся. За столом, стоявшим поперек к танцевальному кругу, сидели трое китайцев-мужчин и ослепительно красивая девушка, почти девочка. Ее темные с удивительным даже для китайенок разрезом глаза неотрывно смотрели на него. Яркий румянец заливал не только щеки. Все ее лицо до самых корней волос и маленькие ушки буквально пылали. Откровенный взгляд молодой китайки был настолько неожиданным со стороны восточной женщины, что Чарльз и сам почувствовал сильное смущение. Его первым желанием было отвернуться и отойти от столика подальше. Но красота девушки и нескрываемое восхищение, с которым она смотрела на него, заставили его изменить решение. После почти незаметной паузы, позволившей ему вернуть самообладание, Чарльз, извинившись, попросил у старшего по возрасту китайца разрешения занять одно из трех свободных мест. Тот несколько удивленно прервал беседу и повернулся к нему. При виде европейца удивление на его лице мгновенно сменилось любезной улыбкой, и на хорошем английском он пригласил молодого человека к столу. Понимая, что он вторгается в чужую компанию, Чарльз рассыпался в извинениях, ссылаясь на отсутствие мест и невозможность уйти в другой ресторан.

— О, да! Вы совершенно правы. Мы здесь все пленники океана. Здесь, действительно, некуда уйти и вы, молодой человек, не стесняйтесь, занимайте свое место и, если не имеете ничего против, побеседуйте с моей дочкой Мэй. Ей очень кстати будет разговорная практика в английском языке перед прибытием в Англию. И ты, девочка, не смущайся, воспользуйся любезностью молодого джентльмена..? — старик вопросительно повернулся к Чарльзу.

— Смит. Чарльз Смит, — поняв молчаливый вопрос, представился тот.

— Любезностью господина Смита и проверь свой английский. Хотите что-нибудь выпить, мистер Смит? У капитана этой огромной яхты отличный бар.

— Нет, нет. Большое спасибо, сэр, — поблагодарил Чарльз, и обратился к девушке, сидевшей в течение всего этого обмена любезностями, опустив глаза:

— Вы говорите по-английски, мисс Мэй..?

— Мэй Чанг. Да, я немного говорю по-английски, — еле слышно ответила девушка и вновь покраснела.

— А где вы учили язык? — получив легальное право неотрывно смотреть в лицо собеседницы, Чарльз с восхищением изучал ее красоту. Он много путешествовал, многое видел и не пропускал, хотя бы взглядом, красивых женщин, но все ранее виденное не шло ни в какое сравнение с очарованием китайки. Тонкое, даже слегка удлиненное лицо, потрясающе чистая кожа какого-то неуловимого, восхитительного цвета, часто сменявшегося румянцем. Необычный разрез глаз, напоминающий по форме миндаль. Прекрасные, красиво собранные волосы обычного для китайцев черного цвета, но совершенно необычной пышности. Маленькие открытые уши розовато просвечивали от яркого света ламп, прикрепленных над столом на стене; тонкие брови, заканчивающиеся почти у волос на висках; густые длинные ресницы; тонкий красивый нос, совершенно непохожий на носы азиаток; яркие одновременно напоминающие лепестки роз и крылья бабочки, губы. Вслушиваясь в тихий, мелодичный голосок девушки, Чарльз впивался взглядом в эти губы, зачарованно следуя за их движением, и чувствовал необычную, ранее не испытанную теплоту и волнение в груди. Его сердце замирало, когда в разговоре губы девушки раздвигались в легкой смущенной улыбке, открывая жемчуг зубов, ровных и белых. А глаза отрывались от

стола и встречались с его глазами. Чарльз с удивлением обнаружил, что никак не может стряхнуть с тела охватившее его напряжение. Удивляли его и собственные руки, обычно лежащие на подлокотниках кресел, а теперь скрещенные на груди с жестко переплетенными пальцами. Слушая рассказ девушки, он все больше удивлялся необычности уклада китайской жизни, их представлению об остальном, столь непохожем на их собственный, мире. Мэй получила прекрасное образование, даже сего европейской точки зрения. Свободно владела английским, французским, итальянским языками и планировала изучить еще немецкий. Кроме того, играла на рояле, немного, по ее собственным словам, пела и посещала школу современного танца, в успешности чего Чарльзу вскорее предстояло убедиться самому. Как и все девушки ее возраста (17 лет), о чем она сообщила Чарльзу безо всякого жеманства и кокетства, она была уже помолвлена с сыном лучшего друга ее отца. Теперь же она ехала, в традиционное для богатых невест Гонконга, предсвадебное путешествие по Европе, после чего ее ожидало замужество и замкнутая, почти изолированная от мира, женская половина дома.

— Вряд ли я еще когда-нибудь смогу насладиться такой же беседой, как сейчас с вами. После свадьбы это исключено, — прошептала она и посмотрела прямо ему в лицо. Сердце Чарльза ухнуло и покатилося куда-то в бездонную холодную пропасть, появившуюся у него в груди. Ему стало жаль эту девочку, которая прощалась с внешним миром, так и не узнав его. Через охватившее его смятение Чарльз едва различал яркий мигающий свет, едва слышал звуки громкой музыки.

— А что же вы, молодежь, не танцуете? — донесся до него голос господина Чанг. — Идите, потанцуйте. У вас, наверное, давно уже муравьи в ногах. Покажи, дочурка, чему тебя научили там, в твоей балетной школе.

Мэй вопросительно взглянула на Чарльза, который вдруг понял, что сможет через мгновение обнять ее талию и увидеть прекрасное лицо совсем рядом со своим. Он вскочил на ноги, неловко отодвигая тяжелое корабельное кресло, и заспешил обогнуть стол и склонился перед девушкой в полупоклоне. Она встала и легко и изящно вышла из-за стола. Ее необычно высокий для китайянки рост поразил англичанина. При его почти 6,5 футов роста Мэй доставала ему до плеча. Она была очень стройной, даже слегка худоватой. Европейский покрой платья из традиционно яркого китайского шелка облегал фигурку, оставляя открыты-

ми тоненькие подростковые руки и красивую шею. В душистых волосах красовался гребень необычной для Чарльза формы.

— Ваш папа очень передовой человек, очень прогрессивный.

— Да, он очень, очень мудрый, и хороший бизнесмен.

Звучал фокстрот, и молодой человек, сам прекрасный танцор, удивился, с какой легкостью девушка включилась в ритм танца, послушно и изящно подчиняясь его воле. А уж он-то старался изо всех сил, включая в танец все самые модные и сложные па, и удивлялся вновь и вновь, с каким изяществом она следовала за ним, ни разу не сбившись, ни разу не нарушив расстояния между их телами. К концу тура ее дыхание слегка участилось, губы полураскрылись в улыбке, щеки порозовели. Увлеченные танцем они ничего не замечали вокруг. Не видели, с какой ревностью наблюдают за ними девушки и молодые женщины, как внимательно следят из-за их стола, особенно отец, ловящий из-под припухших век восторженные взгляды мужчин. Не восхищаться молодой парой было нельзя: уж очень красиво они танцевали. Они олицетворяли собой два мира: черноволосая китайская красавица и светловолосый, широкоплечий европеец. Но они не замечали ничего вокруг, занятые и ошеломленные своей близостью. Когда же зазвучало «танго при свечах» и в кают-компании пригасили свет, Чарльз почти обнял девушку за талию и, старательно сохраняя дистанцию, слегка наклонил голову, вдыхая аромат незнакомых духов, словно составляющих природный запах ее волос. Он о чем-то спрашивал девушку, скрывая тем самым охватившее его возбуждение и сбивая с лица бурно приливающую кровь. Она что-то отвечала, — он почти не слышал ответа, но вновь спрашивал, и опять не слышал ответа, но радостно следил за движением ее губ, и вел, и кружил ее в танце. Неожиданно музыка оборвалась. Чарльз так резко остановился, что, увлеченная чем-то своим, девушка невольно прижалась к нему. Чарльз беззвучно вскрикнул и посмотрел ей в глаза. Потом всю ночь он вспоминал выражение ее глаз в этот момент неожиданной близости и ворочался, ворочался в своей постели, бессильный заснуть, неспособный расслабить напряженное тело.

За время долгого путешествия знакомство укреплялось. К удивлению и радости Чарльза род Чанга занимался судостроением, фрахтовал и сдавал в аренду свои суда, количество которых быстро росло. Чарльз рассказал о своей семье, которая состояла из потомственных моряков и корабелов. Поведал, как его просоленные и обветренные предки посте-

пенно, поколение за поколением, покидали мостики торговых судов и военных кораблей, и все больше занимались морскими делами из кабинетов различных фирм, компаний, верфей.

— Интересно. Очень интересно было бы поближе познакомиться с вашими возможностями, господин Чарльз, — все чаще говаривал старик Чанг, внимательно ощупывая лицо англичанина своими маленькими, цепкими глазками.

— Так вы говорите, что ваш хед офис в Ливерпуле. Интересно, интересно. А вы сотрудничаете с фирмой «Хук Шиппинг компани»?

Во время этих разговоров Мэй тихо и незаметно сидела рядом с отцом, изредка бросая взгляды на молодого человека, смеялась его шуткам, но никогда, ни разу не проронила ни слова. Несмотря на это, Чарльзу казалось, что она не пропускает ни единого сказанного им слова, внимательно вслушивается в его речь, замечает его напряженность и странную рассеянность при совершенно очевидной заинтересованности беседой с ее отцом. Но деловые разговоры неизбежно заканчивались. И отец девушки «прогонял» их от «стариков» совершенствовать английский язык. Обычно, их беседы наедине не очень-то клеились, — им явно больше нравилось молчать рядом друг с другом, угадывая мысли собеседника. Это молчание гораздо сильнее сближало их, чем многословный разговор.

Когда они знали уже достаточно много друг о друге, Чарльз, выслушав очередное чанговское «интересно, интересно», неожиданно для себя заявил — - Глубокоуважаемый, господин Чанг! Для меня слишком большая честь предложить вам свое гостеприимство, но, если бы вы позволили и заранее простили бы мне излишнюю смелость, а, может быть, и бесцеремонность, я позволил бы себе пригласить вас погостить какое-то, возможное для вас, время, в нашем семейном замке, который находится в заповедном лесу на берегу прекрасного озера, рядом с великолепной чистой рекой и совсем недалеко от Ливерпуля; а мои родственники и я, а, в первую очередь, мой отец смогли бы рассказать и показать вам все, что может вас заинтересовать в деятельности нашей фирмы; и, Бог даст, мы могли бы наладить взаимовыгодное сотрудничество, о чем я лично мог бы только мечтать, направляясь в ваш прекрасный город; а мисс Мэй в то же самое время могла бы осмотреть столько средневековых замков, которых в округе наберется не менее дюжины, сколько хватило бы сил..., а также посетить музеи и галереи; я уверен, что мои сест-

ры и кухни, не говоря обо мне самом, с огромным удовольствием составили бы ей (полупоклон в сторону девушки, ошеломленно и откровенно смотрящей на него) компанию в ее путешествиях», — Чарльз с трудом закончил свою путанную, пересыпанную экивоками и извинениями, речь и замер, словно в ожидании приговора. Ему казалось, что в наступившей тишине слышно, как стучит его сердце и кровь бьется в висках.

— Если мое, я понимаю, неожиданное предложение не является чересчур бесцеремонным и может быть принятым, я сейчас же свяжусь с отцом и передам необходимые распоряжения по подготовке гостевой части дома для всех ваших спутников, — добавил он, словно напуганный этой тишиной. Два китайца, — пожилые мужчины с озабоченными и усталыми лицами, молчали, удивленно поглядывая на старого Чанга. Чарльз так еще и не смог понять, были ли они его родственниками, партнерами или друзьями. Позже он узнал, что они были всем вместе. Сам Чанг сидел, закрыв глаза, и Чарльзу показалось, что старик просто уснул под его витиеватую речь. Внезапно тот приподнялся в шезлонге и звучно хлопнул в ладоши.

— Ваше предложение делает вам честь. Оно и чрезвычайно любезно и по-деловому интересно, — вспомнил он свое любимое словечко. — Правда, касается оно только нас двоих. Господа Шэн и Ло едут исключительно в Лондон. О, этих прожженных дельцов никакими замками, музеями, реками да озерами не завлечешь. Офисы, конторы, банки – вот что им нужно в вашей стране. А нам стоит подумать... Уж очень заманчиво, хотя и неожиданно, правда, дочурка? Старинный английский родовой дом гораздо привлекательнее гостиничного номера со стандартной мебелью и услугами. А что в озере вода тоже чистая? И рыба есть? Есть. Большая? Ого! Я ведь в душе заядлый рыбак. Мой род из Шанхая. А там почти все или моряки или рыбаки, что почти одно и то же.

— В реке, сэр, вы сможете ловить форель и семгу. В доме есть бесчисленное количество всякого снаряжения, включая сборные лодки и палатки, — Чарльз уже не скрывал радостного возбуждения, — кроме того, вы сможете при желании поиграть в гольф или поло. Для гольфа у нас одно из лучших полей в Старой Англии.

— Гольф, гольф, нет. Эти новомодные штучки не для меня. Стар я по полю за мячиком бегать. А вот рыбалка – это лучшее занятие для медитации. Это занятие для философов. Интересно, интересно. А что, мисс Мэй? Вот тебе и практика: жизнь в настоящей английской семье.

Вернувшись домой, Чарльз занялся подготовкой к приезду гостей, поражая всех родственников и прислугу в доме своей молчаливостью и озабоченностью. Сам же он прекрасно понимал причину своей немногословности. Впервые в жизни он боялся расплескать словами то необычное состояние восторженности, которое испытал, просыпаясь в каюте и ожидая встречи с Мэй. Их беседы, танцы, многочисленные и длительные стоянки в шумных и грязных портах, поездки по узким кривым улочкам, молчаливые прогулки вдоль бортов пароходов, бесконечные волны за бортом, резкие крики птиц и молчание, молчание. Оно было самым дорогим. О нем Чарльз вспоминал чаще всего. Именно в молчании он ощущал присутствие девушки, ее близость сильнее всего. Никогда ранее Чарльз не хотел в присутствии женщины просто молчать. Он знал, он чувствовал, что Мэй, так же, как и он, напряженно прислушивается к чему-то внутри себя, что она чем-то удивлена и озадачена. Изредка, перехватив ее взгляд, он осознавал, что их состояния чрезвычайно похожи. Одним словом, он понял, во всяком случае, о себе, что его настигло загадочное и грозное чувство любви.

Последующие три недели показались молодому человеку одним длинным, волшебным днем. Отец его очень быстро нашел общий язык со старшим Чангом. Они подолгу обсуждали деловые вопросы, хлопали друг друга по плечам, а потом, обнявшись, шли на берег озера, бродили по песчаной дорожке, очень довольные собой, жизнью или удили рыбу. Женская половина большой семьи Смитов трогательно и нежно опекала красавицу Мэй, дипломатично выделяя Чарльзу время для «индивидуальных занятий» английским языком и ознакомлением с историей Англии. В эти часы молодая пара уходила в бесконечный парк, под вековые вязы, гуляла по прекрасным английским лужайкам, говорила и молчала о своем. Ни для кого уже, видимо, не было секретом, что они серьезно влюблены. Это было видно и по тому, как Чарльз вскакивал со своего места, когда Мэй входила в комнату, и по сиянию ее глаз, в которых открыто читалась любовь и в которых, к сожалению, нередко блестели слезы. Все знали и понимали ситуацию и украдкой жалели влюбленных. Удивительно, но единственным, кто, казалось, не видел ничего, был отец Мэй, что при его необычной наблюдательности, было просто необъяснимо. Однако, позже выяснилось, что все это только казалось.

Наступил предотъездный день. Отец Чарльза, он сам, Генри и еще кто-то из мужчин, а также глава рода Чанг сидели в каминной комнате.

Каждый держал в руке бокал любимого напитка. Все деловые вопросы были решены, необходимые бумаги подписаны. В гостиной часто повисала тишина.

— Дорогой мой английский друг, — неожиданно обратился Чанг к хозяину дома. — Мне сдается, что мы поступили бы неразумно, не обсудив еще один вопрос, тем более, что он касается наших детей. Вы согласны, мистер Роберт?

Отец Чарльза согласно кивнул, и все, находящиеся в комнате, вдруг поняли, что два отца уже давно все заметили, все обсудили и что-то решили.

— Да, мистер Чанг, это было бы очень неразумно.

Немного помолчав, китаец продолжил,

— Мы заметили, что дети наши равнодушны друг к другу. Скорее даже, влюблены. Видимо, Проведению было угодно, чтобы они встретились на этом пароходе, как встречаются в море два судна. Так будем ли мы мешать им, а?

«Боже!» — Чарльзу показалось, что гостиная покачнулась и поплыла в сторону. Он попытался встать, но ноги не повиновались ему. Он молчал, собираясь с силами. Наконец, самообладание вернулось к нему,

— Простите, господин Чанг! А как же помолвка мисс Мэй? Она же — несвободна!

— Видите ли, мой молодой друг. Звезды благосклонны к вам и моей дочурке, и к вашей любви. Прямо перед отъездом в Англию я встречался с моим большим приятелем господином Вэй Су Линем. К моему удивлению и, не скрою, на тот момент огорчению, он поведал мне, что его сын, и мой потенциальный зять, встретил какую-то девушку и полюбил ее. А она его.

Они очень несчастливы сейчас. Вэй Су Линь просил у меня прощения и умолял найти какой-нибудь выход, как-то помочь влюбленным. Он очень переживает, мой старый друг Линь. Да, я был очень огорчен и расстроен. А потом случилось то, что случилось. Появился выход, и мы все вместе можем помочь не двум, а четверем влюбленным. Я уже сообщил в Гонконг моему другу, что его семья свободна от данного ими слова безо всякой обиды со стороны моей семьи. Ведь вы, мистер Чарли, любите мою Мэй, мою девочку или мы все ошибаемся? Может быть, я поспешил?

— Нет... Да! Вы не ошибаетесь. Я очень люблю вашу дочь. Я хочу стать ее мужем... Я не мог... я не смел говорить об этом... Простите, я потерял голову... я не могу поверить... Но, как же Мэй, а если она не любит меня?

— Ну, ну, сынок, — Чанг подчеркнул свое обращение к Чарльзу, — не горячись, не волнуйся... Конечно же, мы (полупоклон в сторону отца Чарльза) намерены спросить ее об этом. Через пять минут мы все встречаемся в большой гостиной, не так ли, мистер Роберт? Потерпи, сынок, — повторил он свое новое обращение к молодому человеку.

Все дальнейшее произошло для влюбленных, как во сне. Выслушав вопрос отца, Мэй, вся вспыхнув от смущения, бросилась к его креслу и опустилась перед ним на колени. Она что-то говорила ему по-китайски, но очень тихо. Шептала, не поднимая головы, не отрывая лица от отцовских ладоней.

— Все в порядке, все хорошо, дочурка, — успокаивал ее старый Чанг, вздрагивающим от волнения голосом, — тебе нечего стыдиться. За тобой нет никакой вины.

И он объяснил дочери ситуацию с помолвкой.

— Так что с этим никакой проблемы нет. А вот как быть с другим вопросом: любишь ли ты господина Чарльза? Он только что просил у меня твоей руки. Мэй вздрогнула и опять что-то прошептала.

— Нет, нет. Так не годится. Ты должна сказать это громко, чтобы все слышали. Иначе пойдут разговоры о восточном деспотизме, — пошутил он.

Чарльз подошел к девушке и положил руку ей на плечо. Она вздрогнула, как от ожога. Потом решительно подняла голову и посмотрела на него.

— Я согласна, господин Чарльз. Я люблю вас... Очень люблю, — четко произнесла она по-английски, все еще оставаясь на коленях. Все присутствующие зааплодировали. Мэй нашла в себе силы подняться с колен, но, встретив устремленные на нее со всех сторон взгляды, смущенно спрятала лицо на груди молодого человека.

Изменения, происшедшие в жизни Чарльза, внешне никак не отразились на его поведении в обществе. Согласно традиции он регулярно посещал все клубы, членом которых был, принимал активное участие в забавах, розыгрышах, спортивных состязаниях. Он никогда никогда никому не говорил о своем желании постоянно быть дома, рядом с Мэй,

целовать ее руки, гладить волосы, чувствовать ее головку у себя на груди, обсуждать с ней все новости и проблемы. Не говорил, что обнаружил у нее такой ум и зрелость суждений, что беседы с ней стали для него гораздо интереснее клубных дискуссий. Он никому ничего не говорил, — он держал себя в руках. Его голос по-прежнему уверенно и убедительно звучал на клубных сборищах и в спорах. Его по-прежнему интересовали все проблемы, включая проблему равенства полов, хотя внимательное ухо могло заметить некоторое едва уловимое изменение в его интонациях. Оно-то и не ускользнуло от острого слуха Генри.

— Послушай, Чарли, — поднимая стакан с джином как-то обратился он к другу, — сдается мне, что в твоих речах не находит места проблема равенства полов в любви и браке. Ты все больше говоришь о женских правах в политике, добиваешься для них равноправия в образовании, а как же насчет равенства в любви, а?

— Он сейчас сам добивается равных прав у своей обожаемой женошкы, — ответил кто-то за Чарльза.

— Нет, нет, — парировал Генри и настоял на своем, — ей-то, я надеюсь, ты не отказываешь в равноправии? А то ведь придется у нее самой спрашивать.

— Зря надеешься, — теперь за Чарльза ответил Джонни по прозвищу «Циник», — Демократичный Чарли именно сейчас напряженно решает проблему предоставления женщинам равного с мужчинами права носить усы и бороду, а мужчинам — рожать детей. И он уже близок у успеху, так же, как наши политики, близки к решению проблемы безработицы.

Дружный смех заполнил курительную комнату.

— Что же касается равных прав в сборе сладких ягод порока, — продолжал между тем Джинни-Циник, — то Чарли-Красавчик вряд ли позволит мадам Чанг-Смит попасться на этой полянке.

— Ну, так как, Чарльз? Позволишь ей попасться или нет?

Чарльз смеялся вместе со всеми, хотя с некоторых пор его начало коробить от бесцеремонных и «соленых» шуток друзей. Но он не должен был этого показывать, боясь стать объектом насмешек, на которые он сам еще совсем недавно был так горазд.

— Но, господа. Нужно быть последовательным. Если равные права, то равные во всем, — громко провозгласил кто-то.

— Так как, Чарльз? Позволишь или нет? — настаивал его друг, смеясь.

— Ты же лучше других знаешь мои убеждения, — совершенно серьезно ответил Чарльз. — Так же, как нельзя сидеть на двух стульях одновременно, так же нельзя быть одновременно и демократом, и консерватором: либо то, либо другое. Я очень надеюсь, что я демократ во всем. Позволить жене то, о чем «Циник» сказал так приземлено, как-то даже по животному, я, конечно, не смогу. Да и, вряд ли, кто-нибудь сможет, находясь в здравом уме. Но и запрещать, наверняка, не буду. Пусть сама решает, а я постараюсь отнестись ко всему по-философски: чему быть, того не миновать.

— А как же в таком случае, — обнял Чарльза сзади за плечи их с Генри однокурсник Билли-Толстяк, — борьба за любовь. За сердце возлюбленной?

— Борьба? Почему везде и во всем борьба? Прямо, как в стае, борьба за самку. В конце концов, давайте предоставим ей самой право, выбирать себе пару. По-моему, это будет справедливо, а главное, этим мы станем отличаться от остального животного мира...

— И тем самым растопчем свои собственные чувства, — закончил за него Генри.

— Долой все чувства, — закричал Джонни-Циник, — по мне достаточно, чтобы осталось чувство осязания этого волшебного напитка на кончике моего языка. Вперед, друзья! — и Джонни сделал большущий глоток «Уокера».

— А я лично с этим не согласен, — задумчиво, как всегда, произнес Сэм-Философ, известный своей склонностью к подробному обдумыванию любой проблемы. — Я не могу понять всех этих суфражисток, феминисток и прочих борцов за права женщин. Неужели им, действительно, так хочется курить и носить брюки, как это делает мадам Санд? Иногда мне кажется, что за этими криками о равенстве скрывается либо сексуальная неудовлетворенность, либо сексуальная извращенность. Для себя лично, никак не могу решить, хотел бы я такой свободы, чтобы моя жена встречалась с другим, пусть и прекрасным мужчиной. Назовите меня консерватором, ретроградом, но я этого принять не могу. Если другой мужчина лучше меня, — надо получить развод и уйти к нему.

— Успокойся, Сэм. Лучше тебя мужчины быть не может, — пьяно возразил ему «Циник».

— Хорошо. Ушла от плохого к другому, хорошему мужчине. А потом встретила нового хорошего мужика, чужой – он же всегда лучше своего, — что опять развод? А дети? А если это временное увлечение?

— Ты прав, Генри.

— Конечно же, прав. Но проблема принципиально состоит в том, что женщина должна иметь ту же половую свободу, что и ее муж. Либо вы это принимаете, либо – нет. Тут, действительно, не может быть середины. С другой стороны. Если у женщины такой свободы нет, то с кем мы будем коротать длинные, тоскливые зимние, а иногда и летние вечера? С кем мы будем изменять своим женам, доказывая тем самым свою свободу? Кстати, Чарльз, а мадам Смит разделяет твои взгляды на брак?

— Мадам Смит разделяет с ним не взгляды, а ложе, — опередил Чарльза Джонни-Циник под хохот остальных и задумчиво добавил, — Хотя, если судить по ввалившимся щекам нашего приятеля, она не делит с ним ложе, а царствует на нем.

— Джентльмены, прошу не переходить рамки приличий, — смеясь, призвал Генри. — А все-таки, Чарли, ответь на вопрос: «что обо всем этом думает прелестная Мэй? И так ли ей нужна это пресловутая свобода и равенство?»

— Если бы я сам знал, дорогой мой друг, — грустно ответил Чарльз и неожиданно процитировал:

«Кто может похвалиться, что знает женщину,

Кто скажет, что постиг сердечных тайн смысл

И угадал ее желанья?

Наверно, тот постигнет тайну бытия!»

Нет, друзья. Проблема вовсе не в женщине. Она в нас, мужчинах. Готовы ли мы позволить женщине то, в чем не отказываем себе? Есть ли какие-нибудь общественные, а, может быть, природные причины для отказа ей в этом праве?

— Природные причины есть, — приоткрыл глаза изрядно захмелевший Джонни, — в отличие от загулявшего мужа, загулявшая жена может принести в подоле некоторый итог. Вот тут-то и встает истинный вопрос для поборников женского равноправия: признавать этот итог своим или нет.

— Ты, когда доберешь свою норму, всегда умные мысли говоришь. Но, если серьезно, — я лично проблему решить не могу, но заявляю: «Я готов на полное равноправие и полную свободу женщины...»

— Ну, смотри, Чарли, — потянулся к нему стаканом Генри. — Я твои слова хорошо запомню. Давай выпьем за последовательность и верность своим убеждениям.

Первый год супружества для молодоженов Смит-Чанг прошел абсолютно спокойно и счастливо. Ни размолвки, ни различия во взглядах. Даже национальные особенности и привычки ни разу не нарушили их размеренной жизни. Чарльз, закончив работу или отбыв отмеренное время в клубе, мчался домой к своей, как он называл ее в своих мыслях, «восточной принцессе», которая, в свою очередь, нетерпеливо поглядывала на часы, ждала появления своего «рыцаря круглого стола».

Мэй очень быстро стала всеобщей любимицей. Всегда ровная, приветливая и веселая, ненавязчивая, она одинаково легко находила общий язык и с родственниками мужа, особенно ее полюбил старый Роберт Смит, и с многочисленной прислугой. Молодая женщина как-то легко вписалась в жизнь огромного семейства. Как-то сама находила себе занятие, причем всегда оказывалось, что именно это и нужно было сделать в первую очередь. Она подолгу обсуждала с сестрами и кузинами Чарльза современную моду, поражая всех своим вкусом и чувством стиля; сопровождала их в поездках, похожих на набеги, по универсамам и бутикам Ливерпуля, сохраняя при этом хладнокровие и загораясь только при виде кукол, европейский дизайн которых приводил ее в восторг.

Немного осмотревшись, она также незаметно и неназойливо вторглась в святая святых дома – кухню; о чем-то шепталась с поварами, потом извлекала из большущих коробок, доставленных по морю из Гонконга, различные восточные специи и вскоре традиционные английские блюда приобрели ароматный китайский привкус, чем озадачили одних и обрадовали других. Особенно перемены коснулись чайной церемонии. Излюбленный черный чай получил ароматные и вкусные добавки, но чаще всего на столике его заменяли бесчисленные сорта зеленого чая. В нарядах молодых женщин семейства Смит появились китайские украшения, а на их шеях красовались яркие шелковые платки. Чарльз шутил, что в их доме идет взаимная англо-китайская ассимиляция.

Но не только жители огромного поместья, но и жители маленького городка, лежащего в полумили от фамильного замка Смитов, тоже заметили молодую красавицу с необычной внешностью и нарядами. Неко-

торые из них специально, под любыми предлогами приезжали в замок, стараясь непременно увидеть молодую хозяйку, а, встретив, церемонно раскланивались, заговаривали, вопреки английской сдержанности, и уезжали, покачивая головами. Зачастили на смитовское озеро, которое по специальному решению хозяина было во всеобщем пользовании, мужчины-рыбаки. Однако, их головы были чаще повернуты к дому, чем к воде. Молодежь из круга знакомых Смитов на первых порах зачастила к ним в гости, но, почувствовав холодноватый или, скорее, равнодушный прием, оставили молодоженов в покое. И только Генри на правах старого друга по-прежнему часто навещал их, нередко оставаясь на ночлег.

Самым удивительным для самого Чарльза было умение Мэй поддерживать беседу, не навязывая своей точки зрения, а она у нее была, несмотря на молодость, по многим вопросам, но и, не соглашаясь с чужим мнением ради сохранения спокойствия. Он также заметил, что Генри сначала воспринимал слова Мэй, ее замечания и возражения, всегда высказываемые тихим ровным голосом, иронично и с известной долей снисходительности. Однако все чаще на лице его друга появлялись одновременно и изумление, и одобрение, смешанные с восхищением. Было видно, что он получает от бесед с китайкой все большее и большее удовольствие.

Больше того, глядя на счастливую пару, Генри ловил себя на невольной зависти. Это казалось ему и странным и удивительным, потому что он считал свою жизнь удачной и отвечающей его вкусу. Проще говоря, другой жизни для себя он не хотел. Насмешливые вопросы друзей о «засидевшемся в девках» молодом мужчине, мало задевали его. В семейном доме было достаточно женщин, которые под руководством заботливой и чуткой матери, обеспечивали ему максимально комфортную жизнь, а свои мужские потребности, или как он их называл, природные потребности, Генри удовлетворял в «свободном полете». Пожалуй, его взгляды на роль женщины в жизни мужчин мало, чем отличались от точки зрения Чарльза, но были несколько мягче и терпимее. В этом сказывалось воспитание в семье потомственных дипломатов, и разница в темпераментах.

Но, познакомившись с Мэй, Генри начал испытывать некоторое внутреннее волнение и беспокойство. Все чаще и чаще он замечал у себя желание сравнивать с Мэй всех знакомых женщин, среди которых, по

мнению Чарли, было очень много достойных внимания холостого мужчины. Желание это было неожиданным для Генри: он постоянно твердил себе, что Мэй – жена его лучшего друга, что нелепо искать подобную ей женщину среди англичанок. Однако его уверенность в том, что привлекательность Мэй объясняется экзотичностью ее происхождения и воспитания, довольно быстро испарилась под воздействием женского обаяния и несомненного интеллекта. Иногда в ее рассуждениях проскальзывали восточные мотивы, но, в основном, перед Генри была европейски образованная и мыслящая женщина. Что же касалось ее женской притягательности и красоты, то иногда они казались Генри непреодолимыми.

«Счастливчик Чарли, — одна поездка в Гонконг и такая встреча. Хотя, все относительно. Мэй, конечно, сказочный подарок, но не только. Каким безупречным должен быть ее избранник, какая сложная задача: каждый день, каждый миг быть на уровне, быть достойным этого доставшегося тебе дара. Интересно, чем Чарли привлек ее, за что она его так любит? Любит — открыто и восторженно. Нет, сомневаться не приходится, что его друг — незаурядный мужчина и личность. Но все-таки, за что именно она его любит, что ей больше всего нравится в нем?»

— Да, — однажды признался он, — ты встретил прелестнейшую из женщин. Но будь осторожен, Чарли, она удивительно умна и проницательна одновременно. Это — небезопасно. Она быстро раскусит все твои финты, если тебя вдруг потянет «налево». Такая жена — это большое счастье, но и не меньшая ответственность. Испортить жизнь такому человеку было бы крайне несправедливо.

— Это ты будь осторожен. Смотри не влюбись в нее. Она действительно быстро раскусит тебя и схрумкает. А я тебя ни кусать, ни хрумкать не стану, — вызову на дуэль и пристрелю, как лучшего «друга» и самого опасного соперника, — смеясь, парировал Чарльз. Ему было очень приятно, что его жена так нравится другу.

Постепенно любимым временем молодых стали поздние вечерние часы, когда он в своем мягком халате ложился на кушетку, положив голову на колени молодой жены и блаженно закрыв глаза. Мэй брала или томик стихов Байрона, или книгу по английской истории, которые она своим мелодичным голосом читала вслух. Или глубокая ночь. Расслабленные и разнеженные физической близостью, они лежали в объятиях друг друга, рассказывая и обсуждая новости, прочитанные книги, зада-

вая бесчисленные вопросы: Мэй об Англии, а Чарльз о Китае. Казалось, что их интересует буквально все, и в этой любознательности проявлялась их взаимная влюбленность и желание, как можно больше узнать друг о друге.

Мэй любила перебирать белокурые пряди мужа. Ее тонкие, длинные пальцы были удивительно мягкими и ласковыми. Их прикосновение не только снимали утомление или головную боль, но и физически возбуждали. Чарльз много слышал и читал о необыкновенном сексуальном искусстве восточных женщин, но то, с чем он столкнулся в своей семейной жизни, немало смутило и озадачило его. Сам он не был новичком в этой важной, но, как он полагал, второстепенной стороне жизни. Несколько бесшабашное, чтобы не сказать разгульное, поведение студенческой молодежи, особенно выходцев из богатых и обеспеченных семей, слегка прикрытое благородными именами университетов и специальной кастовой униформой, рано сталкивало мужскую часть студенчества с сексуальной практикой общества. К их услугам были содержанки специальных домов свиданий, гарантирующих анонимность и гигиеническую безопасность, и дамы полусвета, снимающие квартиры поближе к университетским городкам, и, с недавнего времени, ученицы старших классов многочисленных гимназий и колледжей, а также замужние дамы, принявшие призывы к половому равноправию только в смысле свободы своего полового поведения. Что же касается молодых выпускников университетов, объединенных в специальные клубы холостяков, то для них сексуальные победы и успехи не уступали по значимости университетским дипломам. Для Чарльза, с его внешними данными и прекрасно подвешенным языком, секс довольно быстро превратился в своего рода спорт, ведущий к новым ощущениям, к полному овладению искусством управления женскими эмоциями и телами. И все же, несмотря на весь свой сексуальный опыт, он был потрясен тем, что произошло с ними в первую брачную ночь.

Первым, что поразило его, было тело Мэй. Когда, сняв халат, он подошел к кровати, она лежала на спине, натянув до подбородка простыню, и почти стучала зубами от волнения. Глаза ее были крепко зажмурены.

— Мэй, дорогая! Ну, что ты? Тебе совершенно нечего бояться. Я обещаю тебе, что ничего страшного не произойдет. Я буду очень внимателен и осторожен.

И он потянул простыню на себя, постепенно обнажая тело жены. Она скрестила ноги и тяжело дышала. По всему телу пробегала дрожь. В неясном трепетном свете свечей Чарльз разглядел по-женски округлые бедра с

красивыми, продолговатыми мышцами, узкие лодыжки и красивые колени, плоский девичий живот. Мэй слегка подогнула ноги, руками закрывая груди.

— Успокойся, дорогая, — прошептал он и внезапно почувствовал острое желание и волнение одновременно. Как только его тело коснулось постели, Мэй быстро повернулась и почти легла на него. Чарльз почувствовал прикосновение ее напряженных сосков к своей голой груди. Он больше не мог медлить и, обняв девушку, резко перевернул ее под себя.

Он помнил обещание – был внимательным и ласковым. Его горячие губы касались ее нежной шеи и впадины над ключицей. Он целовал ее маленькие ушки, жарко шептал в них нежные слова любви, не переставая ласкать ее плечи, бедра, спину, постепенно спускаясь все ниже и ниже. Прерывистые вздохи Мэй порой превращались в страстные стоны, она слегка расслабилась, чтобы вновь сжаться в очередном приступе страха. Теперь Чарльз не спешил, он умел контролировать себя. Он знал. Что должен быть терпеливым. Наконец, Мэй глубоко вздохнула и раскрылась навстречу мужу. Желание охватило обоих и растопило в своем пламени.

Чарльзу показалось, что его молоденькая жена столь же хорошая ученица в чувственной любви, как и в любом другом деле. Он не уставал удивляться и восхищаться ею.

— Можно подумать, что у вас в Китае не просто читают, а подробно конспектируют «Разговоры о верховном пути Поднебесной» и «Главные наставления для нефритовых покоев», закрепляя все на практике, — шутил он, нежно целуя ее в губы. — Ты такая же послушная и отзывчивая в любви, как в танце; ты — просто прелесть.

— Интересно, откуда это ты знаешь об этих любовных трактатах? А что касается меня, то я просто стараюсь, чтобы тебе было со мной хорошо, и тебе было со мной хорошо, и тебе не захотелось уйти к этим плохим женщинам, которые научили тебя всем этим штучкам. Слушаться и ублажать мужа — долг китайской женщины.

— Не знаю, о каких женщинах ты говоришь, но я просто стараюсь выглядеть образованным человеком, и не показаться тебе грубым мужланом.

— Нет, это я стараюсь быть современной женщиной, достойной такого мужа.

— Нет, я.

Спор с поцелуями и ласками, шутками и смехом вновь и вновь переходил в любовь, и снова Чарльз поражался, как чутко Мэй реагировала на его малейшие движения и желания, как по-восточному открыто шла на встречу его довольно изощренным требованиям. Если бы не ее молодость и не эта открытость и доверчивость, он подумал бы, что она прошла полный курс любовной игры, в которой дозволено все, кроме самого распространенного и естественного.

И все же развитое мужское чутье подсказывало ему, что где-то в глубине души Мэй не столь искренне отдается сексу, как старается показать, что какая-то ее часть сопротивляется, а иногда и борется с возникающим в ее теле пламенем. Тогда, в начале их супружества, он решил, что женщина еще не полностью проснулась в ней, и старался помочь ее созреванию, пуская в ход весь свой опыт. Сам того не подозревая, Чарльз развращал жену, уверенный, что всякий муж хочет получить все в одной женщине: друга, страстную любовницу и мать своих детей. Поведение Мэй укрепляло его уверенность в правильности избранного пути, а ощущаемое им ее внутреннее сопротивление озадачивало и слегка раздражало.

А Мэй чувствовала себя сказочно счастливой, как обычно бывает с влюбленной и любимой женщиной. Чарльз привлек ее внимание с первого взгляда. Кроме мужественности и красивой внешности, в нем чувствовался острый ум и отличное воспитание. Но было еще нечто неуловимое, незаметное незаинтересованному взгляду. Это было скрытое благородство и нежность, может быть, неожиданная в таком сильном, крупном мужчине. В браке Мэй убедилась, что женская интуиция не обманула ее: Чарльз, действительно, был удивительно нежным и предупредительным мужем. Она до сих пор помнила, как он перепугался, когда ее «свалила» сильнейшая простуда, как он кормил ее, словно маленького ребенка с ложки, и спал рядом с ее кроватью в кресле, не доверяя никому охранять ее беспокойный, лихорадочный сон. Мэй

была уверена, что его забота и нежность помогли ей быстро одолеть болезнь.

Иногда Чарльзу, после ужина и вечерней прогулки, нужно было поработать с бумагами. Закончив дела, он на цыпочках входил в спальню жены, чтобы шепотом пожелать ей доброй ночи и тихонько поцеловать. И ни разу не было, чтобы она не ждала его.

— Я не могу, пока ты не придешь. Это сильнее меня. Я всегда, каждую минуту хочу видеть тебя.

— Как? Только видеть? — рычал Чарльз и зарывался лицом в ее тело.

Однажды он не выдержал и уснул в своем кабинете, лицом прямо на бумагах. Проснулся он от легкого прикосновения жены, поцеловавшей его.

— Я все жду, а ты все не идешь и не идешь, — шептала она, лаская его.

Ее женская изобретательность, казалась, не знала границ. Украшения, неожиданно оказавшиеся на ее совершенно обнаженном теле, разнообразные ароматные масла и духи — все дразнило и возбуждало Чарльза. Даже спальню и кровать она каждый раз наряжала как-нибудь по-особому.

И все-таки однажды она отказала мужу в его желании. Отказала резко, как отрезала, чем очень удивила его. До сих пор он помнит пылающее лицо и глаза. Отчаянные глаза, умоляюще глядящие на него:

— Нет, нет. Прощу тебя, нет. Я не могу.

— Ну, почему не можешь? Почему? Не хочешь?

— Не хочу. Так — не хочу.

Чарльз резко повернулся на спину, выпустив Мэй из объятий. Она лежала рядом неподвижно и молча. Глухое раздражение неожиданно переполнило все его существо. Он вскочил на ноги, не в силах бороться с собой. Накинул халат и вышел из спальни, на пороге услышав ее вскрик «Чарли», смешанный со слезами. Но он вышел, не оглянувшись. Потом долго ходил по кабинету, курил, и не мог понять, что же с ним произошло. Теперь его удивлял не ее отказ, пусть и резкий, и неожиданный, а вспышка собственного гнева... Для нее не было причин. Он слишком хорошо знал себя. Он также хорошо знал и женщин или ему, по крайней мере, так казалось, чтобы не понимать, что своего всегда можно добиться.

ся. Если не сегодня, так завтра. И все-таки, это «не хочу». Не «не могу», а именно «не хочу».

Сам он не видел в своей просьбе ничего особенного. Тем более, что этому его научила молодая студентка колледжа, почти ровесница Мэй. Не просто научила, а совершенно открыто наслаждалась необычными ощущениями, и потом еще долго рассказывала Чарльзу, что очень многие женщины предпочитают этот способ любви всем другим. «И приятно, и безопасно», — смеясь, говорила она.

«Но почему же он так вспыхнул? Неужели он так привык к ее безотказности? Или он такой эгоист, что собственные желания превыше всего? Да, он мало знал отказов, но все-таки знал. И почти всегда относился к ним спокойно и даже с юмором. Неужели он начал видеть в ней что-то настолько свое, что может распоряжаться ею, как захочет? «Да», — повторял он себе, — «возможно в ней что-то возмутилось, что-то она сразу не смогла принять. Но такая резкость и решительность. С другой стороны, деспот тот, кто требует всего только для себя. Я же готов для нее сделать все. Интересно, может она попросить у меня чего-то такого, чего я не смогу сделать?» Чарльз задумался. «Пожалуй, такого нет, если, конечно, это не задевает чести и достоинства. Может быть, я задел ее достоинство? Может быть, надо было подождать, когда она сама созреет для такой игры? О! Она и так развивается очень быстро и очень быстро все схватывает. Видимо, я действительно поспешил. А как говорят наши китайские друзья: «тарاپиза надо, нет». Бедная девочка, наверное, плачет там одна». У Чарльза появилось острое желание вернуться в спальню жены, попросить у нее прощения, успокоить и усыпить ее. Но какой-то чужой и противный голос подсказал: «Ничего, ничего, пусть поплачет. Ей это на пользу пойдет». И вновь Чарльз удивился, что может вот так спокойно думать о той, кого так сильно любит. Думать, что она плачет, несчастна, а он убеждает себя, что ссора с ним послужит ей уроком. Он удивленно покачал головой и пробормотал: «Господи, какая только гадость не придет в голову. Чего только в нас нет?» Однако, к Мэй он не пошел, а утром, словно боясь встретиться с ней, пораньше уехал в офис.

Весь следующий день прошел кувырком: все не ладилось, все валилось из рук. Служащие фирмы с удивлением смотрели на своего осунувшегося и мрачного шефа. Он настолько отличался от того веселого и красивого, а после женитьбы еще и искренне счастливого человека, ко-

того привыкли видеть всегда, что они озабоченно переглядывались, притихли и старались не попадаться ему на глаза.

— Все в порядке, сэр? — осмелился спросить главный юрист фирмы, вызванный Чарльзом.

— О, да. Все о, кей! — ответил тот, и вздохнул.

Вечером, не переодеваясь, Чарльз отыскивал жену, не глядя на нее, поцеловал в щеку и потащил гулять в парк. Там, вдвали ото всех, он дал волю своим чувствам: подхватил ее на руки, закружил, покрывая поцелуями ее лицо и руки, просил прощения, называя себя глупым животным: то ослом, то бараном, снова целовал и заявил, в конце концов, что умрет, если они еще когда-нибудь поссорятся.

Мэй оттаивала постепенно. О бессонной ночи, о глубине обиды говорили темные круги под глазами и какие-то огрубевшие, словно замершие черты лица. В конце концов, она расплакалась, но быстро успокоилась под непрерывными ласками мужа, расслабилась и даже пошутила,

— Ты должен точно выбрать, кто ты такой: осел или баран? Я не могу быть замужем за целой фермой.

— Свинья я. Самый настоящий свинтус, — закричал Чарльз, легко подбрасывая ее в воздух.

— Господи, какая же ты легонькая.

— Ну, уж нет, — отвергала Мэй, — я предпочитаю рогатый скот.

— Значит, я рогатый осел.

Потом они долго сидели в беседке, спокойно разговаривая, а Чарльз даже читал восточные стихи:

*«Укладываясь спать, листком укрылся соловей.
Но ветерок подул и поднял листик
Под ним луч солнца проскользнул
И птаху разбудил.
Встряхнулся соловей, попил росы,
Прищурившись на солнце посмотрел.
И тронул голос, попробовал низы,
Взял колоратуру, стакката, дробь
И трель, что трелью соловьиною зовется.
Он пел — природа замерла,
Зори посланцу внемля,
И разгораясь в пенье соловья,
Проснулся новый день».*

— Это будет наш с тобой день, новый день. Ты согласна, любимая моя, Мэй?

— Я совсем еще не знаю тебя, любимый мой, — вдруг призналась жена, а думала, что уже знаю... Эти стихи, разве ты любишь стихи? И вообще я никогда не предполагала, что для мужчин, особенно для тебя, так важен секс.

— А разве он так важен? Почему ты так решила? Из-за вчерашнего?

— Нет, не только. Оба старательно избегали малейшего упоминания о причине вечерней ссоры.

— Не только. Все эти месяцы для меня были... такими необычными... они очень изменили меня. Я совсем не знала себя... Меня словно какая-то волна накрыла, какая-то тонкая сеть, как водяная пыль: вроде бы все вижу, но как-то не так, как обычно, как раньше. И люди изменились, и ты... То, что казалось раньше четким и понятным, размылось, отодвинулось куда-то вглубь меня. А снаружи только любовь к тебе, желание тебя. Мне кажется, что это — плохо, но я могла бы сутками лежать с тобой в постели. Только ты и я. Какое это острое ощущение. Нет, не любовь. Любовь — не острая, она везде. От нее задыхаешься, от нее так делается тепло и хорошо в груди. А это ощущение острое, как перец, как меч... Это и наслаждение и боль одновременно... и страх...

— Почему же страх, милая? Чего ты можешь бояться?

— Всего. Даже самого желания. Когда оно возникает, все остальное слабеет... воля исчезает, стыд исчезает, — только желание и потом... этот грохот в ушах, и полет или падение, и...жар, сухой жар во всем теле, а потом... слабость и страх... я не люблю быть слабой...

— Как удивительно ты об этом говоришь. Очень точно. Ты что же много об этом думаешь?

— Почти все время, — со свойственной ей откровенностью ответила Мэй, краснея под изумленным взглядом мужа. — Я не могу об этом не думать, даже когда разговариваю с кем-нибудь о другом. Я боюсь этого и хочу понять. Эти чувства, эти ощущения — они такие сильные... теперь я знаю, почему люди так стремятся к ним и даже теряют голову... Но это — не любовь! Нет! Это как-то связано со страхом, даже со смертью, а... у любви не может быть ничего общего со смертью. Любовь побеждает смерть.

Чарльз молчал, покоренный силой слов и глубиной переживаний молодой женщины. Сам он очень редко, и то под влиянием какой-ни-

будь книги или услышанной истории, думал о любви и сексе такими категориями. Но так — никогда. И сейчас, прижимая к груди голову любимой им женщины, он впервые отчетливо понял истинный смысл предостережения Генри: каким чутким и осторожным нужно быть мужчине, любому, не только ему, чтобы не нарушить равновесие между счастьем и разочарованием, между наслаждением и болью, даже, видимо между самой жизнью и смертью, которые всплывают на поверхность существования в эти блаженные и опасные минуты человеческой близости. Он вдруг ясно понял на какие духовные высоты можно подняться и в какие бездонные мрачные пропасти можно упасть, разбив это хрупкое равновесие. Он также еще раз убедился, что судьба столкнула его с необыкновенно умным, тонким и ранимым человеком. Ему стало стыдно того, с какой настойчивостью он пробуждал в жене чувственность, совершенно не интересуясь ее отношением к этому. Он просто рассчитывал получить для себя в будущем что-то необыкновенное, чего не имел с другими женщинами. Рассчитывал, думая только о себе. «Боже!» — с внезапной тревогой подумал он, — «а каждому ли по силам его крест». Сможет ли он стать достойным мужем этого сокровища?»

Мэй полностью простила его. Какой-то своей женской интуицией она почувствовала, что своими словами сдвинула мысли мужа в новое направление, каким-то образом повлияла на его восприятие и ее самой, и их брака. Ей хотелось, чтобы он поделился с ней этим новым отношением, но он опередил ее своим вопросом.

— Ну, ты и хитрюшка. Ты же не ответила на мой вопрос: «Почему ты решила, что секс так важен для меня?»

— А ты сам подумай, а потом скажешь мне, — лукаво засмеялась Мэй.

* * *

*«Благополучие, словно камень,
Что тянет плавающего вниз.
Как крылья, смазанные медом,
Хоть сладко, но не полетишь».*

И Чарльз думал. Никогда в жизни ему не приходило в голову анализировать свое поведение, поступки и даже свои мысли и намерения. Он

как-то бездумно, автоматически полагал, что, если ты живешь согласно законам и правилам приличия, не совершаешь ничего, что расходилось бы с общепринятой моралью, если ты верный друг, успешный бизнесмен и любящий сын, то ты, наверняка, хороший человек. Нет, он был далек от мысли, что нравится всем и всех устраивает. Это было бы слишком. Ведь и его иногда раздражали люди с безупречной репутацией, и совершенно не важно, были для этого какие-нибудь видимые причины или нет. Это было какое-то интуитивное неприятие и все. Точно также и он раздражал некоторых, сам не понимая чем, но всегда стремился избегать с ними контактов и, тем самым, уходя от прямых конфликтов и ссор. Чарльз не любил обсуждать, кого бы то ни было за глаза, и, хотя они с Генри время от времени обменивались парой фраз по поводу того или иного господина или дамы, но никогда не позволяли им стать темой беседы. Что уж тут обсуждать или анализировать?

Сейчас ему пришлось посмотреть на себя со стороны. Конечно, было бы лучше увидеть себя глазами Мэй, глазами любящей женщины, но она отказалась ему помочь. Можно было попытаться посмотреть на себя глазами постороннего, совершенно незаинтересованного человека, но и это давалось с трудом. Чарльзу пришлось согласиться с тем, что, представшая его внутреннему взору, картина была не очень приятной. При трезвом рассмотрении себя самого ему представился довольно симпатичный, физически развитый, молодой, самоуверенный и самовлюбленный нахал с очень хорошими манерами. Внешне не к чему было придраться. Вежливый, даже предупредительный, он тем не менее оставался холодным и безразличным к людям, от которых ничего не ожидал получить взамен. Лицемерно проявлял заинтересованность в каком-нибудь деле или чьей-нибудь судьбе, а сам думал, как бы избежать лишних хлопот. И даже когда делал что-то для других, а делать это приходилось довольно часто, почти всегда рассчитывал, что сделанное сослужит ему хорошую службу в будущем, во всяком случае, создаст репутацию доброго и отзывчивого малого. О том, нужно ему это или нет, Чарльз не думал. Нет, он не вел в голове бухгалтерского учета того, что делал, но где-то глубоко, в самом потаенном, отведенном исключительно для самого себя, уголке, эта мысль, вернее, даже не мысль, а намек на нее, оставлял свой след в жизненной памяти. Вероятно, если бы кто-нибудь мог заглянуть в этот потаенный уголок и потребовать объяснения, Чарльз был бы искренне удивлен, так как считал, что подобные мысли и чувства есть у

всех без исключения, и что все без исключения тщательно скрывают их под маской добропорядочности и добромыслия. Особенно это касалось секса. Тут уж Чарльз налетел на настоящий айсберг. Тщательнее всего люди скрывают свою сексуальную жизнь. Иногда самый придирчивый глаз не смог бы заметить ничего предосудительного в поведении наблюдаемого человека. А, между тем, этот человек изменяет жене всегда, когда появляется возможность, стремится или просто желает встретить предельно развращенную женщину, которой ничего не нужно объяснять: она сама все знает, все возьмет в свои руки и исполнит самые сокровенные сексуальные желания, даже самые извращенные. Чарльз не был слепцом. Он хорошо видел, что волновало и возбуждало окружающих его мужчин. Знал, кого привлекают очень молодые девушки, даже девочки, кого худые, кого толстые, а кого потянуло в «голубизну». Чарльз видел все это, но умел быть терпимым и понятливым, считая секс сугубо частным и интимным делом. При этом ему казалось, что уж свои-то чувства и желания он скрывает полностью, и, что, кроме его сексуальных партнеров, да еще, может быть, Генри, о них никто не только не знает, но даже и не подозревает. То есть, он думал и поступал, как большинство мужчин.

С Мэй все оказалось совершенно иначе. Для этой девочки, выросшей в совершенно иной обстановке, при все сложности, тонкости и скрытности его внутреннего мира, а именно таким Чарльз себя видел, он был открытой книгой. Она, ни о чем не спрашивая, легко угадывала почти все движения его души. Иногда, занятый обдумыванием той или иной проблемы, деловой или личной, он замечал ее вопросительный взгляд, и ему хотелось спрятаться, натянуть на себя одежду; во всяком случае, он всегда в такие минуты отгонял от себя свои мысли, словно боялся, что она сможет их прочесть. Вот и теперь, когда она отказалась ответить на его вопрос и предложила ему самому подумать над истинным положением вещей, Чарльз решил, что у нее-то ответ уже готов. Ну, что ж, видимо, он очевиден, и сформулировать его не составит труда.

К его искреннему удивлению, все оказалось гораздо сложнее. Чарльз, конечно же, хорошо знал о своем снисходительном отношении и к самому сексу, и к женщинам, с которыми он общался на этой почве. Более того, отношение это было не только снисходительным, но и ироничным, что, впрочем, было данью моде. Чарльз любил разыгрывать целые представления: то, выставя себя сексуально одержимым муж-

чиной, эдаким сексуальным гигантом, способным замучить любую женщину своими выдумками и неутолимым сексуальным аппетитом; то, наоборот, был холодным рассудочным человеком, занимающимся сексом только потому, что «так надо» и потому, что «так все делают». Это позволяло ему поставить женщину в положение «наставницы» или совратительницы, или и в то и другое одновременно. Женщины старались «растормашить» этого красавца-буку, занятого своими цифрами. И они радовались, когда им это удавалось и «бука» превращался в сексуально-го буйвола, неудержимого самца-гориллу.

И в том, и в другом случае секс был игрой. Чарльз был уверен, что он всегда может остановить ее или вообще не начать. Однако, анализируя свои поступки, он вынужден был признать, что ни разу не сделал этого: не прерывал и не отказывался. Вероятно, секс был для него чем-то более значимым, чем просто игра. Почему он ни разу не отказался от него? Не было причины для отказа? Были и весьма веские: и возможное возвращение мужа партнерши и возвращение слуги, и приход сожителя по комнате в университетском общежитии или подруги его подруги. Игру могли нарушить случайные прохожие, когда она затевалась где-нибудь на природе, могли вмешаться блюстители порядка, если дело происходило в людном месте. Но они не принимались во внимание, а, напротив, становились дополнительным стимулятором, вроде афродизиака. Только сейчас Чарльзу стало страшно от одной только мысли, что его застал на месте действия не вовремя вернувшийся муж. «Боже! Что за вид! Что надо было бы делать? Что говорить? А положение женщины? Уф!» Чарльз откровенно признался себе в том, что секс давно уже стал необходимой привычкой, своеобразным ритуалом со своими правилами и регламентом. Он почувствовал, что общение с женщинами, независимо от их внешности, социального и семейного положения, стало для него способом проверить свои возможности, утвердиться в своей мужской силе и своей мужской власти. Со стыдом он вспоминал, как однажды ночью попытался выставить на улицу молодую женщину, которая, по его мнению, перехватила через край, защищая свою «порядочность». Как он с каменным и обиженным лицом отбивал все ее попытки «отыграть назад» и уступить настойчивости любимого мужчины. «Ах, ну что же с вами поделаешь? Вы такой упорный, такой нетерпеливый», — повторяла она уже тогда, когда он перестал уговаривать и «обиделся».

— Ничего не поделаешь, дорогая, — дразнил он ее. — Раз нет, значит, нет. Я понимаю и почти не обижаюсь, — и снимал ее руку со своей шеи, — когда-нибудь в другой раз. Может быть, к тому времени я буду больше нравиться вам, чтобы вы захотели меня так, как я давно хочу вас.

— Фу, нехороший! Право, Чарльз, нельзя быть таким плохим, надо иметь жалость к бедной женщине, которая многим рискует, придя сюда ради общения, ради того, чтобы только увидеть вас.

И она снова обнимала его за шею, прижимала к своей груди его голову, и вдруг, оттолкнув его, уже готового демонстративно достать сигару, начала поспешно раздеваться.

— Ладно! Я покажу вам, на что способна любящая женщина.

И показала, вложив в поцелуи и объятия всю обиду и отчаяние почти отвергнутой женщины.

Да-а, постыдная, однако, картинка припомнилась. И все-таки, я не завишу от секса. Это — неправда! А отказываться от него — почему?

Видимо, дело в другом. Чарльз начал догадываться, что Мэй интуитивно разгадала значение секса в его жизни. Он пользовался им точно так же, как пользовался знаниями, положением, деньгами для решения каких-либо задач. Секс был его средством общения с другой половиной человечества и, как говорят, более прекрасной. Ну, а раз, более прекрасной, то он возьмет реванш тем, что сам будет диктовать условия этого общения. Мэй угадала его желание подняться над естественностью этого общения, а также и то, что себе в помощь он выбрал именно секс, а не любовь, — и это озадачило и напугало ее.

— Знаешь, как трудно поверить, что для тебя чувственная сторона любви так несущественна, особенно в такие минуты, — сказал он как-то жене. — По-моему, она доставляет тебе большое удовольствие.

— Извини, но еда тоже доставляет удовольствие, но прием пищи является лишь физической необходимостью, — подумала и добавила, — возможно, как и секс. Все зависит от того, какую цену нужно платить за него. Женщины легко могут поменять это удовольствие на радость духовного общения. Вы, мужчины — никогда. Для вас наивысшее блаженство заключается в обладании женщиной. Конечно, вы делаете все, чтобы приучить ее видеть смысл любви в удовольствии тела. Часто вам удается это сделать: женщина начинает не только охотно идти навстречу вашим желаниям, но и сама становится охотницей за наслаждением.

Она, уже в свою очередь, видит в мужчинах только средство его получить, а не видит в нем объект своей любви. Вам не дано понять истинную причину удовольствия, которое большинство женщин получает в минуту близости, видимо, в силу различия наших природ. Я могу отделить секс от любви, а ты — нет. Понимаешь, женщина в любви относится к любимому, как мать. Вернее, иногда, как мать, а иногда, как его ребенок. Я это сейчас точно чувствую. Но никогда я не чувствую себя... просто твоей женщиной.

Чарльз понял, что она так и не смогла сказать: «твоей любовницей».

— Не важно, что я не родила еще ни одного ребенка. Материнское чувство лежит в основе женской природы, в том числе, и в любви. Тебя, возможно, это удивит, но в сексе самое большое удовольствие я получаю оттого, что могу доставить его тебе. Каждый раз, когда ты его получаешь, и я вместе с тобой, я словно рожая тебя, — покраснев, тихо закончила Мэй.

— Не красней, не смущайся. Может быть, я потому и люблю тебя так сильно, что мне передаются твои чувства. Но я, все-таки, сомневаюсь, что большинство женщин испытывают то же самое, что и ты. Ты у меня единственная такая, — покрывая поцелуями ее лицо, Чарльз обнял жену, а сам вспомнил другую женщину.

«Да, та кокетка из гостиницы, между прочим, дама из очень состоятельной семьи. Ее муж, этот... » Чарльз никак не мог вспомнить ее мужа, — «так вот она вряд ли испытывает максимальное наслаждение, давая его другим. Она, скорее, вытягивает его из других, и можно ли ее осуждать за это?»

Вспомнив эту даму, Чарльз вынужден был признать, что с ней-то он «общался» совсем не на поле любви, а исключительно на поляне секса. О каком материнском чувстве тут можно было говорить, если они оба совершенно сознательно ставили своей целью лишь голое физиологическое удовлетворение, без малейшего намека не то что на любовь, но даже на простое уважение? Между ними шло как бы молчаливое соревнование, кто из кого «извлечет» большее наслаждение.

Впервые в жизни Чарльз был в растерянности. Он столкнулся с совершенно новым для него чистым и сильным чувством, в котором не было ни лишней чувственности, ни расчета, ни зависти. Однако в нем легко угадывалась непреодолимая готовность защищаться, бороться не только за свою чистоту и за сохранность, но и за неприкосновенность

любимого. Молодой муж начал приходить к осознанию того, что не фактом супружества, а позволением любить себя он передал другому человеку частицу прав на самого себя. Он больше не принадлежал только и исключительно себе самому, и это было не просто непривычно, но и пугало.

Уверенность и необычность убеждений жены перевернули представления Чарльза об отношениях между полами. С юношеских лет он был уверен, что Бог создал женщину для украшения и услаждения жизни мужчин. Те из женщин, с которыми он раньше имел дело, только подтверждали его правоту, и не потому, что Мэй была во много раз умнее их, а из-за разницы обстоятельств, в которых они общались с Чарльзом. Те, кто вступал с ним в сексуальные отношения, добровольно занимали положение подчинения, определенное природой. Знали это и сознательно соглашались с этим. Мэй исходила из совершенно иной социально-общественной цели. То ли в силу своей интуитивной одаренности, то ли в силу знаний, приобретенных из восточной философии и восточного уклада жизни, она боролась за свое равноправие в семье и обществе. Оно могло быть построено не на почве сексуального равенства, а в рамках семейно-общественных отношений, в основном определяющих подлинную ценность личности. Она хотела стать равноправной с Чарльзом личностью. Это интересовало ее в первую очередь. Таким образом, он видел перед собой совершенно самостоятельного человека, хотя и в женском теле, с самоценным миром мыслей, желаний, планов. Больше того, в них главное место отводилось ему. Отводилось теперь уже без его согласия и разрешения, словно они выданы были раз и навсегда. Отныне и ему предстояло строить свою жизнь и планировать будущее с учетом того, что он не один, что теперь его — двое. Чарльз также понимал, что его «вторая» половина сильнее и лучше «первой». А это таило в себе не только возможность собственного изменения в лучшую сторону, но и опасность быть отвергнутым, если скорость его изменения не удовлетворит вторую половину. И при этом правда всегда будет на ее стороне, потому что она и сама лучше, и цели ее чище и возвышеннее.

«Она — не права», — размышлял Чарльз о жене. Почему она думает, что я не знаю, что такое любовь? Секс — сексом, а любовь», — он задумался. Оказалось, дать точное определение любви не просто.

«Ну, по крайней мере, ее-то я, кажется, люблю. И не кажется, а люблю!» Чарльз подошел к окну и долго вглядывался в сторону озера, надеясь увидеть знакомую фигурку. «Черт меня побери! Я люблю ее очень сильно!»

Последнее время Чарльзу часто приходилось, вернувшись домой, стоять у окна, ожидая когда из-за поворота с правой стороны озера в сопровождении очередного гостя, появится Мэй. Он даже вспомнил старый анекдот о муже, который сидит на кухне, пока его жена проводит время с другим мужчиной. Озабоченный муж идет к врачу и задает неожиданный вопрос: «Скажите, доктор, а не слишком ли много я пью кофе?»

В отсутствии Чарльза его молодой жене было трудно отказать гостям в прогулке вокруг водоема. А, может быть, ей и самой было приятно играть роль хозяйки: встречать гостей, следить за тем, чтобы легкие угощения, кофе, напитки предлагались вовремя, что, правда, учитывая довольно строгой английский распорядок дня, было совсем несложно. Нравилось ей вести непринужденную беседу, особенно во время прогулки. Мэй замечала, что многие гости все еще воспринимают ее как какое-то экзотическое существо с Востока, за которым интересно наблюдать. В душе они изумлялись ее вполне европейскими манерами, умению вести себя за столом.

— Дорогая, правда ли, что в Китае для еды вы пользуетесь исключительно деревянными палочками? А как же все эти приборы?

И Мэй терпеливо, в который уже раз, объясняла, что перейти от палочек к вилкам, ложкам, ножам — невелико искусство. Гораздо сложнее было войти в этот незнакомый и довольно чопорный быт людей, способных удивляться таким простым вещам. Что же касается знания истории, особенно истории искусства, литературы, то тут Мэй редко встречала достойного собеседника или собеседницу. Легче всего и интереснее всего ей было в обществе Генри. Возможно, что причиной тому были его исключительно близкие отношения с Чарльзом. Молодые люди были не просто близки. Они были очень похожи, несмотря на внешнее различие. Они любили одинаковые вещи, цвета костюмов, галстуков. Каждый из них легко мог выбрать и купить для друга обувь и спортивную одежду. Даже девушку на викенд любой из друзей мог бы пригласить для другого. Во время вечерних бесед втроем Чарльз нередко затрагивал темы

или использовал выражения, которые, по мнению Мэй, могли бы иметь место только между двумя близкими людьми.

— Не красней, милая женушка, — говорил он, заметив ее смущение, — сколько раз я объяснял тебе, что мы с Генри почти одно и то же. У нас нет тайн друг от друга, нет и запретных тем.

— Ваш муж, госпожа Мэй, как всегда, немного преувеличивает. Конечно же, есть темы и вопросы, которые мы с ним не обсуждаем. Например, семейные.

— Как всякий холостяк, — перебил друга Чарльз, — Генри считает, что между супругами есть какие-то секретные, закрытые для других, кроме интимных, конечно, темы. Ты ошибаешься, мой друг. За исключением того, что я назвал, а это совсем немного, все остальное является общедоступным. Семья — лишь ячейка общества, поэтому всем, чем живет общество, живет и семья. Нередко супруги представляют противоположные стороны: муж — «тори», а жена — сторонница «Вигов». Представляешь, дорогая, какие баталии разгораются у них в спальне? Ну, не буду, не буду.

Мэй нравилось, с какой тактичностью Генри сглаживал нарочитую грубоватость и откровенность ее мужа, которые ей самой казались излишней бравадой. Со свойственной ей чуткостью она угадывала истинные причины такого поведения Чарльза. Впервые за многие годы его дружбы с Генри появился кто-то третий, имеющий полное право на его внимание и время, на его общество и чувства. И теперь он мучительно искал способ совмещения интересов всех троих, при сохранении их с Мэй двухстороннего союза, как бы всей своей сутью направленного против Генри. Чарльз пытался заменить себя в дружбе с ним их семейной парой. При этом ему хотелось сохранить искренность Генри и самостоятельность жены. Она не должна была стать третьей стороной в их дружбе. Они, то есть, Чарльз и Мэй, должны были заменить его одного. Именно поэтому он постоянно подчеркивал, что у него нет секретов от друга, а значит, их не должно быть у Мэй. Он готов поделиться с Генри абсолютно всем, и она тоже должна быть готовой к этому. По молодости лет и краткости своего супружества Чарльз не понимал, что это не возможно. Он не понимал, что в их с Генри отношения вторгся не просто третий человек, что этот третий — женщина, с ее особым миром чувств и особым миропониманием, что она имеет и готова в любой момент

предъявить на него особые права, которыми она не хочет делиться ни с кем.

Одновременно Чарльз безосновательно переносил свое мироощущение на друга. При всей схожести их взглядов и оценок, они были двумя, а не одним человеком. Строго говоря, он не смог бы, например, со стопроцентной уверенностью охарактеризовать отношение Генри к женщинам. Нет, не к тем случайным подругам, которые скрашивали их холостяцкие вечера, а к женщинам, чье общественное положение и внешность делали их возможными брачными кандидатками, то есть, к так называемым, «серьезным» женщинам. Да, они с Генри не единожды расходились в оценке достоинств той или иной дамы. Иногда Генри даже удивлял друга не только, как тот считал, ошибочностью своего взгляда, но и упорством, с каким он его отстаивал.

— Ну, где у тебя глаза, Генри? Где твой холодный ум и твой сарказм? — укорял он друга. — Да ты через неделю сбежишь от этой дамочки с ее самоуверенностью и безапелляционностью.

— Сбежать-то я, конечно, сбегу, и не только от этой. Но она вовсе не самоуверенна, как тебе показалось. Просто она хорошо знает предмет, поэтому так отстаивает свою точку зрения. А если к знанию приплюсовать ее ножки и то, что над ними, то она очень даже привлекательный объект.

— С такими аргументами трудно спорить, — временно сдавался Чарльз, но тут же переходил в наступление, — но при чем тут ты, когда она больше заглядывалась на меня?

— Ах, ты маленький, самовлюбленный Нарцисс. Где это ты видел, чтобы она смотрела на тебя? Она, по-моему, глаз не отрывает от меня.

— Тогда она разными глазами смотрит в разные стороны, — хохотал Чарльз. Споры всегда заканчивались взаимным подшучиванием и добрым глотком любимого джина с тоником. Если бы друзьям сказали, что они могут серьезно поспорить, а тем более, поссориться из-за женщины, они бы рассмеялись говорящему в лицо.

Вряд ли Чарльза по-настоящему интересовало мнение Генри о женщинах. Во-первых, ему хватало своего, которое он, по обыкновению, приписывал и другу, в во-вторых, Генри не собирался жениться, поэтому у него еще было время с помощью своего умного друга, то есть его, Чарльза, углубить свою точку зрения по этому важному вопросу.

Генри, со своей стороны, понимал и озабоченность Чарльза, и его старания. Сначала работа несколько разъединяла друзей, а теперь вот еще и женщина. Первое время Чарльз удивлял друга своим восторженным отношением к Мэй, которое тот списывал на счет первой сильной влюбленности, а потом и на женитьбу. Однако, по мере узнавания молодой китаянки, Генри все полнее понимал Чарльза и все больше боялся за их дружбу.

«Да уж, да уж! Ради такой женщины можно поступиться многим. Правда, при этом он не уточнял, готов ли он сам пожертвовать за такую женщину дружбой, но и не совсем разделял попытки Чарльза сделать Мэй таким же его другом, как и он сам. Для него Чарльз и его жена не были чем-то единым. Они были самостоятельными и самоценными людьми. Если бы Генри смог совершенно искренне ответить на вопрос, он должен был бы признать, что предпочел бы дружить с каждым из них в отдельности. Конечно, он бы добавил, что сознает невозможность дружбы с Мэй в отрыве от ее мужа. Да и вообще вопрос — захотела бы она этого. Нет, сам он не стал бы возражать. Ему нравилось разговаривать с молодой мадам Смит, чье оригинальное мышление забавляло и интриговало его все больше и больше. Он замечал, что оно меняется в присутствии Чарльза, становится менее самостоятельным, а более общим, можно сказать, семейным. Понимал Генри и опасность очарования красавицы-китаянки. Он попытался сократить число своих визитов к «другу», как только почувствовал к кому именно его «тянет» в доме Смитов. Однако это оказалось нелегко сделать.

«В этом нет ничего опасного. Я же не смогу хоть чем-то навредить своему Чарли. Кроме того, если его нет дома, сразу же повернусь и уеду», — заверял он себя на пути к желанному дому. И он даже верил в свою способность поступить именно так, а не иначе. Но стоило ему увидеть на лице Мэй удовольствие, а иногда и радость при его появлении, как он мгновенно отгонял от себя свое прежнее намерение и целиком отдавался обществу молодой женщины.

— Дорогой сэр Генри, как хорошо, что вы приехали. Жаль только, что Чарли будет сегодня попозже. Только вчера вечером он узнал о приезде фирмы из Германии. По-моему, из Гамбурга. Но мы вместе подождем его, не правда ли, сэр Генри? Вы же не дадите мне скучать одно целый вечер? У нас вправде пустой дом. Все куда-то разъехались.

И она с такой доверчивостью смотрела на него, что он чувствовал невольное смущение. Его вообще удивляло, как Мэй смотрит на него. Обычно очень стеснительная, она редко поднимала глаза на собеседника, что было свойственно женщинам Востока. Во всяком случае, так считали англичане и Генри в их числе. Но на него она смотрела чисто по-европейски: открыто и дружелюбно. В присутствии других людей эта открытость тревожила и даже смущала Генри: «Видимо, мой друг проводит большую воспитательную работу, в смысле разъяснения, как себя вести с лучшим семейным другом. Как бы он не перестарался. А то пойдут разговоры. Какие разговоры? О чем? Разве он приехал не к Чарли? Что, право, за фантазии?»

Они много гуляли вдвоем, даже в непогоду, что было не редкостью в этой части Англии и в это время года, укрывшись под большими зонтами. Темы бесед возникали как-то сами собой из малейших замечаний и отдельно брошенных фраз, и каждый раз Генри удивлялся тому углу зрения, под которым видела обсуждаемую проблему Мэй. Приближаясь на обратном пути к дому, Генри напрягался и становился рассеянным.

— Ну, вот. Я, как всегда, утомила вас своей болтовней, — почему-то лукаво поглядывала она на него. А он в это время готовился к встрече с Чарльзом, придумывая вескую причину для своего приезда, и в душе опасаясь встретить прямой взгляд друга и услышать его прямой вопрос,

— А не зачастил ли ты к нам в гости, Генри? Уж, не к моей ли жене ты приезжаешь?

Не потому ли Мэй так лукаво смотрит на него? Не почувствовала ли она истинную причину его визитов?» А она, словно читая его мысли, останавливалась и прямо на виду у всего дома поворачивалась к нему и благодарила:

— Как хорошо, сэр Генри, что вы не забываете нас. Конечно, у меня всегда найдутся дела по дому, но такого собеседника и слушателя, как вы. Я найти не смогу. Не правда, что мы женщины любим только слушать, мы очень любим, когда нас внимательно слушают. Чарльз будет очень рад. Мы только вчера вспоминали вас, — словно большущий секрет выдавала она.

А Чарльз, весь охваченный нетерпением и желанием поскорее обнять жену и поцеловать ее удивительно пахнущие волосы, уже приветственно махал им рукой через просвет огромного полукруглого окна своего кабинета. Мэй всегда удивляло, что муж ни разу не вышел из дома

им навстречу, хотя, в чем она была абсолютно уверена, всегда наблюдает за ними, когда бывает дома, с самого момента их появления из-за поворота.

Чарльз действительно наблюдал за ними. «Жаль, что в сумерках не видно их лиц», — смутно думал он. Надо достать из шкафа капитанскую подзорную трубу. Ты уж не шпионить ли собрался за ними?» — спросил он сам себя. «Только этого еще не хватало: следить за собственной женой и лучшим другом. Да, нет же. Просто хочется видеть их лица. Интересно, о чем они так оживленно разговаривают? Вот, даже остановились. Да, Генри умеет заговаривать зубы женщинам. И не только заговаривать, но и уговаривать их... Но только не Мэй. Ее-то трудно заговорить. Трудно ли? Ты же сумел заговорить. Что за идиотские вопросы лезут в голову? Скучно ей одной, наверное? Надо бы организовать отдых и уехать с ней куда-нибудь в Европу.

Тут Чарльз вспомнил о предстоящей деловой поездке в Германию и понял, что с отдыхом вдвоем придется повременить.

ИЗМЕНА

Поездка в Германию не только нарушила планы Чарльза на отдых, но и нанесла значительный удар по семейному благополучию четы молодых Смитов. Нет, лично Мэй ни о чем не знала и, видимо, никогда не узнает, а вот на совести Чарльза появилось пятнышко, которое жгло его мучительным стыдом и нарушило привычное состояние уверенности и спокойствия. Если бы он знал заранее о том, что произойдет, то, наверняка, попытался избежать этой поездки под любым предлогом или, во всяком случае, изменил бы состав своей команды. Собственно, ничего смертельного не произошло, но именно своей банальностью оно и потрясло молодого человека.

Дорога в Гамбург ничем примечательным не запомнилось, равно, как и сами деловые переговоры, причина и цель поездки. Единственное, что можно было бы отметить, так это упорство, с каким немецкая фирма отстаивала первоначальные условия контракта. Стороны собирались, долго и упорно обсуждали каждую цифру и расходились, чтобы перевести дух и сформулировать новые аргументы и предложения. К концу третьего дня непрерывных переговоров, все были изрядно измотаны и взвинчены.

Вечером этого дня Чарльз, заканчивая ужин, обратился к своей помощнице, вернее, секретарше Сьюзан с совершенно обычной, по его мнению, просьбой: «Мисс Сьюзан, если вы не имеете ничего против, я жду вас в своем номере в десять часов. Мне необходимо вам кое-что продиктовать с тем, чтобы к утренней встрече все было бы напечатано на машине». Сказал и увидел её удивленно-вопросительный взгляд. Чарльз мгновенно сообразил, чем вызвано это удивление, но у него не было ни сил, ни желания что-либо уточнять. Только на пути в номер он недовольно пробурчал: «Черт побери! Почему именно она поехала со мной? Неудобно как-то получилось».

Дело в том, что в недалеком прошлом мисс Сьюзан не была для Чарльза просто сотрудницей головного офиса. Её красота, особенно

длинные безукоризненной формы ноги, сразу же были им замечены и, через несколько месяцев легкого приятного для обоих флирта, они стали любовниками. Чарльза в Сьюзан устраивало все: собственная квартира, близость или, как он говорил, «наличие под рукой», спокойный, в офисе, а не в спальне, характер и отсутствие всяких претензий на долгосрочность отношений: «будет столько, сколько будет», — прерывала она попытки Чарльза хоть как-то обрисовать перспективы.

Любовный роман был без фейерверков, но привлекал его именно этой своей ровностью. «Прихожу, как к себе домой», — думал иногда Чарльз, открывая двери её квартиры, врученным ему ключом. «Что-то приятное в этом есть. Не надо ничего изобретать, от кого-то прятаться. Сиди и жди, когда тебя начнут раздевать и целовать». Закончился роман также спокойно, без объяснений и истерик. Когда Чарльз увлекся новой дамой и пропустил пару свиданий, Сьюзан все поняла и просто попросила вернуть ей ключ.

И вот сейчас, произнеся: «я хотел бы вам кое-что продиктовать», Чарльз вспомнил, что именно этими словами он назначал девушке вечерние свидания, чем и вызвал её удивление. Отступить было некуда, и Чарльз решил, что объяснит ей это нелепое словесное совпадение, после окончания работы.

Молодая женщина появилась точно в назначенное время, а так как она жила в той же гостинице, но на этаж выше своего шефа, одета она была в скромную черную юбку и тонкую полупрозрачную, шелковую блузку. Этот уютный, почти домашний наряд довольно странно подействовал на Чарльза. Что-то давнее, но не совсем забытое, кольхнулось у него внутри. Он резко отогнал воспоминания и все время, когда Сьюзан быстро и четко записывала произносимый им текст, старался не задерживать взгляда на её плечах и груди. Текст был записан, Сьюзан сделала какие-то поправки и, сложив листы исписанной бумаги, неожиданно встала из-за стола и повернулась. Стоявший рядом Чарльз не успел посторониться, и они столкнулись лицом к лицу. Теплота её тела, знакомый запах волос почему-то ошеломили его: кровь ударила в голову. Физическая усталость и нервное напряжение — всё каким-то странным образом преобразовалось в сексуальное возбуждение. Чарльз схватил молодую женщину за плечи и, целуя её, начал что-то бормотать о случайном наборе слов, что он не думал напоминать ей о прошлых свиданиях... , а сам все целовал и раздевал её. Потом лежал рядом с ней, не в

силах что-либо делать, говорить, объяснять. В случившемся его поразило все: и неожиданность, и сила чувств, и её податливость и налетевшая затем пустота. Некогда знакомое и волнующее тело оказалось не только незнакомым, но и чужим. Все было чужим: и её ласки, и слова, и слезы. Чарльз лежал с закрытыми глазами и слышал, как женщина одевается, потом услышал её голос: «Прости, милый. Я не хотела. Все было чудесно. Прости и забудь. Это был лишь небольшой шаг в прошлое. Спокойной тебе ночи, Чарльз».

Она ушла, а он лежал, чувствуя отчаяние и стыд. Хотелось плакать, но он не умел плакать. Он боялся даже подумать о Мэй и, когда её милое лицо всплывало перед его внутренним взором, он сжимался, стараясь зарыться в скомканное постельное белье. «Господи! Что я наделал? Как я войду в дом и посмотрю ей в глаза?» В первые минуты это показалось Чарльзу совершенно невозможным: «Она все поймет, она непременно почувствует. Боже, что я наделал?» Ужас и отвращение к себе перемежались с тяжелым сонным забытьём, в которое он время от времени впадал, и потом вновь выныривал в тот же стыд и смятение. К утру он был совершенно измучен и нравственно, и физически, и потом на переговорах шутиливо упрекал немецких партнеров, что они своим упорством совершенно измучили его. На Сьюзан он старался не смотреть, но отметил, что она выглядит великолепно: как всегда свежа, спокойна и привлекательна. Её красота подействовала на него умиротворяюще — эта женщина стоила его внимания. «Если сохранять верность жене, то сколько раз?» — с грустью вспомнил он старую студенческую шутку.

Домой он вернулся тихо и несколько дней жаловался на сильную усталость. По обыкновению, Мэй ни о чем не спрашивала, но по прошествию нескольких дней, она вдруг задала вопрос о результатах переговоров с немцами.

«Извини, дорогая, что сам сразу ничего не рассказал. Эти немцы меня буквально измордовали. Особенно этот, ты, вероятно, его помнишь, Розенберг. Помнишь, он все всхлипывал: «О, Германия, О, Германия? Тебя еще поразила его сентиментальность».

«Конечно, помню, дорогой».

«Так вот, именно он был самым жестким и неуступчивым и, не поверишь, все под то же самое всхлипывание»,

По мере развития и укрепления сотрудничества с немецкой фирмой, Чарльзу приходилось часто рассказывать о ней, и всегда он делал это

без удовольствия, постоянно преодолевая неожиданно возникающее внутреннее препятствие. Он невольно становился многословным, вдавался в ненужные подробности, холодел, встречая удивленный, а главное, как ему казалось, подозрительный взгляд жены.

Обычно не склонный к самокопанию, Чарльз все-таки провел несколько следующих недель в постоянном наблюдении за своим психическим состоянием и сделал несколько неприятных выводов. Прежде всего, он с большим огорчением констатировал, что в его отношении к Мэй появилась маленькая трещинка. И что было самым неожиданным, так это попытка каким-то образом свалить вину за случившееся с ним на неё. Если Чарльз не мог быть полностью объективным в своих оценках, то честность перед самим собой ему удавалось сохранять. Она-то и позволила заметить, что в глубине души у него появилось стремление найти оправдание своему поведению в поведении жены. Открытие это больно ударило по его самолюбию. Временами на него нападало отчаяние: хотелось кричать, ломать мебель или бить посуду, хотелось рвать на себе волосы, хотелось все рассказать ей и потребовать объяснения, почему она делает вид, что ничего не произошло и не происходит, почему она притворяется непонимающей, — но он оставался прежним хладнокровным, подчеркнуто внимательным мужем. Такая способность молчаливо лгать и попросту обманывать горячо любимую жену — также была новой чертой его собственного характера. Раньше он её за собой не замечал. То, что в первые часы, после ухода Сьюзан, казалось совершенно невозможным, оказалось не таким уж и сложным. Только плата была высока. Иногда он внутренне вздрагивал, услышав свой притворно заботливый голос: «Тебе хорошо, дорогая? Не хочется ли чего-нибудь, дорогая? Дорогая!» Даже сам смысл этого обращения изменился для него, казался слащавым и фальшивым. В такие дни Чарльз впадал в депрессию, — состояние, которое он прежде считал признаком физической и моральной слабости, — роскошью, непозволительной для сильных людей.

Книги раздражали его своей холодной правильностью, излишней научностью или еще больше: неоправданным оптимизмом и детским романтизмом. Невозможность что-либо изменить, исправить доводила до отчаяния. Прежняя уверенность в духовном росте, увеличении человеческой доброты и благородства теперь казалась нелепой и абсолютно ничем не подкрепленной. Люди, окружающие его, перестали быть

искренними, не вызывали симпатии. В каждом их слове или вопросе ему слышались намеки, желание унижить его, поставить в тупик. Боже! Как тяжело было не показывать своего истинного настроения, бодро рассказывать о проведенных переговорах или передавать светские сплетни и анекдоты. Однако, самым тяжелым были мысли о жене. Мэй ничем не выдавала своих чувств и наблюдений, но Чарльз заметил, что в её нарядах стали преобладать темные тона, совершенно не соответствующие прекрасной солнечной погоде. Чарльз исподтишка наблюдал за её лицом, когда она весело обсуждала с его сестрами и кузинами обновки или кулинарные секреты, а также совершенно новые для неё политические вопросы. Видимо, она уже достаточно вжилась в окружающую обстановку, чтобы принимать английские политические новости, как свои. Глядя на жену, Чарльз испытывал презрение к себе и боль за неё. Вот она, что-то говоря, так доверчиво и чисто смотрит на него, словно ища его поддержки и поощрения. И он согласно кивал, часто не слыша или не понимая смысла его слов. «Почему он так казнит себя? Что страшного, в конце концов, произошло? Ну, да, верно. Он изменил ей! И что теперь? Она ничего не знает и не узнает никогда. Он не стал меньше любить её. Или стал? Не может нелепый случай нарушить их счастье. Счастье, любовь. Боже, какими пошлыми затасканными словами он начал измерять свою жизнь. Разве он когда-нибудь связывал счастливую мужскую жизнь только с любовью. Да, никогда! Все-таки работа и, может быть, политическая деятельность, которой он непременно займется в будущем, — вот в чем смысл жизни — её стержень. Но, с другой стороны, какими другими словами можно назвать то, что он испытывает к Мэй? Разве не счастье окутывает его при одном её появлении? Нет, конечно: любовь, красивая, любимая и любящая жена, дети — все это должно сопутствовать двум najważнейшим сферам жизни, но только сопутствовать. Ему повезло: он встретил и полюбил необыкновенную женщину, и он обеспечит ей счастливую жизнь. Но почему же так щемит сердце, почему краска стыда вновь приливает к лицу? Все-таки, он в чем-то её предал, отдал другой женщине то, что принадлежало только ей одной. Как жалко Мэй! Что она думает сейчас, глядя на него? Почему она улыбается? Она что над ним смеется? Догадывается о чем-то и смеется. Почему она тогда молчит и ни о чем не спрашивает? Жалеет, что ли?»

Иногда в такие минуты внутри поднималось раздражение. Чарльз не мог четко ответить на вопрос, что именно раздражает его. Неужели, на него действует Мэй? Её красота, спокойствие, её манеры, порядочность, которая, казалось, исходила от всего её облика?

«Порядочность. Легко быть порядочной, сидя дома, вдали от искушений. Целомудрие ничего не стоит, если на него никто не покушается. О чем это я? Что за глупость?»

В свою очередь, Мэй с беспокойством наблюдала за изменениями в их отношениях. За последний месяц между ней и Чарльзом несколько раз возникали споры при обсуждении политических новостей. Зачинщиком их был Чарли, но не это удивляло молодую женщину, а его явная раздражительность и отсутствие между ними прежнего взаимопонимания, даже по вопросам, по которым прежде было полное согласие. Неожиданная нетерпимость и резкость мужа проявились впервые при обсуждении положения в Индии. Чарльз с сочувствием отозвался о деятельности английской администрации в этой стране и резко отрицательно о политической оппозиции, с каждым годом набирающей все большую силу.

«Эти люди не только не умеют работать и воспитывать народ, но они еще начисто лишены чувства благодарности. Чем бы до сих пор была Индия, если бы к ним не пришел английский капитал и умение англичан налаживать любое дело. Стоит посмотреть на Бомбей, Калькутту, другие города, чтобы увидеть, сколько понастроено под нашим руководством. И теперь эти политики, переехавшие из своих лачуг в современные дома и дворцы, получившие у нас приличное образование, требуют, чтобы мы покинули страну и предоставили им самим править».

«Но, дорогой,» — как всегда, спокойным, тихим голосом возразила Мэй, — «Англия делала это не бескорыстно, не только из благотворительных побуждений. Ты лучше меня знаешь, как много было вывезено и вывозится из Индии в метрополию. Даже фабрики строились только те, чья продукция нужна здесь, в Англии».

«Ты это говоришь только потому, что сама представляешь такую же страну», — неожиданно резко перебил её муж. Китай закрылся, не пускает к себе иностранцев, и застыл в своем средневековом состоянии. Неслучайно все умные люди, вроде твоего отца, уехали в Гонконг, который быстро превращается в ультрасовременный город, но опять-таки с помощью иностранцев. Извини, но я не удивлюсь, если и здесь нам при-

дется столкнуться с такой же черной неблагодарностью. Это, видимо, присуще всем слаборазвитым народам».

«Слаборазвитым народам», — как эхо повторила Мэй, стараясь скрыть обиду.

«Я надеюсь, ты не принимаешь это в свой адрес и в адрес твоей семьи, дорогая. Я говорю о народе в целом, имея в виду большинство».

«То самое большинство, которое еще ни разу за всю свою долгую историю не имело шансов развить себя интеллектуально и экономически обеспечить достойную жизнь. То все отнимала местная знать, сама утопающая в роскоши, то пришельцы, продающие блага цивилизации втридорога. Вспомни, культура и духовная жизнь появились в Индии и Китае за несколько тысяч лет до появления англичан как нации».

«Согласен. Но в истории всегда было так. Древняя цивилизация, вспыхнув, угасает, оставляя после себя лишь бесполезные каменные памятники да мифы с легендами. У них не хватает энергии на современное существование. Где сейчас великие греки и римляне? Мы видим выродившиеся нации. Поэтому-то им и нужна новая энергия и юная кровь новой цивилизации, за которые нужно платить и платить много».

«Цивилизации?! Ты имеешь в виду цивилизацию, которая расстреливала пленных противников, привязывая их к стволам пушек? Это ты называешь цивилизацией?»

«Признаю. Жестокость, даже излишняя жестокость, имела место. Но мне кажется, что это была работа хирурга, отрезающего раздробленную ногу или руку. За цивилизацию нужно платить и не только сырьем и драгоценными камнями, но и отсечением того, что встает на её пути. Нам она тоже не далась даром. Англичане, заплатили за неё высокую цену».

«А как ты думаешь, Чарли, могут ли английские солдаты быть такими же жестокими против французов, итальянцев, немцев, если, не дай Бог, случится война? Не развратила ли жестокость тех, кто был исполнителем в Индии, на войне с бурами? Сегодня жестокость против дикарей, варваров, недоразвитых народов, а завтра... »

«Такого завтра не будет. Цивилизованные народы потому и являются таковыми, что умеют делать выводы из своих ошибок. Именно их цивилизованность и культурность не позволит вспыхнуть войне в Европе или против России», — заметно смягчился Чарльз, и сам смущенный допущенной резкостью, вызванной его раздражением, и заметивший оби-

ду жены. Мы, родная моя умница и гуманистка, можем жить спокойно, и мы, и наши дети и внуки».

Домоседство, в котором Чарльз невольно хотел упрекнуть и в котором в минуту раздражения видел причину благопристойности жены, с некоторых пор уже не соответствовала действительности. Около месяца назад, кузина Элен, ровесница Чарльза, вовлекла Мэй в деятельность женского клуба по оказанию помощи детям-сиротам, родители которых работали и погибли в заморских территориях Англии. Таких детей было не очень много, но они были собраны в отдельные сиротские дома. Известный благотворительный клуб создал филиал для надзора и оказания помощи этим домам. Руководство новым клубом решило распространить свою деятельность также и на детей местных сотрудников английской администрации и местной аристократии, что, по их мнению, должно было помочь в развитии у английских детей большей национальной и религиозной терпимости. Естественно, оно с восторгом встретило появление молодой китайки, которая, как им показалось, после недолгой беседы с ней, идеально подходила для работы с детьми-иностранцами. Самой Мэй также показалось, что общественная работа такого плана может обогатить её жизнь, и она согласилась. Имени семейства Смит было достаточно, чтобы её безо всяких проблем приняли в члены клуба. Чарльз добродушно подшучивал над её радостью в связи с вступлением в клуб и, особенно, над её оптимизмом по поводу будущей работы. Тем не менее, его болезненно обостренное самолюбие было задето нескрываемым удовольствием, с которым жена уезжала из дома без него. «Чем бы дитя не тешилось... Нет, видимо надо подумать о собственных детях», — решил он.

К его удивлению и, кажется, к удивлению самой Мэй, работы оказалось больше, чем предполагалось, и она была интереснее, чем виделось со стороны. А, значит, и отлучек из дома было больше. Да и уезжала она надольше. Когда же Мэй осторожно намекнула ему на необходимость уехать в Ливерпуль на несколько дней, Чарльзу показалось, что он ослышался. «Ты что же собираешься остановиться в отеле?» — не скрывал он своего удивления. «Одна?»

«Вообще-то, я получила приглашение от Элен Гиббсон остановиться у них, но, если ты считаешь, что это неудобно, то придется зарезервировать номер в отеле». Чарльз почему-то почувствовал в её тоне иронию.

«Нет, уж. Я думаю, что лучше остановиться у Гиббсонов. Когда ты должна быть в Ливерпуле?»

«В четверг».

«В четверг. Очень хорошо. Я увижу Майкла во вторник и попрошу его приютить тебя. И я буду спокойнее, да и за вами, мадам Смит, не худо будет приглядеть», — шутливо погрозил он жене пальцем. «Как иностранка, вы не знаете, что большие города в Англии полны соблазнов и опасностей, а Ливерпуль, в особенности. Кроме того, Майкл обеспечит тебя транспортом. Что? Клуб обеспечивает? Отлично. Вы недурно устроились, мадам. А в воскресенье я сам приеду за тобой, если, конечно, у тебя нет других предложений. Кстати, мы вместе ходим в кафедральный собор, заодно и исповедуемся друг перед другом в своих прегрешениях».

«Даже, если бы у меня и были другие предложения, они все вне конкуренции с твоим. Я буду так рада подождать тебя в городе».

Длительное пребывание в большом городе, да еще без мужа, огромное количество встреч с людьми ошеломили Мэй. Она впервые столкнулась с ситуацией, когда при встрече ей не говорили комплементов, а просили денег, просили передать куда-то какие-то бумаги, просили приехать и встретиться с членами клубов, детьми, чиновниками. Одни уходили, на их место появлялись другие с новыми бумагами, вопросами и просьбами. Мэй кому-то докладывала, объясняла, рассказывала, просила и требовала. Работа захлестнула её, но она не могла не заметить, как по вечерам улицы Ливерпула заполняли уже другие люди, — не озабоченные и деловые, а вальяжные, хорошо одетые и хорошо пахнущие люди, вышедшие на улицы в поисках развлечений. К их услугам была масса различных заведений, сверкающих витринами и огнями. Повсюду слышался женский смех, звон хрусталя и столовых приборов. Регламент работы клубов был давно и хорошо продуман. После напряженной дневной суеты, короткого ланча, как правило, устраивался обильный ужин, на который приглашались руководители и активисты, а также почетные гости из других клубов и обществ. На них продолжалось обсуждение деловых вопросов, заводились нужные знакомства, находилось место и шуткам и общеполитическим спорам и легкому ухаживанию со стороны приглашенных мужчин и мужей женщин-активисток. На этих ужинах Мэй чувствовала себя неудобно, несмотря на постоянное присутствие и поддержку Элен Гиббсон, а иногда и её мужа Майкла. Ей явно не

хватало Чарльза. Нет, когда речь шла о делах клубов и фондов или о политике, и когда она видела вопросительно обращенные к ней лица, она спокойно излагала свое понимание проблемы, но, если собравшиеся переходили к светским новостям, она замыкалась и старалась спрятаться за Элен. Особенно она начинала нервничать, когда кто-нибудь из молодых гостей пытался перевести разговор на её личную жизнь, пристрастия и предпочтения. Лицо её, как и до замужества, заливала краска смущения, и она изо всех сил старалась вернуть разговор на тему о детях, искусстве или, на худой конец, о политике. Она откровенно не понимала, как могут женатые мужчины так откровенно ухаживать за совершенно незнакомой женщиной, говорить ей комплименты, восхищаться её красотой. Она ставила на их место Чарльза и чувствовала, насколько ей было бы неприятно видеть его ухаживающим за кем-нибудь. Она отличала мужчин, для которых ухаживание было просто формой общения с прекрасным полом, от тех, кто совершенно серьезно предлагал совместный ужин или обед где-нибудь в загородном ресторане. Жен некоторых из таких мужчин она знала и ей становилось обидно за них, тем более, что она видела, как они вели себя в присутствии жен. Такие мужчины вызывали в ней неприязнь, как люди, которым нельзя доверять. Именно поэтому Мэй несколько раз пыталась под различными предлогами избежать участия в очередном ужине, но безуспешно, так как зависела от Элен. Не могла же она оставить её одну и уехать к ней же домой. Кроме того, новая родственница объяснила ей, что деловой ужин есть продолжение работы в клубе. И как же она была рада, когда однажды в конце очередного заседания в их клубе, после которого планировался дружеский ужин, в зал заседаний вошел Генри. Он осторожно прикрыл за собой двери и огляделся. Увидев Мэй, сидящую за столом на небольшом возвышении, заменявшем в клубе сцену, он широко разулыбался и приветственно помахал ей рукой. Мэй радостно взмахнула рукой в ответ. Глядя на Генри она в очередной раз поразились, насколько они с Чарльзом похожи: оба высокие, развитые, прекрасно одетые и уверенные в себе. Теперь она с нетерпением ожидала конца заседания.

Радость Мэй объяснялась не только тем, что ей было просто приятно увидеть друга семьи, но и надеждой узнать у него, что же все-таки произошло с её мужем. Исключительно чуткая, тонкая, настроенная практически на одного мужчину в целом мире, она почувствовала, что с ним

что-то случилось в первый же момент, как он вошел в дом. Об этом говорили: и необычная бледность лица, и темные круги под глазами, и весь его измученный вид. Сначала Мэй поверила словам мужа, что он совершенно без сил, что прямо сейчас примет душ и отправится спать без ужина. Она вскочила, чтобы самой проверить на месте ли банные принадлежности, нежно погладила мужа по щеке и... увидела его глаза. Внутри все оборвалось: Мэй всем своим существом поняла, что Чарльз обманывает её, что причиной плохого состояния является не усталость, даже очень сильная, а что-то ужасное и черное. В его взгляде молодая женщина не увидела привычного для неё нежно-насмешливого обожания, а заметила растерянность и даже страх. Она не смогла бы этого объяснить, но ей до боли стало ясно, что её муж, любимый и единственный Чарли провел ночь, а может быть, и не одну, с другой женщиной. Она почти инстинктивно отшатнулась от него и поспешно бросилась в ванную комнату, граничащую с его спальней. Взяв в руки чистые полотенца и банный халат, Мэй почувствовала, что не в силах стоять. Дыхание перехватило, кровь мощными болезненными толчками ударяла в виски. Невыносимо заломило под левой лопаткой. Женщина пошатнулась и бессильно оперлась о дверной косяк. Чарльз изменил ей, он больше не любит её! «Господи! Что же делать? Надо немедленно уехать отсюда. Как он мог? За что? Чем она не угодила ему?» Место бессилия мгновенно заняла ранее незнакомая злость, перемешанная с отчаянием. «Мерзавец!» Захотелось броситься на него и бить его кулаками прямо по лицу, вцепиться своими ногтями в его лживые глаза. «Все кончено!» Её счастье рушилось, так и не успев полностью раскрыться. Она еще не научилась проявлять ему свою любовь, так как ей того хотелось. Она знала, что еще несколько минут назад, ожидая Чарльза в гостиной, она была переполнена любовью и нежностью к нему, лучшему во всем мире мужчине. За прошедшие месяцы он не успел испытать и половину её любви, а... , теперь все рушилось. Внезапно налетевшую ярость вновь сменила боль и ужас краха. Она не сможет больше жить. «А зачем жить, если даже такая любовь не спасает от измены любимого. Жить не имеет смысла. Она не станет жить с этим. У неё хватит силы... Она — восточная женщина, знает, как надо поступать, если надежды на счастье больше нет. Заслышав шаги мужа, Мэй намочила холодной водой кончики пальцев и приложила их к вискам. Стало немного легче, уменьшилась сильная боль в затылке. Только кровь продолжала толчками стучаться в

виски. Совершив огромное усилие, она приветливо повернулась к мужу: «Все в порядке, дорогой, все на месте. Прими душ и ложись спать. Спокойной ночи!» Она заставила себя поцеловать его в щеку, но почти отдернула руку, которую он взял для поцелуя. Нет, сейчас она не позволит ему целовать свою ладошку и каждый палец по очереди. У неё не хватит сил вынести это.

«Если что, я рядом, ты знаешь», — и выскочила из комнаты.

К ужину она тоже не вышла, что всеми было воспринято с пониманием: влюбленные или едят вместе, или вместе голодают. Пусть воркуют.

Но «ворковала» одна лишь Мэй. Сломленный всем пережитым, Чарльз мгновенно уснул, а она ходила по своей спальне, заламывая руки и беззвучно рыдая. Любимый и счастливый ребенок, она никогда в жизни не знала такого горя и такой боли. Медленно раздеваясь, она бродила из угла в угол, продолжая задавать себе один и тот же вопрос: «За что? Как он мог?» Глухие рыдания опять сменялись яростью, гнев — усталостью и слезами. Воображение рисовало яркие картины с участием раскрашенных, вульгарных женщин, которых она видела по вечерам на улицах Ливерпуля, и Чарли. Её Чарли.

«Они смеялись надо мной, обсуждали меня, разбирая мои достоинства и недостатки». Она опять начала задыхаться.

«Хорошо, тебе милый? Не то, что с твоей китаяночкой», — слышала она язвительно-торжествующий смех женщины. «А Чарли? Он, наверное, говорил ей ласковые, нежные слова, которые он шептал и ей. «Под...», — Мэй не смогла закончить грубое ругательство, адресованное мужу. Она вдруг ясно увидела его измученное, какое-то чужое лицо. «Что-то он не производит впечатление счастливого человека, который провел несколько веселых и приятных ночей? Что, если она ошибается? Если она все это придумала: и измену, и торжествующую соперницу. Нет, она не могла так ошибиться». Её женская природа, просыпающееся чутье замужней женщины, говорили, что, к сожалению, она права. Но причем тут вульгарная, разрисованная профессионалка с улицы? Неужели Чарльз способен опуститься до такого? Скорее, все произошло с одной из этих красивых, длинноногих «офис-гёрлз», которые деловито спешат по коридорам его фирмы. Да, наверняка, у неё достойная и красивая соперница. Достойная и её, и Чарли. Но что же теперь делать?»

Мысли о крушении всего и о смерти больше не приходили в голову. Их сменила неожиданная ясность. «Что ж, возможно, Чарли не устоял

перед соблазном или какая-то ловкая мисс воспользовалась его минутной слабостью. «Ну, и что теперь?» Мэй давала себе отчет в том, что вышла замуж не за девственника. Об этом свидетельствовали и знание женщин, и знание их тела, и сексуальная техника мужа. Она никогда раньше не обдумывала эту сторону своего брака, но как должное приняла факт, что имеет дело со зрелым мужчиной, а не с мальчиком. Так, наверное, и должно быть. Почему же её совершенно не интересовала женщина, вернее, женщины, с которыми он был до неё? Разве они не занимали значительного места в его прежней жизни? Но она никогда не думала о них, не пыталась представить себе их лиц, нарядов, слов. Пусть одна из них на несчастье вновь «вынырнула» из прошлого вблизи её мужа. Так что? Она должна безропотно отойти в сторону, без борьбы отдать самое дорогое, что у неё есть? Ну, нет, милые дамочки. Напрасно хихикаете и надеетесь. Она будет бороться. Она сумеет отстоять свое счастье. Она сделает все, она научится быть настолько необходимой мужу, что ни одна из женщин в мире не сможет приблизиться к нему. Она сможет околдовать его, одеть в доспехи из своей любви. Чарльз — её мужчина и останется им навсегда. Нужно только пережить эту боль прозрения, унять дрожь, которая не утихает в груди, нужно научиться жить с тем, что так внезапно и болезненно открылось ей. Сможет ли она простить мужа? Сейчас об этом не нужно думать. Понимание прощение еще далеко впереди. Если она сможет понять, она простит. Но это зависит не только от неё, но и от Чарльза и других людей. Жизнь перестала быть простой и объяснимой. Наряду со счастьем и любовью в ней оказались и горе, и боль, и чужие, завистливые люди, — надо учиться жить в этом новом мире. Надо защищать себя и свою семью. Семью? Да, у неё семья, у неё прекраснейший муж и должны быть дети. Она, Мэй — охранительница семьи. Она — женщина. Она должна быть сильной, гораздо сильнее своего мужчины. Она не подаст и виду, что страшно и горько. Она сумеет обмануть Чарли.

Теперь, когда стало ясно, как строить дальнейшую жизнь, Мэй немного успокоилась, и, закрыв глаза, стала вспоминать отца. Яркие, возбуждающие картинки в её воспаленном мозгу сменились далекими, но такими родными видениями из детства. Большой сад, в котором росли и цвели: японская мушмула, магнолии, тюльпанное дерево, дерево личжи — с плодами, похожими на орехи. Пруд, до которого можно было добегать по тропинке среди папоротника, толстой мясистой травы аир и

широколистного щитовника, называемого «бараньи зубы». Вокруг пруда в щелях между камней росли мхи, но, главное, дикие орхидеи. Весной целые гирлянды белых орхидей с зелеными листьями свешивались в воду. Склоны невысоких гор по ту сторону пруда покрывались алыми цветами индийского рододендрона. Внизу склоны заканчивались бамбуковыми рощами и лугами. На них любил подолгу смотреть старый Чанг. Он устраивался в беседке в удобном кресле. И она, маленькая девочка, по привычке стоит перед ним на коленях, положив головку в его ладони. Отец что-то говорит ей и его всегда непроницаемое, почти суровое лицо смягчается, становится ласковым лицом старого отца, почти дедушки. Мэй была поздним и очень любимым ребенком. Она заслуживала эту любовь. Красивая, талантливая ко многим вещам, она вдобавок была еще необыкновенно ласковой и доброй к людям. Редко кто удерживался от улыбки при виде этой маленькой красавицы, всегда одетой, как принцесса, с исключительно приветливым выражением лица. Господин Чанг просто души не чаял в ней.

«Тяжело тебе, моя принцесса?» — спросил он Мэй уже в её сне. «Крепись, девочка. Жизнь никогда не бывает одинаковой: всегда счастливой или всегда плохой. Радость и счастье будут сменяться периодами горя и болезней. Надо уметь преодолевать их. Уберечь же тебя от них не сможет никто, даже я. Я могу обеспечить тебе безбедную жизнь — это очень много, но не все. Деньги не могут дать счастья. Оно в руках богов, которые бывают щедры только к тем, кто заслуживает счастья, кто готов и борется за него. Я знаю, я уверен, что ты будешь счастлива, дорогая Мэй. Ты заслуживаешь его. Если не ты, то кто?» И он поднимал её головку, долго смотрел ей в глаза и целовал в лоб, довольный ею.

*«Тот счастье обретет,
Трудился много кто.
Боролся, падал,
Но вставал.
Любви искал, любил,
Рожал детей.
Тот счастье обретет.
Кто предков почитал,
Черная силу в них.
Кто солнышко встречал,*

*Как дар Богов.
Кто пел о счастье, о любви,
Смеялся и страдал.
Тот счастье обретет.
Кто умывался каплями дождя,
В росе купался.
Кто отдал самого себя
Любимой.
Тот счастье обретет».*

Мэй заснула.

А утром с помощью искусного грима она придала своему лицу обычное приветливое и спокойное выражение. Незаметные черточки губной помады, словно в легкой улыбке, приподняли уголки её рта, две черточки тушью в уголках глаз расширили их, заставили сиять. Специальная прическа придала уверенность, а немного темноватые тона наряда — некоторую торжественность. Правда, эту тональность Мэй сгладила ярким шейным платком, цвета которого для любого жителя Китая свидетельствовали бы о счастье и здоровье его владелицы. Жизнь продолжалась. Но когда, два дня спустя, отдохнувший и посвежевший Чарльз вновь вошел в её спальню, Мэй охватила паника, что если она обнаружит в нем перемену. Может быть, та, другая женщина смогла дать ему то, что она не умеет, не сможет? Что тогда? Или он начнет рассказывать и признаваться ей в измене. Нет, она не позволит ему сделать этого. Он должен забыть обо всем, особенно, о той, другой.

Им вдвоем удалось почти незаметно преодолеть барьер, который они не видели, но оба явственно ощущали. Как и в первую их ночь, Чарльз был внимателен и нежен. Он наградил жену не только бесчисленным количеством поцелуев, но и словами благодарности и восхищения.

И вот сейчас, увидев Генри, Мэй поняла, как сильно и положительно действует на неё все, что так или иначе связано с мужем, как ей не хватает его присутствия.

Генри, поцеловав ей руку, сразу же предложил поехать в загородный охотничий ресторан, где бесподобно готовят дичь. «Или, если дамы предпочитают дары моря, шикарный рыбный ресторан». Приглашение, естественно, относилось и к Элен, но та, к удивлению Мэй, немед-

ленно отказалась, заявив, что гости еще смогут простить отсутствие на ужине мадам Смит, но не поймут и не простят отсутствие их обеих.

«Так что, дорогой Генри, к сожалению, я не смогу вас сопровождать, вопреки наказу Чарльза, но, пожалуйста, я доверю тебе Мэй, но только потому, что хорошо знаю тебя сама, иначе никакая дружба с Чарли тебе бы не помогла. Желаю приятного ужина и, пожалуйста, не загуливайтесь допоздна, не то расскажу все Чарльзу».

Оставшись наедине с Генри, Мэй впервые почувствовала некоторую неловкость, словно они встретились на специально подготовленном свидании.

«Так, значит, охотничий или рыбный?» — подчеркнуто деловито переспросила она и почти сразу выбрала: «Рыбный, если можно. Вы знаете, Генри, мне всегда немного жаль дичь: всех этих перепелов, вальдшнепов, зайцев... Морские дары какие-то более хладнокровные..., а потом я же представительница морской державы».

«Ну, тут еще можно поспорить, кто из нас более водяной. Все-таки, Британия — владычица морей, но это не мешает её поданным любить хорошо прожаренный кусок вепря или медведя. Однако, мадам Мэй, ваше желание для меня закон. Вы готовы ехать?»

«Только оставлю секретарю кое-какие бумаги и можем ехать. Это далеко?» Генри при слове «бумаги» усмехнулся и покачал головой, но тут же объяснил: «Не очень. Думаю, что за сорок пять минут или час доберемся».

Уже в экипаже Мэй по-прежнему испытывала небольшое смущение, но такт и деликатность Генри постепенно сняли её напряжение, и к приезду в загородный морской ресторан она уже оживленно поддерживала разговор. Какое-то время понадобилось, чтобы привести себя в порядок после дороги, выбрать вино и закуски и заказать главное блюдо. Мэй, по совету Генри, выбрала светлое испанское вино, хорошо оттеняющее вкус морских блюд, а Генри предпочел шотландское виски с содовой водой и мелко наколотым льдом. После закусок, среди которых присутствовали традиционные для Японии тонко-тонко нарезанные ломтики сырого тунца и норвежской семги и нежно посоленное филе исландской сельди, разговор вернулся к теме, которую Мэй затронула в пути. Тогда Генри не успел подхватить разговор, но сейчас охотно отвечал на вопросы молодой женщины, по напору напоминаящие нападение.

«Я знаю, что эти вопросы часто и особенно бурно обсуждаются в мужских клубах. Даже слышала, что Чарльз активно участвует в спорах».

«Уверен, что на женских собраниях эти споры проходят еще острее. Все-таки речь идет о правах женщин, поэтому кому, как не им дискутировать на эту тему».

«Однако, женские наряды больше обсуждают мужчины», — подколола его Мэй.

«Это оттого, что женщины наряжаются в них для мужчин, а вот женские права нужны именно женщинам, а не мужчинам», — смеясь, парировал Генри. «Не буду скрывать, мы, мужчины, охотно играем в эту игру, называемую «эмансипация», и я давно уже хотел узнать ваше мнение о ней. Скажите откровенно, вам, действительно, нужна свобода... свобода от нас?»

«Ну, от вас-то нам уже никуда не деться, но по больше равноправия нам не помешает».

«Нет, нет, госпожа Мэй. Я специально подчеркнул слово «свобода». Для меня лично проблемы равенства женщин не существует по определению. Кто в добром здравии может подвергать сомнению право на равенство половины человечества? А вот подлинной свободы, чтобы пользоваться этим равенством, у женщин, действительно, нет. Свободы выбрать свою жизнь: через образование, профессию, деловую карьеру. Свободы стать политиком и, наконец, выбрать себе мужа».

«Но формального запрета же нет. Женщина свободна подать прошение о допущении её к прослушиванию курса в любом университете. Другой вопрос: разрешат ей или нет? Кстати, сэр Генри, кто будет решать этот вопрос?»

«Скорее всего, университетский Совет. Требования к девушкам, желающим посещать курс, конечно же, будут отличаться. Совет не может не интересоваться, что девушка собирается сделать с полученными знаниями в будущем. Если она собирается выйти замуж, что нормально, и посвятить себя воспитанию своих детей, то зачем она будет занимать место в студенческой аудитории? Аналогичные вопросы возникают и при выборе профессии и политической деятельности».

«Получается, что во всем виноваты дети. Кто-то должен их воспитывать дома?»

«Лично я готов уступить свою свободу любимой женщине, но, если серьезно, то для меня нет более благородного дела, чем рожать и воспитывать детей. А современные женщины просят освободить их от этого. В этом стремлении есть что-то противоестественное».

«Выходит им не нужно образование, не нужна профессия, а когда женщина остается одна с детьми, я теперь много знаю об этом, что ей делать? Общество не приходит ей на помощь».

«Именно эти проблемы и нужно решать. А что касается свободы и равенства, то я принял бы один очень простой закон, который бы раз и навсегда провозгласил: «женщина имеет абсолютно равные права с мужчиной, ибо она тоже человек». А вот дальше — у кого как получится. Меня же, хотя я еще не женат, гораздо больше интересует проблема свободы женщины в браке, в семье. Что вы об этом думаете?»

Они давно уже закончили обед, за который Мэй высказала Генри искреннюю благодарность и восхищение, и теперь гуляли вдоль морской полосы, вдыхая свежий морской воздух и вслушиваясь в шум волн.

«Я практически не думала об этом», — тихо и задумчиво говорила Мэй. «У нас в Китае такого вопроса нет. Положение женщины определено вековой традицией и национальным укладом жизни. А после замужества... А что об этом думает Чарльз? Если, конечно, вы можете мне сказать».

«Да нет в этом никакой тайны. Чарли ярый и активный сторонник полного и всеобщего равенства женщин. Кстати, очень известный в нашем кругу своим радикализмом. Он — большой и искренний друг женщин», — закончил он шутливо.

«Да, уж. Большой и известный друг», — немного грустно повторила за ним Мэй, нарочно переставив слова. «А что, собственно, имеется в виду под свободой и равноправием женщины в браке?»

«Видимо, независимость от мужа и, прежде всего, экономическая. И право, если возникнет необходимость, уйти из семьи, от мужа и даже от детей, то есть, потребовать развода».

«Потребовать развода», — как эхо повторила Мэй. «Развода... Скажите, Генри», — она остановилась и повернулась к собеседнику, глядя прямо ему в лицо: «а вы бы хотели, чтобы ваша будущая жена имела право в любой момент уйти от вас вообще или к другому мужчине?»

«Гораздо важнее, хотели бы вы лично иметь такое право, ведь вы — женщина?»

«Я... не знаю... Зачем? Что может заставить меня покинуть любимого человека?»

«Но вы..., то есть, женщина может разлюбить мужа, это, во-первых, а во-вторых, он может разлюбить её и превратиться в несносного тирана..., наконец. Она может полюбить другого... »

Тема разговора почему-то начала волновать обоих, и они вернулись в ресторан, сели на веранде и заказали по чашечке кофе.

«Жизнь постоянно ставит перед людьми массу трудных вопросов, и не на все они находят ответ», — ободряюще промолвил Генри, видя не просто задумчивость, но и озабоченность Мэй.

«Да, я очень плохо знаю жизнь. Я совсем не думаю над тем, что в действительности является важным для людей. Мне нужно очень многое обдумать и обо многом прочитать... А вам, как всегда, огромное спасибо. Вы не просто спасли меня от одиночества и очень вкусно накормили, но еще научили уму-разуму. Спасибо, Генри».

«Еще не известно, кто кого научил. Это вам спасибо!»

* * *

После ужина с Генри очень странное двойственное чувство несколько дней не покидало Мэй. Её все еще удивляло то смущение, которое она испытала, усаживаясь в его авто. И тогда, и сейчас ей казалось, что именно такое смущение, даже стыд, испытывает замужняя женщина, направляясь на свидание к любовнику. Стыд, смешанный с нетерпением, ожиданием чего-то нового и страхом быть избалованной. Неужели эта смесь желания и страха настолько привлекает женщин, что они готовы ради неё пожертвовать семейным счастьем или просто благополучием и добрым именем.

Но почему она была смущена? Её отношение к Генри исключительно дружеское. Она никогда не смотрела на него как на мужчину. Правда, она успела перехватить несколько восхищенных и завистливых взглядов, которые бросили в сторону Генри женщины в клубе. Она не только заметила их, но ей была приятна эта зависть.

Да, Мэй значительно изменилась за годы, прожитые в Англии. Особенное большое влияние на её развитие оказали частые поездки в Ливерпуль. Гуляя с Элен и её мужем по вечернему городу, она с любопытством, хотя и исподтишка, разглядывала ярко накрашенных, вызывающе

одетых «профессионалок», стараясь найти разгадку их отталкивающей привлекательности, заставляющей порядочных отцов семейств, забывая об опасности заражения, покупать их ласки в дешевых и грязных гостиничных номерах или комнатах домов свиданий. Мэй достаточно развилась как женщина, чтобы понять опасность ненасытного, неутолимого полового влечения. Она сумела разглядеть за показной добропорядочностью англичан хорошо скрываемую жажду наслаждений и развлечений, которую впервые увидела безо всякой маски в Париже на улице «Красной мельницы». Она уже знала, что почти в каждой библиотеке, без которой не обходится ни один богатый английский дом, на потайной полке можно увидеть набор эротической литературы викторианской эпохи. Последнее время она полюбила заходить в букинистические и антикварные магазины в поисках произведений искусства. В них она с удивлением обнаружила, что книги, переводы которых на английский язык распространялись из-под полы, совершенно свободно стояли на полках на языке оригинала. Холодные, застегнутые на все пуговицы, англичане ничем не отличались от мужчин других более южных и темпераментных народов. Свобода, если не сказать вседозволенность, а Мэй называла это «распушенностью», начала настолько беспокоить общество, что католическая церковь издала специальный список безнравственных книг, запрещенных к печати и распространению. Общественность всей Европы до сих пор переживала и обсуждала суд над блестящим, но развращенным писателем Оскаром Уальдом.

Все это заметно изменило отношение Мэй к поведению окружающих её мужчин и женщин. Она стала намного терпимее к людским слабостям. Но эта терпимость никоим образом не распространялась ни на неё саму, ни на Чарльза. Вся эта вольность, раскованность поведения находилась и должна была оставаться где-то за стенами её дома, за пределами её семьи. Генри она, естественно, включала в семейный круг Смитов. Её искренне удивляло и беспокоило его отношение к браку. Она сама не решалась обсуждать с ним эту тему. Но когда Чарльз, как правило, в шутовском тоне начинал склонять друга к поиску спутницы жизни, Мэй включалась в беседу, и мягко, но настойчиво убеждала Генри, что женщины не заслуживают столь критического к себе отношения, что даже среди её знакомых много достойных его внимания. Но Мэй лукавила сама перед собой. Она так часто ловила на себе его восхищенные взгляды, что не могла не понимать: дело не в достоинствах других жен-

щин. Причина только в ней, именно она затмила, заслонила всех остальных представительниц своего пола. Было очевидно, что он любил и хотел любить только её. Это пугало и волновало Мэй.

В свою очередь, Генри очень долго обдумывал свой разговор с Мэй. Ему был понятен её интерес к проблеме равноправия женщин, но он чувствовал, что её гораздо больше занимает мнение Чарльза по этим вопросам. И не просто теоретические рассуждения, а его конкретные поступки. Проще говоря, ей хотелось хотя бы кое-что узнать об отношениях мужа с другими женщинами, так или иначе встретившимся с Чарльзом, а спросить об этом прямо ей было стыдно.

Не мог Генри не почувствовать и глубоко запрятанную тревогу молодой женщины. Он не понимал её подлинной причины, но, хорошо зная настроенность Мэй почти исключительно на своего мужа, догадывался, что она в любом случае так или иначе связана с ним. Что же могло беспокоить эту глубоко любящую и любимую женщину? Вряд ли это были дела клуба или отношения с родственниками Чарльза. Генри был довольно хорошо информирован о взаимоотношениях между многочисленными членами семейства Смитов. Они скорее могли вызвать зависть, чем опасения. Тогда, значит, все дело в Чарли. Но чем он мог породить тревогу у обожаемой им женщины? Действительно, что же между ними могло произойти? Может быть, какие-нибудь сплетни? Но Мэй не такой человек, который верит различным слухам. Она немедленно спросила бы обо всём мужа.

Недоумение Генри продолжалось недолго, а тревога усилилась после того, как ему неожиданно позвонил Чарльз и попросил о срочной встрече из-за какого-то неотложного дела. Удивленный Генри, конечно же, согласился, и друзья договорились поужинать вместе в ближайшую субботу.

* * *

Темнота накрыла охотничий домик, в котором из-за высоченных деревьев, стоявших вокруг, и в разгар солнечного дня всегда был полумрак. А вечерами каминная гостиная освещалась только свечами да огромным камином. Сидеть в удобных глубоких креслах со стаканом в руке, ведя неспешную беседу, было очень приятно. Все деловые, семейные и политические проблемы отступали куда-то, в глубь залы, в темно-

ту, уступая место анекдотам, шуткам и чисто дружеской беседе. В пасти камина потрескивали сухие чурки, иногда выстреливая вверх целый фейерверк белых искр. Тогда в зале мгновенно становилось намного светлее.

Обычно, в разгар охотничьего сезона, дом был наполнен гостями — людьми довольно шумными и компанейскими. Ввалившись в своих измазанных землей охотничьих комбинезонах, пропавших порохом и хвоей, они быстро переодевались в удобные парадно-охотничьи костюмы, состоящие из бридж и камзолов с широкими отложными воротниками, и принимались уничтожать запасы крепких напитков. Охотничьи рассказы, больше напоминающие батальные истории, перемежались анекдотами, взрывами громового хохота, шутками и взаимным подначиванием. Но в этот воскресный день домик был пуст, обслуживающий персонал слонялся без дела, даже бармен и тот не был занят. Причиной тому стал субботний проливной ливень, начавшийся на исходе пятницы, но по-настоящему разыгравшийся на следующий день. Он разогнал зверей и птиц по различным укрытиям и убежищам, смыл их следы и сделал лесные тропы практически непроходимыми. Даже самые фанатичные стрелки вынуждены были вернуть ружья и карабины в пирамиды, со вздохом сожаления повесить костюмы в гардеробы, а саму охоту заменить на охотничьи воспоминания в кругу друзей и близких.

Чарльз и Генри, только что вошедшие в гостиную, с удивлением оглядели пустую залу.

«Однако..., но, пожалуй, так оно и лучше. Чем меньше народу, тем спокойнее мы можем поговорить, не так ли, Чарли?»

«Да», — ответил тот и заказал у бармена две двойных порции джина с «тоником», ломтиком лимона и кусочками льда. Друзья отошли в дальний угол гостиной, заняли столик на двоих и принялись за напиток, явно не спеша начать разговор.

«Ты извини меня, Генри, что вытащил тебя в такую непогоду, черт знает куда, но мне, действительно, нужно с тобой поговорить, а вернее, посоветоваться».

«Не извиняйся, мой дорогой. Ты прекрасно знаешь, что я всегда рад с тобой повидаться, а такому холостяку, как я, абсолютно неважно, где провести вечер. Скажи честно, — у тебя что-то случилось? Ты чертовски плохо выглядишь. Я даже испугался, увидев тебя».

«Случилось — это не то слово. Случиться может и насморк, а у меня что-то вроде мирового катаклизма».

«Ну, ну не пугай. Давай излагай спокойно. Твое здоровье!»

«Спасибо и твое! Видишь ли, Генри. Так произошло, что я.. изменил Мэй».

«Что, что ты сделал?»

«Я изменил Мэй. Понимаешь? Изменил с Сьюзан, ты её, наверняка, помнишь. Ну, так получилось... мы были вместе в Гамбурге. Сам не понимаю, что на меня нашло».

«В Гамбурге, Гамбурге. Вечно от этих немцев одни только неприятности. Да... этого я, признаюсь, не ожидал. И что, есть какие-нибудь последствия?»

«Ну, о чем ты? Какие последствия? Сьюзан и раньше ни на что не претендовала, а в этот раз она, по-моему, даже пожалела меня после всего: «Не переживай», — говорит, — «Чарли ты не виноват».

Друзья помолчали. Видно было, что Генри не просто удивлен услышанным, но, до некоторой степени, потрясен новостью. Уж он-то знал, как глубоко и искренне его друг любит свою жену. Любит и боготворит её. Он попытался представить себе те чувства, которые сейчас испытывает Чарли, пытался ощутить глубину его переживания, а, главное, пытался найти правильные слова, которые тот от него хотел услышать. Он понимал, что простое сочувствие только обидит друга, нуждающегося в совете или даже объяснении ситуации и оправдании. Да, Чарли сейчас нелегко, — это просто видно. А что, если Мэй о чем-нибудь догадывается? Не зря ему показалось во время ужина в морском ресторане, что она чем-то озабочена.

«А госпожа Мэй, она..?»

«К счастью, кажется, нет. Хотя, кто знает? Она человек по-восточному скрытный. Может быть, мне показалось, может быть, нет, но что-то в ней изменилось, после моего возвращения, что-то в одежде, причёске».

«Будем надеется, что показалось. Но я так понимаю, что ты сам себя мучаешь. Не можешь себе этого простить. А какой выход? Надеюсь, ты не собираешься повиниться перед женой?»

«Сам не собирался. Но ты спросил, и я сразу подумал, что, возможно, это единственный выход. Рассказать все и попросить прощения. Даже, если не простит, все-таки легче станет. Ясность какая-то будет».

«Не спеши, Чарли. Не спеши. Давай спокойно подумаем. Догадывается она или нет, но знать-то, наверняка, не знает. Какие-то возникшие подозрения ты сможешь развеять своим отношением, вниманием. Ну, ты сам лучше знаешь чем. А если признаешься, то отступить будет некуда. Тут уж останется один вопрос: сможет она тебя простить или нет. Я думаю, что многие счастливые супруги из небольшого числа счастливых, потому и счастливы, что не все знают, что было. Не важно, муж это или жена. Не знают и все. А тут точно и бесповоротно — изменил, предпочел другую женщину, другого.. Мне почему-то кажется, что даже, если человек и прощает, шрам от измены остается на всю жизнь. Он будет свербеть и болеть, словно больной зуб, будет напоминать о себе при малейшей размолвке. Скажи, Чарли, а ты сам, что бы предпочел: жить в неведении или жить с постоянной раной?»

«Я, возможно, предпочел бы не жить вообще. В том и проблема, что я не знаю, как мне быть, что делать. Когда я её вижу, у меня разрывается сердце. Ведь я люблю её по-настоящему. Ты веришь мне, Генри?»

Генри молча сжал ему руку.

«Верь мне. И я был счастлив. Но оказалось, что любовь — это не только дар Божий, но и боль, и страх потерять любимую. Три месяца тому у Мэй в течение трех дней была очень высокая температуры, — я чуть с ума не сошел. А, возможно, и сошел бы, если бы он у меня был. Я сидел у её постели, и вдруг представил себе, что она может умереть... Я чуть сознания не лишился. Представляешь, потерять её?! Еле потом в себя пришел. Неделю колотило всего. И... вот взял и сотворил такое. Признаюсь тебе, что я даже удовольствия не испытал. — просто что-то очень острое и болезненное. А теперь не могу смотреть на жену. Не могу того, чего больше всего хочу. Боже! Она такая чистая, невинная, как ребенок, и я её со всего размаха в грязь... Я так гордился своей женой, так благодарил Бога за это сокровище, а сейчас думаю, что не по силам своим я ношу взял. Наверное, мне нужно было что-нибудь попроще, поскромнее. Но гордыня-то, гордыня — она требует, чтобы жена была самая лучшая. Может, ты знаешь, как подбираются пары? А, может быть, лучше было вообще не жениться? Отвечал бы сам за себя и всё».

«Мне кажется, я понимаю твои чувства, хотя каждый человек — сам себе ад. Но не надо доводить все до крайности. Мы — не боги, мы — всего лишь люди. Мы — смертны и мы — грешны. Не было бы греха, не было бы и праведности, не было бы возможности искупления. Жизнь

была бы прямой линией, без изгибов, без взлетов и падений. Посмотри в истории: чем больше личность, чем гениальнее, тем больше, а иногда и страшнее её собственные грехи. И Цезарь, и Александр Великий, писатели, ученые, папы римские, короли... Шекспир — энциклопедия преступлений, совершенных королями. А ты знаешь, что Шекспир боялся будущего своих героев? Он нарочно убил Ромео и Джульетту. Думаешь, он мстил за глупость двум чванливым родам? Нет! Он хорошо знал, чем это все кончится. Знал, что на смену чистой любви придет грязь повседневной жизни. Ромео начнет пить, буяннить, однажды поколотит жену и начнет ей изменять: сначала со служанками, а потом, с кем придется. Растолстеет. Джульетта, кстати, тоже».

«Хорошенькую перспективу ты, однако, мне нарисовал», — невесело рассмеялся Чарльз.

«Извини, друг. Кажется, я, действительно, увлекся. Вы с Мэй замечательная пара. Можно сказать — идеальная. Просто тебе нужно немного последить за собой. Понимаешь, переход из холостого состояния в женатое происходит очень быстро. Практически, мгновенно. Раз — и ты уже муж. А человек-то остается прежним. Он не может мгновенно отказать от своих привычек: играть по вечерам в карты с друзьями, пить пиво, запах которого не нравится жене, или виски, от которого он пьянеет и становится смешным. Ты заметил, что все пьяные — очень смешные. А уж привычка завлекать женщин, наверное, самая устойчивая. Она заложена в полигамной природе мужчины. Знаешь, Чарли, интересная вещь. Оказывается, гарем, как около семейный институт, возник из-за особенности женского организма. В силу этой особенности женщина в определенные дни вынуждена запирает дверь перед самым носом мужа. Вот, он и вынужден заводить ей замену на эти дни».

«Чувствуется в тебе философ. Говорил я тебе тогда, что ты не тот курс выбрал».

«Ошибаешься. Математика и физика — это инструменты философа. Они оттачивают и изоцряют его ум».

«Да, но мы сейчас говорим не о формулах и фигурах».

«Кто знает, кто знает. Сальери алгеброй гармонию проверил. Некоторые математики считают, что в будущем смогут все чувства выразить соответствующими формулами, а химики верят, что мозг порождает мысль, а я добавлю, а сердце — любовь, как печень вырабатывает желчь».

«Но ты не ответил мне: кто, как и для чего подбирает пары? Должна же быть какая-то цель, какой-то смысл во всем этом?»

Генри движением руки подозвал официанта, бесцельно протиравшего бокалы: «Нам еще по двойной. Нет, постой. Пожалуй, принеси-ка нам бутылку лучшего джина и несколько бутылочек «тоника» и, естественно, лед с лимоном. А разольем мы сами. Да, вот еще что. Что ты будешь есть, Чарльз? Извини, я уже голоден. На мой вкус. Хорошо. Как у нас сегодня выглядит кабанчик? Чудесно выглядит. Замечательно! Генри закончил заказ и, дождавшись пока официант отошел, обратился к другу, одновременно наполняя высокие узкие стаканы: «Своим вопросом ты напомнил мне интереснейшую теорию Платона. И что важно — последующие столетия не опровергли её. Более того, вопросами брака занимались практически все великие мыслители, даже сухой холостяк Кант не обошел их своим вниманием. Твои страдания только доказывают, насколько они важны для человека. Так вот, в диалоге «Пир» Платон приводит легенду, согласно которой человек когда-то был двуполым существом: и мужчиной, и женщиной одновременно. Нет, не гермофродитом. Просто в нем сосуществовали две природы: мужская и женская, и звался он — «андрогин».

Провинился он перед богами, и они разделили его на две половинки. Так возникли отдельные мужчина и женщина. И целью природы, а значит, и жизни человека стало воссоединение этих половинок. Но сначала нужно найти свою часть. Не просто соединиться со свободной, а обязательно найти свою. Если нашел — андрогин восстал, а если ошибся — жизнь прожита зря. Вот и бродят по Земле человеческие половинки в поисках самих себя, и счастлив тот, кто выполнил наказ богов. По-моему, Чарли, ты нашел именно свою половину, вот и строй свою жизнь, исходя из этого».

«А Платон случайно не говорил, как быть в моей ситуации?»

«Платон говорил, что боги стараются помешать воскресению андрогина и ставят на пути его сближающихся частей различные препятствия и соблазны».

«Придется мне при случае сослаться на тебя и богов. Да, Генри, видимо пришло время оставить прежние проказы. Уж слишком дорого они обходятся. И это я еще не знаю, что думает и чувствует моя милая жена. А тебе, Генри, мой совет: не женись, пока не убедишься, что перед тобой

твоя недостающая половина, а не половинка какой-нибудь рыси или крокодила».

«Я и не собираюсь. Ты ведь не привез мне из Китая одну из сестер или подружек Мэй. А наши английские леди что-то не очень меня притягивают. Чересчур они самостоятельные. Боюсь, не сыграли ли боги с нами шутку: замаскировали мужские половинки под женщин... и смеются, и хохочут... Ну, давай выпьем за здоровье твоей Мэй, твоей настоящей половины».

УДАР СУДЬБЫ

Несмотря на кажущееся благополучие, прежнее счастливое состояние семьи Смитов восстановить не удавалось. Чарльз время от времени впадал в депрессию, становился раздражительным, даже грубым, нередко перебирал с джином. Мэй с тревогой наблюдала за ухудшением состояния мужа, пыталась особой заботой и лаской вернуть его к прежнему душевному равновесию, но каждый раз убеждалась в тщетности своих усилий. Более того, иногда они вызывали у Чарльза непонятную, плохо скрываемую злость. Это приводило её в отчаяние, и, оставаясь вечерами в своей спальне, она давала волю нервам: плакала. Писала длинные оптимистические письма отцу, отчего чувствовала себя еще хуже, так как не привыкла и не умела лгать, мучилась бессоницей. Ночами она лихорадочно листала старинные китайские трактаты об искусстве любви и обольщения, о путях женщины, стремящейся создать счастливую семью, и все чаще и чаще убеждалась в мысли, что единственным спасеньем должны стать дети. У неё с Чарльзом должны появиться дети и чем раньше, тем лучше для всех. Об этом же писал и отец, видимо, что-то вычитавший за бодрыми словами дочери, и Роберт Смит, постоянно при встречах намекавший на многочисленность семей, как в Англии, так и в Китае. Ни слова не говоря мужу, Мэй решила забеременеть. Однако, время шло, но никаких обнадеживающих сигналов от своего организма она не получила.. Заподозрив неладное, Мэй воспользовалась поездкой в Ливерпуль и уговорила Элен сводить её к своему гинекологу, чтобы проверить себя на беременность. Старый опытный врач рассыпался в комплиментах, осматривая молодую женщину, восторгался её физическим состоянием, великолепной фигурой, исключительным здоровьем и не перегруженным желудком. Но особой похвалы Мэй удостоилась как будущая мать.

«Мадам, судя по вашему состоянию, будущее мира принадлежит Востоку. Я давно уже не видел женщины, столь приспособленной и гото-

вой к деторождению. Поверьте моему опыту, мадам. Я в восхищении. Я получил истинное наслаждение».

Немного покраснев от двусмысленности последних слов, Мэй робко намекнула на свои неудачи. Профессор задумчиво нахмурил лоб, потер руки и, наконец, с громким хлопком соединив ладони, заключил: «Надо менять мужчину. Пардон, мадам, за оговорку. Надо посмотреть мужчину».

Заявив, что он сам, хотя он и гинеколог, с удовольствием осмотрел бы счастливого, обладающего таким сокровищем, каковым, по его убеждению, является Мэй, но этого можно и не делать. Он и так уверен, что избранник мадам Смит достойная мужская особь. Он именно так и выразился: «мужская особь». И показать её нужно специалисту по мужчинам. Он лично рекомендует своего друга и готов организовать прием господина Смит?!

«Чарльза. Чарльз Смит».

«Чудесно! Господина Чарльза». Вдвоем они найдут решение проблемы, если она, конечно, есть. На прощание он посоветовал женщине следить за нервами, а то на фоне общего великолепия нервишки как-то отстают. «Да-с. Прописал бром на ночь, душ на день и гуляние. Гуляние, желательно, вдвоем с мужем.

Встретив вопросительный взгляд Элен, Мэй с огорченной миной отрицательно покачала головой.

«Ничего, девочка. Мы попросим Чарльза, и он постарается», — пошутила Элен. «А если нет, пусть пеняет на себя. Нам всем уже давно хочется увидеть маленьких англо-китайчиков».

Дальнейшие события показали, что Элен не сдержала обещания, данного Мэй и рассказала Чарльзу о её визите к врачу. Тот был очень удивлен, однако, сделал вид, что он в курсе озабоченности жены и что вопрос о ребенке — их обоюдный «проект». Возвращаясь после разговора с кухиной домой, Чарльз пребывал в сильном смущении и растерянности. Что делать? Выдавать Элен ему совсем не хотелось, но и оставаться в стороне от решения вопроса о его собственном ребенке, ему тоже казалось нелепо.

«Почему она ничего не сказала мне? Что за не нужная таинственность? И что за спешка?» Однако, при последующем размышлении поведение жены стало казаться ему логичным и естественным. «Видимо, моя девочка решила укрепить наше семейное гнездышко», — с грустью подумал он. Потом представил себе Мэй с младенцем на руках, и себя са-

мого где-то рядом и на душе у него неожиданно стало легко и спокойно. «Вот оно — решение. Ребенок! Господи, какой же он тупой! Ребенок сможет зачеркнуть все плохое в прошлом. Он соединит его с женой. Как она права! Как по-женски мудра! Это же решение всех проблем: и Мэй не нужно уезжать из дома, чтобы занять себя, и ему нужно быть чаще дома, чтобы заниматься с сыном. Сына с пеленок должен воспитывать мужчина, то есть, отец. «Сына? А если родиться дочь? Нет, какая дочь? Девочка будет следующей. Первым ребенком, непременно, будет мальчик. Его, Чарльза, сын. Роберт — юниор, Роберт — младший. Это будет дань отцу. Он это заслужил. Постой, а как же отец Мэй? Хорошо. Значит у сына будет необычное имя: Роберт-Юань-Мария-Смит (Мария — это в память о бабушке). Звучит впечатляюще». Чарльз совершенно расслабился. Впервые за многие месяцы. Но как это обсудить с Мэй? Нет проблем! Он сам начнет разговор с женой и сам предложит ей завести ребенка. Преподнесет ей это, как свое желание и собственное предложение: подумал и решил».

Так все и произошло. Мэй, хотя и заподозрила Элен, с криком радости бросилась ему на шею, и весь вечер они строили планы, гадали, кто же у них будет первым, какое имя дать мальчику, тут Мэй полностью согласилась с мужем (значит и он думал о ребенке) и какое девочке. Сама она очень хотела девочку.

«Знаешь, Чарли, у нас в Китае говорят, что сначала надо завести няньку, а потом уже ляльку».

«А у нас говорят, что сначала должен быть мальчик — он будет защитником младшей сестренке».

«Тогда, может быть, сразу двойню?» — примирительно предложила Мэй и покраснела: «Я так сильно хочу ребенка».

«Будет тебе ребенок», — великодушно пообещал Чарльз.

Однако, время летело, а исполнение желания супругов все откладывалось. Уверенная в своем здоровье, Мэй с обидой выслушивала успокаивающие слова мужа, в которых различала свойственную мужчинам непоколебимую уверенность в своей непогрешимости. Но она-то знала, что абсолютно здорова и готова забеременеть, выносить и родить ребенка. Конечно, она выслушивала рассуждения супруга молча, понимая, что малейший намек на возможность его вины, способен вызвать в ответ очень бурную реакцию. Только однажды она, как бы мимоходом заметила, что в последнем номере медицинского журнала прочла о новых

методах обследования супружеских пар. «Обследуют и жену, и мужа», — с невинным видом сообщила она, но развивать тему побоялась. Однако, Чарльз уловил намек, все-таки он знал о визите жены к врачу. Поначалу он хотел посмеяться над самой возможностью усомниться в его здоровье, но что-то остановило его. В конце концов, он знает массу примеров, когда пышущие здоровьем молодцы-спортсмены так и не могли дожидаться потомства. Конечно, вину обычно сваливали на их жен, но некоторые из них меняли мужей и имели детей. Нельзя же на сто процентов отрицать вероятность бесплодия мужчин. От него не убудет, если он обратится за консультацией. При желании, её можно провести и анонимно. Мэй ничего не должна знать об этом.

При занятости Чарльза ему долго не удавалось выкроить время для визита к доктору. К его удивлению, процедура обследования оказалась не только длительной, но, в известном смысле, унижительной. Болезненно-самолюбивый в вопросах своего здоровья, он с подозрением ловил взгляды профессоров и их ассистентов, в которых ему чудилось сочувствие, смешанное с жалостью, а иногда и насмешка. Наконец, все необходимые приготовления были закончены, и Чарльза уведомили, что окончательные анализы будут проведены в течение месяца. Таким образом, ему предстояло провести целых три-четыре недели в мучительном ожидании. Серьезность и тщательность, с которой анализы готовились, в корне изменили взгляды Чарльза на проблему, полностью поколебали его убежденность в абсолютной невинности мужчин в бесплодии женщин. С все возрастающей тревогой он ожидал результата, гася её напряженной работой и бесконечными совещаниями и переговорами. Даже самые опытные и многолетние сотрудники фирмы неодобрительно покачивали головами, не видя причины для такой гонки.

Мэй тоже поначалу высказывала удивление обилием и неотложностью работы, но потом смирилась и постаралась совместить занятость мужа со своей собственной активностью. Она стала чаще уезжать из дома и на долгие оставалась в Ливерпуле. Считая невозможным и неудобным обременять семейство Гиббсонов своим присутствием, она с согласия мужа сняла для себя апартаменты в центре города, по-своему переставила обстановку и купила недостающую и сумела устроить себе почти «китайское гнездышко». Чарльз одобрил затраты жены и с удовольствием останавливался в «гонконгском филиале», предпочитая его

даже гостиничному «люксу». Он заполнил бар любимыми напитками и приобрел самый лучший граммофон.

Оставаясь одна в своем новом убежище, Мэй мучительно пыталась понять, что же происходит с её мужем. Она перебирала один вариант за другим, неизбежно возвращаясь к первому и самому безрадостному для неё: Чарльз завел себе другую женщину. Потом она начинала убеждать себя в том, что муж по какой-то неизвестной ей причине, проверяет свои чувства к ней, чтобы посмотреть, как он сам будет себя чувствовать на расстоянии, и как будет реагировать она. Затем ей в голову приходила спасительная мысль, что Чарли взял для себя паузу, чтобы поднакопить силы и, с новой энергией вернуться к ней, и сообща решать эту неожиданно возникшую проблему. Эта её мысль так совпадала с древнекитайской теорией о накоплении мужчиной своей сексуальной силы. Однако, хотя она и не была сильна в медицине, ей самой эта мысль начинала казаться смешной, и она вновь возвращалась к мысли о другой женщине.

«Если я буду здесь, а он у себя дома, то дети у нас никогда не появятся», — бормотала она, бродя по комнатам и ожидая чуда: сейчас дверь распахнется, войдет Чарльз, обнимет её и пообещает не расставаться с ней никогда. И она с радостью оставит свой клуб, хотя ей очень нравится работать в нем, но муж для неё в стократ дороже.

А Чарльз ждал результатов обследования.

Генри с напряжением и тревогой наблюдал за медленным, но постоянным отдалением супругов друг от друга. Не зная подлинной причины, он не понимал их неожиданного рабочего рвения, предполагая скрываемую от всех ссору. Сам он выискивал любой предлог, чтобы увидеть Мэй и пригласить её куда-нибудь: в театр, на концерт или ужин. Он уже больше не обманывал себя, не давал себе обещаний только поздороваться с ней и уехать. Он смирился с тем, что не может жить, долго не видя её, не поговорив, просто не проведя в её присутствии какого-то времени. Сидя вечером в своем кабинете или в спальне, он сжимал голову руками и качал ею из стороны в сторону, изнывая от мучительной мысли, что безумно и страстно полюбил женщину, которая никогда не ответит на его чувства, а, значит, никогда не будет принадлежать ему. Уго-раздило же влюбиться в жену своего лучшего друга. За что ему такое наказание? И вообще, зачем появилась безответная любовь. Такое светлое чувство и обречено на бесплодие. Наверное, лучше прожить жизнь совсем без любви, чем так. Мысли Генри лихорадочно перескакивали с

Чарльза к Мэй и назад к Чарли. Это он виноват, это его отношение к жене породило в нем надежду, что Мэй освободится и он сможет открыто любить её и добиваться взаимности. Чарльз не достоин этой женщины. Он даже умудрился изменить ей, а потом еще искал у него сочувствия. А он сам? Разве ему не было жаль друга? Разве он кривил душой, называя Мэй истинной, настоящей половиной андрогина по имени Чарльз? Да, он искренне желал им счастья, а теперь... теперь он хочет, чтобы Чарли понял свою ошибку, понял, понял, что Мэй не его половинка и что он должен отпустить её, освободить. Не с ней ему суждено вновь стать андригином. Он обязан дать шанс ему, Генри, попытать своего счастья, проверить не его ли Мэй суженная, единственная, его часть, отделенная от него мстительными богами. Иногда, беседуя с ней, Генри с трудом удерживался, чтобы не упасть перед ней на колени и не рассказать ей абсолютно все: и о себе, своей любви, и о Чарли, его измене, о его неверии сделать её счастливой. «Не по силам своим взял я ношу». Это не он, Генри, сказал. Это слова самого Чарли.

Потом его охватил стыд. Как он мог так думать о Чарли, самом дорогим для него человеке. Самом дорогим, кроме родителей, а теперь еще, кроме этой неземной женщины. Нет, она не из Китая. Она — небесное создание: это прелестное лицо, эти глаза, в которые хочется погрузиться, эти тонкие, длинные пальцы, которые одним своим прикосновением могли бы сделать его самым счастливым на свете. Как ему выбрать между ними? Боже, как он опустился! А еще говорят, что любовь возвышает человека. Тогда почему же он чувствует себя, словно, упавшим в грязь? Почему его самые светлые чувства к самым дорогим ему людям причиняют боль и вызывают стыд? Неужели его любовь греховная? Неужели он не имеет права на любовь к этой женщине? А что ему тогда делать? Что делать и как жить дальше? Может быть, у неё самой спросить?»

Наконец-то, время ожидания кончилось, а вместе с ним исчезли и надежды. Чарльз, ошеломленный услышанным, сидел в кабинете заведующего и владельца лаборатории. Рядом с ним, опустив голову, сидел профессор, самый известный в стране уролог. Только что он произнес свой приговор: «к сожалению, мистер Смит, сомнений быть не может. Результатом этой болезни явилось полное бесплодие. Это — бесповоротный процесс. Медицина абсолютно бессильна. Примите мои соболезнования».

«Какая мерзкая болезнь. Такая же мерзкая, как и её название: «свинка». Ух, и свинью же я своей жене подложил. Мэй, Мэй, любимая моя, бесценная моя девочка!»

Весь остаток дня Чарльз провел в номере отеля. Поехать в «китайский филиал», в котором каждая вещь напоминала о жене, у него не было сил. Вместо этого, он заказал в номер выпивку, забрался в постель и глушил себя алкоголем, пока не потерял представление о времени, о своем несчастье, жене и о детях, которых не будет. А когда чувства окончательно притупились, и голова наполнилась гулким звоном, с трудом вышел на улицу и выбрал себе женщину на ночь.

Рано-рано утром, вынырнув из ночного беспомыслия, он сунул помятой, разопревшей ото сна, женщине пачку скомканных ассигнаций и выгнал её из номера, не позволив даже, как следует одеться. Потом непонимающе оглядел заставленный бутылками и тарелками с остатками еды маленький столик, машинально взял бутылку джина и допил оставшуюся в ней жидкость прямо из горлышка. Через несколько минут, почувствовал облегчение в желудке и снова уснул.

Окончательно Чарльз проснулся только во второй половине дня. Долго лежал неподвижно, приходя в себя, затем заставил себя сесть. В ушах стоял звон, в голове медленно и тягуче проплывали отдельные слова, которые никак не хотели складываться в осмысленные предложения. Усилием воли Чарльз заставил себя подойти к бюро и взять в руки перо. С трудом выводя буквы, написал записку в бюро своей фирмы, в которой довольно путано сообщил руководителю филиала, что внезапно заболел, ничего страшного, простуда, поэтому несколько дней будет отсутствовать и просил отменить или перенести все ранее назначенные встречи и переговоры. Вызвал коридорного и, вручив щедрые чаевые, просил срочно доставить записку по указанному адресу.

Отправив посыльного, вновь улегся в постель, но больше уснуть не смог. Лежал без движения, пытаясь сосредоточиться на трагедии, внезапно изменившей всю его жизнь. Если бы только его. Нет, эта трагедия касается и его жены, и всей его семьи, да и семьи Чанг. Воспоминание о близких людях вновь вызвало острый приступ отчаяния. Чарльз встал с постели и обследовал все стоящие на столе бутылки, но они были пусты. Ничего не было и в баре. Куда-то звонить, заказывать — показалось ему невыполнимой задачей. Он бессильно опустил на кровать и машинально взял с тумбочки толстенную книгу. Конечно же, это была Биб-

лия. В последнее время стало обязательным: во всех номерах отелей держать её поближе к гостям.

«Что ж, напомним себе, как мы люди-человеки возникли». Чарльз открыл вторую главу книги «Бытие» и стал пробегать её глазами. Так, всё ясно: создал Бог все живые существа и благословил их, сказав: «Плодитесь и размножайтесь». Теми же словами благословил и людей. «Нет, минуточку. Я же хорошо помню, что сначала Бог создал Адама, и только потом уже создал Еву. А зачем? Что тут написано про причину? Ага, вот это место». Прочитал один раз — не очень-то понял. Прочел еще раз, а потом — еще: «не хорошо человеку быть одному. Сотворим ему помощника, который был бы перед ним», закрыл глаза, очень плотно сжав веки, вновь и вновь видел слова: «нехорошо быть одному... создадим помощника..., который был бы перед ним»...

«Что это значит: «был бы перед ним?» Чарльз машинально заглянул в конец книги и в оглавлении увидел «Комментарии», и углубился в них. В основном разъяснение «Святого писания» давал известный ученый Вордсворт. Он напомнил слова самого образованного из апостолов — Павла, утверждавшего: «жена была создана для того, чтобы быть славой мужа, как бы живым зеркалом». Вордсворт сравнивал отношение мужа к жене, как отношение оттиска печати с самой печатью.

Чарльз читал, качал головой, тяжело вздыхал, но не мог оторваться. Пребывание жены перед мужем не простая пространственная близость. Муж и жена, как указывала Библия, будут одна плоть». Потом уже в «Новом Завете» сам Иисус Христос, подчеркивая единство супругов, говорит: «так что они уже не двое, но одна плоть». Далее из комментариев Чарльз выяснил, что уже в библейские времена люди понимали: в основе брака лежит любовь, причем такая любовь, что любящие составляют уже не два, а одного человека. «Одна любовь соединяет создания и с Богом, и друг с другом».

Объединяясь в браке, любящие ощущают духовные и физические совершенства другого не как что-то чужое, а как что-то близкое, имеющее непосредственное отношение и к нему самому. Блаженный Августин, подчеркивая, что человеческий брак — это остаток Рая на Земле, такими словами описал любовь прародителей человечества: «Существовала любовь, безмятежная к Богу, и любовь взаимная супругов, живших в верном и искреннем сообществе». Чарльза удивило, как много комментаторы и толкователи говорили о жертвенном характере любви. В люб-

ви мы не только получаем другого, но и всецело отдаем себя. Христианская брачная любовь, как это понял Чарльз, включает в себя не только готовность отдать свою жизнь за другого, но и готовность взять на себя его нравственные недостатки. Он вспомнил слова одного английского поэта:

*«Я не спрашиваю, не беспокоюсь
Есть ли вина в твоём сердце,
Я знаю, что люблю тебя,
Какова бы ты ни была».*

Мученичество и жертвенность любви — это Чарльз понял и принял сразу: разве он не готов отдать свою жизнь за Мэй? Готов! Вот он — вывод, а он мучается. «Надо уйти из жизни, а, значит, и из жизни жены, освободить её от себя и от обязательств, взятых ею перед ним во время бракосочетания. Освобождение! Полное и окончательное! Она еще будет счастлива, она найдет себе другого. Да вот, хотя бы Генри. Он не хуже его самого. Он — даже лучше его. А ведь, пожалуй, и сам Генри будет рад. Уверен, Мэй нравится ему. Слушай, как я раньше не заметил этого. Это же очевидно. Он просто влюблен в мою жену. Ну, и хорош же я, — такое пропустил! А она? Нет, сейчас не об этом. О чем я только что думал? Да, о смерти. Тоже потом! Вернемся к началу. Жертва во имя любви мне понятна. Но что означает: «взять на себя нравственные недостатки другого?» Можно ли это понимать, как готовность Мэй, то есть жены, взвалить на себя ответственность за мои проступки? Я ей изменил, а она несет за меня моральную ответственность. Логика в этом есть, но перед кем может быть такая ответственность? Только перед Богом. Значит, вступая в брак, мы согласны отвечать за другого перед ним. Это — очень много!

И вот еще об отражении мужа в жене, как в зеркале. Бог создает человека по своему образу и подобию. И я, глядя на богоподобный образ жены, должен помнить и о своем собственном прообразе. Мне-то это просто: глядя на жену, я, действительно, вижу богоподобный лик. А вот, что видит она? Тут уж, пожалуй, ничего богоподобного увидеть невозможно. Боже, мой! Как раскалывается голова, как ноет все тело, как болит душа.

Однако, мудро все придумал Господь! Я смотрю на богоподобный лик жены и испытываю блаженство, а она, не видя во мне божественных черт, испытывает страдание. Она понимает, что я согрешил или грешу постоянно, отчего и теряю подобие Божье, — и скорбит. Да, но вывод ужасный. Пока я не исправлюсь, Мэй будет испытывать нравственные муки. И что же делать? Разве мой уход избавит её от этих страданий?! Скорее, наоборот. Это похоже на замкнутый круг. Думай, Чарльз, думай. Оказывается, ты решаешь не только свою судьбу. А вот о Генри надо подумать отдельно. Это какое-то откровение!»

Напряженная умственная работа в течение последних вечерних часов не только не утомила Чарльза, но, напротив, освежила его, породила желание двигаться, что-то делать, решать, с кем-то говорить. «Говорить! С кем? Действительно, надо это все обговорить. Одному мне во всем не разобраться. Но с кем?» Мысль пришла так неожиданно, и была она столь необычной, что Чарльз вскочил на ноги и принял ходить по холлу своего люкса. Священник! Ему нужно пойти на исповедь! Вот так мысль! Исповедь! Но он не делал этого уже много лет. А, ведь, пожалуй, это, действительно, идея.

Чарльзу начало везти с первых же шагов по осуществлению задуманного. Завтра была пятница, а это значит, что утром Собор не был заполнен до отказа, как это обычно бывает по субботам. Около кабинок тоже не было очереди. Чарльз долго колебался в какую из них войти, но все же решил спросить молодого послушника, очищавшего подставки для свечей от оплавившегося воска.

«Простите меня, ваше преподобие. Вы не могли бы мне порекомендовать, к кому бы обратиться с исповедью. Мне очень нужна помощь».

Молодой священник быстро, но очень внимательно оглядел Чарльза, отметив его богатый костюм и заметно помятое, изможденное лицо.

«Зайдите в третью от начала кабинку. Думаю, что там вы найдете то, что ищите».

Через минуту Чарльз уже был на месте, и встал коленями на маленькую удобную подушечку. Боже, как давно он не исповедывался. Черная суконная шторка была задернута, но деревянная решетка была поднята. Чарльз подождал, но с той стороны было тихо. Наконец, он услышал легкий шорох и осторожные шаги: кто-то вошел в противоположную часть кабинки и устраивался поудобнее. Деревянная решетка сразу же

опустилась. Затем Чарльз услышал довольно старый и, как ему показалось, болезненный голос.

«Слушаю вас»... — голос замолчал, видимо, не зная, как обратиться.

«Он, что и, правда, не видит меня», — подумал Чарльз и быстро ответил: «Я нуждаюсь в помощи, святой отец». С той стороны пошевелились:

«В чем именно нужна помощь, сын мой?»

«Я грешен, очень грешен, святой отец», — торопливо заговорил Чарльз, словно боялся, что его прервут. «Я давно не исповедывался, хотя посещал храм. Я неправильно себя веду... Я согрешил: я изменил жене с другой женщиной. Я обманываю жену, не признаваясь ей в измене».

Волнуясь и торопясь, он рассказал все: об измене, пьянстве, лжи и обмане, о желании убить себя.

«Да, да святой отец, совсем недавно, вчера... вчера вечером я думал о самоубийстве», — он замолчал, понимая, что и так достаточно наговорил неприятных вещей о себе.

«И давно все это произошло? Сколько лет вы женаты? Была ли какая-нибудь причина для измены?»

«Простите, святой отец. Я забыл главное. Я бесплоден. Доктора определили, что я абсолютно бесплоден. На сто процентов... Медицина бессильна, а она так хочет детей».

«Так значит и измена, и пьянство, и мысль наложить на себя руки — все это связано с медицинским диагнозом?»

«Да! Нет! Простите! Первая измена, она не связана... она была раньше. То есть, я еще не знал. Это случилось по глупости, по самоуверенности. Я не думал тогда ни о чем. Простите».

«Вы любите свою жену?»

«О, да! Я обожаю её. Я думаю, что мне её послал Бог! Она почти святая. Ей всего 20 лет. Она абсолютно безгрешна. Нет, теперь грешна. Я втянул её в плотский грех. Это не просто плотская любовь супругов. Понимаете, я искал греховного наслаждения. Я и её втянул в эти грязные игры. Она не хотела и не хочет, она подчиняется..., а я её развращаю. Я — грешен. Мне тяжело. Помогите мне, ради Бога!» Чарльз боялся, что разрыдается. Видимо, за решеткой хорошо понимали его состояние и молчали, давая ему время для успокоения.

«Я понимаю, как вам тяжело. Так вы считаете, что ваши плотские отношения с женой не имеют отношения к деторождению и потому греховны? Но Бог позволяет и прощает такие отношения, коль вы выбрали жизнь в браке, а не безбрачие. На каких весах можно определить, преследует секс с женой деторождение или нет? Разве вы готовы были на аборт, если бы ваша жена понесла?»

«Конечно, нет! Мы с радостью бы приняли такой дар, но вот теперь выяснилось, что у меня не будет детей»

«Святое писание говорит, что детей супругам дает Бог, на это есть прямые указания. И если уж так случилось с вами, — на то воля Божья, Не бунтовать нужно, а смириться и постараться понять смысл этого деяния Отца нашего Небесного. Кто знает, может быть, ваше бесплодие предотвращает какую-нибудь более тяжкую беду. Вспомните, сын мой, и величайших преступников кто-то родил. Но вы говорили о прелюбодеянии, совершенном безо всякого повода. Это мучает вас?»

«О, да! С этого момента все пошло наперекос. Может быть, именно за этот грех Бог и покарал меня бесплодием».

«Не ищите объяснения всем деяниям Божиим. Нам не дано всего понять. Что касается греха вашего, то, насколько я вижу, вы его не планировали, не готовили — оно свалилось на вас неожиданно. Беда ваша, сын мой, в том, что оторвались вы от церкви. В храм ходите, но не исповедуетесь. Не оговариваете ваших дел и потому не видите, где сворачиваете с прямой дороги на дорожку кривую, греховную. Именно там нас и поджидает смертельный враг Бога нашего — падший ангел. Расставляет ловушки, соблазны и ловит нас. Ваше искупление в том, что хватило у вас духа самому оценить свое прегрешение, — отсюда и мука ваша душевная. Молитесь, сын мой, просите укрепить ваши духовные силы. Я понимаю, вы современный молодой человек, скепсис уже разъедает ваш разум и вашу душу, а я призываю вас молиться. Ну, так молитесь по-своему, как умеете, своими словами. Сила молитвы не в словах, а в её искренности. Молитва — это же беседа души человеческой с Богом. Чем искреннее вы каетесь и просите, чем больше силы души в молитву вкладываете, тем быстрее её Бог услышит. Даже, если вы молча молитесь».

«Спасибо, святой отец, за понимание. Но что мне с женой делать? Как поступить? Она хочет детей».

«Сложный это вопрос. Скрыть от неё свое бесплодие, — значит переложить вину на неё. Сказать все — можно жену потерять. Или поймет она? Она любит вас?»

«Думаю, да. Во всяком случае, до последних дней любила, а теперь — не знаю».

«Не отчаивайтесь, сын мой. Вы ведь сильный человек?»

«Кажется, да. Был, по крайней мере».

«Ну, что же, сильный человек. Поделитесь с женой своим горем, в настоящем браке все общее: и радости, и беды. Люди и вдвоем бывают счастливыми, а захотите детей — вон, сколько приютов сиротских. Еще и спасти и осчастливить кого-нибудь сможете. Что же касается ваших прямых перед женой и Богом прегрешений, то тут совет давать трудно. Честность — всегда хороша, но есть ведь и ложь во благо. Доктора обманывают больных, спасая их тем самым от больших страданий и мук. Вам решать, сын мой. Если силы есть, несите сами крест свой и просите Бога о прощении. Бог — милостлив, а грех ваш будет не во лжи, а в умолчании. В умолчании во благо».

«Благодарю вас за помощь, за совет, святой отец».

«Храни вас Господь! Идите с миром, сын мой, и помните о молитве».

Покинув Собор, Чарльз еще долго сидел около него на скамье, рядом с пожилыми женщинами и стариками. Они сменяли друг друга, а он все сидел, опустошенный, но с такой легкостью на душе, какую не испытывал со времени поездки в Гамбург. Некоторые из соседей пытались заговорить с ним, но он только бессмысленно улыбался и согласно кивал головой. Его, наконец, оставили в покое.

Чарльз сидел и думал о Мэй. Он уже точно знал, что нужно делать, что именно сказать своей жене и что предложить ей. Сейчас он подбирал слова к своему будущему признанию. Придуманное им, было по-настоящему неожиданным и необычным. Вот только бы знать, какова будет её реакция...

Ну, что ж, решение принято. Чарльз медленно поднялся со скамьи, и вдруг заторопился. Сперва поехал в офис, успокоил сотрудников, подписал необходимые бумаги и, дав нужные распоряжения, помчался на квартиру Мэй. По дороге он нетерпеливо всматривался в окно и молил Бога, чтобы жена оказалась в своем «китайском гнездышке». Он даже не знал в Ливерпуле ли она, но надеялся на чудо и молил о нем. И оно состоялось. Едва открыв двери свои ключом, он сразу же услышал радост-

ный вскрик Мэй и увидел её легкую фигурку, стремительно летящую к двери. Она, по своему обыкновению, в тоске металась по комнатам, призывая, как чудо, его появление. Мгновение, и он уже носил её на руках, покрывая поцелуями лицо и руки и испытывая одновременно невыразимое чувство любви и радости, и боли.

«Где же ты был, мой милый? Я так испугалась! Генри привез меня в Ливерпуль».

«Генри..., а ну, да, конечно».

«Мы заехали», — словно не заметив его реплики, продолжала Мэй, — «в офис и там сказали, что ты заболел. Что с тобой? Где ты был? Почему ты не приехал сюда?»

«Еще не хватало принести сюда микробы и бактерии. А болезнь это так, легкий сплин, ерунда. Все уже позади. А остановился я в небольшой гостинице на окраине города. Там было спокойнее. Кстати, а где Генри?»

«Он ездит по отелям, разыскивая тебя. Он так расстроился. Думаю, он скоро вернется».

«И он что часто бывает здесь у тебя?»

«Раза три-четыре. А в чем дело? Ты задал какой-то странный вопрос. И это выражение лица. Ты что, против, чтобы он заезжал сюда за мной, когда мы вместе отправляемся ужинать? Потом привозил меня и заходил на чашечку кофе. Тебя это удивляет? Это же Генри! Твой друг и почти брат, Генри!»

«Нет, нет. Все в порядке. Конечно, мой дом и твой дом открыты для него в любое время. Чудесно! Подождем Генри. У меня к вам очень серьезный разговор».

«Разговор? О чем?», — с возрастающим беспокойством переспросила жена. Что-то в интонации мужа, в его не улыбающемся лице настораживало и пугало её.

«Да, так. Давай дождемся Генри», — мягко и успокаивающе ответил Чарльз. «Послушай, женушка, уверен, что у тебя ничего нет поесть, а я еще не завтракал... даже. Тут через дорогу итальянский ресторанчик или греческий, не помню. Неважно. Закажем что-нибудь вкусненькое: что-нибудь подлинно греческое, например, салат из кислого молока со свежими огурцами и чесночком».

«Какой чеснок? У меня вечером встречи».

«Хорошо. Обойдемся без чеснока, но заранее прости, если ресторанчик не греческий, а итальянский. Так я пошел?»

Они успели поесть и полулежали на софе, попивая, кто «Чинзано», а кто виски с содовой, когда раздался резкий звонок в дверь. Оба — вздрогнули. Это был Генри. Чарльзу показалось, что он никогда раньше не видел своего друга таким взъерошенным и растрепанным».

«Здравствуйте вам», — пропел он, увидев Чарльза. «Я с ног сбился, разыскивая его, а он тут попивает... ага, височки попивает. Хорошо. Ну, здравствуй», — обнимая друга, сказал он. «Ну, и где же ты был? И что это вообще значит?»

«Это я от вас прятался. Вернее, замаскировался и следил за вами. Не заметили? То-то же. А я все видел. Я еще за все спрошу. Где была твоя рука, когда вы вчера вечером прощались, а?»

«Чарли, перестань. Это — не смешно», — буквально закричала Мэй. «Что Генри подумает?»

«А подумает он, что я... ревную его. И будет прав. Могу же я приревновать тебя к своей жене, а, Генри?»

«Мочь-то ты можешь. Только смысл какой? Ты же знаешь, что у меня нет никаких шансов»,

«Пожалуйста, прекратите... оба. Вы, что стоворились? Чарли, перестань. Ты же хотел о чем-то серьезном поговорить. Давай же, начинай. Я уже нервничаю».

«О серьезном? — Генри удивленно повернулся к другу. «Ты, что, серьезно? Seriously о seriously!»

«Да! Наверное, о самом важном и серьезном в моей жизни. Только ты сядь, Генри. Если ты будешь маячить у меня перед глазами, я не смогу собраться с мыслями. Нет, не сюда. Сядь, пожалуйста, рядом с Мэй — я должен видеть вас обоих».

Генри молча повиновался, но было видно, что он удивлен до чрезвычайности. Чарльз помолчал, подбирая слова и с видимым трудом начал:

«Мы все трое много говорили об эмансипации и равноправии женщин у нас в стране. Пожалуй, пришло время на деле доказать свою приверженность идее не только на словах. Во всяком случае, мне предстоит сделать это прямо сейчас».

«А разве я...», — начала Мэй, но муж остановил её движением руки.

«Дорогая, пожалуйста, не перебивай. Мне и без того очень тяжело говорить». Мэй испугано сжалась. «Не бойся, со мной все в порядке. Просто мне нужно найти самые правильные, единственно верные слова», Чарльз опять помолчал и, вздохнув, продолжил:

«Я хочу, дорогая Мэй, дать тебе полное право самой выбрать себе отца твоего ребенка или даже твоих детей».

Мэй при словах: «дорогая Мэй» подняла голову и смертельно побледнела, дослушав предложение до конца. Она попыталась что-то сказать, но Чарльз вновь остановил её резким жестом. «Я, со своей стороны, хочу порекомендовать тебе в этом качестве Генри. Он будет прекрасным отцом, я, лично, буду счастлив, если ты согласишься со мной».

Наступила очередь Генри вскочить на ноги от изумления:

«Чарли, что с тобой? Что ты несё... что ты говоришь? Ты в своем уме? Зачем ты пугаешь жену и оскорбляешь меня?»

«Успокойся, друг. Я в лучшей умственной форме за всю мою жизнь. Мэй, девочка моя, ты же хочешь ребенка?»

«Хочу? Да! Хочу! Я хочу ребенка от тебя. Нашего ребенка!»

Теперь все трое были на ногах; двое расширенными от удивления глазами неотрывно смотрели на Чарльза, который, бледнея, начал медленно оседать на софу.

«Я думаю, Чарльз, ты должен объясниться. Такими словами шутить нельзя, даже с самыми близкими людьми. Уже все знают, что вы с Мэй хотите завести ребенка. Ну, так Бог в помощь».

«Простите меня. Я должен был начать с главного, но я не смог. Ты сказал о Боге, Генри. Он отвернулся от меня: я бесплоден, как евангельская смоковница. От меня не может быть детей даже у такой женщины, как моя жена».

Бледная, с яркими пятнами волнения на щеках, Мэй бросилась к мужу и обхватила его голову руками: «Чарли, Чарли, мой дорогой, Чарли. Откуда ты знаешь? Кто сказал тебе это? Этого не может быть!» Женщина разрыдалась. «Неправда, этого не может быть. Это — ошибка».

«Прости, моя девочка, к сожалению, это — правда. Я прошел обследование по самой передовой методике. Ты же сама подсказала мне эту идею: пойти к докторам... Я так и сделал. И вот позавчера я услышал их приговор. Я — бесплоден, и твои мечты... наши мечты.. они не сбудутся. Но я тоже хочу детей, твоих детей, Мэй... Поэтому я прошу тебя и Генри... Друг мой, ты не откажешь мне в этой просьбе... ты не сможешь отказать. Вы — самые близкие мне люди, я прошу вас спасти мне жизнь. Если один из вас откажется, я погиб... я исчезну. Я никогда не соглашусь испортить тебе жизнь, моя бесценная, моя самая любимая на свете».

«Чарли, Чарли», — простонала Мэй, уже теряя сознание...

*«Если твой жизненный путь
Осеньет своими крылами
Птица — удача:
Ты — самый красивый и мудрый,
Самый удачный и ловкий.
Верх над тобой одержать невозможно.
Но случается так,
Что из Белого Света
Жизнь твоя попадает
В кошмарную тень
Крыльев Птицы-Беды.
Все меняется в миг.
И тебя ожидают несчастья.
Все покинут тебя. Ты — один
Пред неведомой силой.
Но запомни, космический странник,
Пыль Земли и вершина Прогресса.
Лишь три Силы способны
Изменить твою Карму.
Не ищи их вовне. Они где-то в тебе.
Только сам ты способен
Из искры их раздуть, словно пламя.
С детства рядом они.
Часто их называешь,
Не зная значения.
Так запомни три важнейшие слова:
Вера! Надежда! Любовь».*

П Л Е Н

Холодная, вернее, ледяная вода вновь окружала Чарльза. Оцепеневшие от холода пальцы полностью потеряли чувствительность, и он не мог понять держится он за этот странный скользкий предмет или нет. Если, нет, то почему он не тонет, ведь он не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Он должен тонуть. Вот, именно, так. Тело скользит вниз и вода накрывает его с головой. А как же дышать? Он же не сможет дышать! Воздуха, немного воздуха. Вот сейчас он разожмет стиснутые зубы и вздохнет, и в легкие польется ледяная соленая вода, и он задох-

нется. Все! Конец! Нет, нельзя! Мэй! Дорогая моя! Вынырнуть! Нужно вынырнуть и вдохнуть сырой ночной воздух. Наверх! Еще немного. Наверх!

Чарльз дернулся и открыл глаза. Над ним, кружась и вздрагивая, висел потолок.

— «Что это? Где я?»

— «Спокойно, мистер, успокойтесь. Вы дома. Вы в безопасности. Вот, пожалуйста, мистер, попейте. Это хороший чай».

— «Да, очень хороший чай. Это индийский чай. А может быть, цейлонский... Я не помню. И горячий... Как хорошо и тепло в груди. Но где я? Кто вы?»

— «Мы — голландцы, мистер. Рыбаки. Мы вас... это... выловили в море..., как рыбу. Вы — моряк, мистер? Вы — англичанин?»

— «Да, я — моряк. Английский моряк. Меня зовут Чарльз Смит».

— «А меня зовут Фрэнк. Я — голландский рыбак. Вы долго пробыли в море, мистер. Слишком долго. Еще бы немного, и мы бы опоздали».

Чарльзу, наконец-то, удалось сфокусировать взгляд. Потолок перестал покачиваться и кружиться. Он увидел белые стены, спинку кровати и крупного усатого мужчину, сидевшего около кровати на табурете. Мужчина держал в руках чашку с чаем.

— «Пожалуйста, дайте мне еще чашечку чая. Очень вкусно».

После нескольких глотков Чарльз вновь потерял сознание. Это был глубокий, но недолгий обморок совершенно обессиленного и замерзшего человека. Потом он глубоко вздохнул, вытянулся и уснул. Видел он счастливый сон: он был дома, рядом была Мэй, а на полу, на большущем, толстом ковре возились малыши. Было интересно и познавательно наблюдать за ними. На первый взгляд, близняшки все время ссорились. Стоило одному выбрать себе игрушку из огромного их количества, разбросанного вокруг, как второй мгновенно оказывался рядом и начинал вырывать игрушку из рук брата. Тот, естественно, не отдавал. Оба упирались, сопели, но никогда при этом не плакали. Все заканчивалось тем, что победитель поворачивался к противнику спиной, пряча от него свою добычу, но быстро терял к ней интерес и отбрасывал в сторону. Тогда он устремлялся к брату, чтобы затеять новую возню из-за новой игрушки. И так постоянно, причем всегда молча. Вообще малыши начинали плакать только тогда, когда одного из них по каким-нибудь причинам уносили куда-нибудь. Тогда начинался рев, который заканчивался

только с появлением братишки. Рев заканчивался, но начиналась новая возня. Близнецы не могли быть один без другого ни минуты.

Потом Чарльз увидел сон, как он сообщает Мэй о своем решении вступить в действующую армию.

— «Но, Чарльз дорогой, зачем? У тебя же бронь. На наших заводах строят и ремонтируют боевые корабли. Ты и так работаешь на войну. Сэр Генри, скажите ему, пожалуйста. Умоляю вас!»

Генри только беспомощно развел руки: «Я уже пытался, госпожа Мэй, но безуспешно».

— «Но объясни, Чарли, зачем, почему?» — вновь взывала к мужу Мэй.

— «Пойми, дорогая. Завод — это завод. Это еще не война. Я знаю, что война — это тяжелое и грязное дело. И очень опасное, в конце концов. Но почему другие должны рисковать, а я отсиживаться дома, прикрываясь заводом? Я — мужчина, я — моряк. Теперь я — военный моряк. Успокойся, моя любимая. Успокойся и постарайся понять меня. Может быть, это звучит высокопарно, но я хочу, чтобы моя жена и мои дети... да и мои дети уважали бы меня. А если что-нибудь случится, все в руках Божьих, — чтобы вы гордились мною. Я знаю, Мэй, что ты из рода воинов. Я убежден, что каждый мужчина из твоей семьи поступил бы так же, и ни у кого это не вызвало бы сомнения в правильности выбора. Помнишь наш разговор об Индии. Ты предупреждала о возможной войне в Европе, а я был слеп. Теперь я должен защищать цивилизацию, которая должна была предотвратить её. Война — это мужское дело. Я хочу исполнить свой мужской долг. Я хочу сам защищать свою семью, своих родных. Это — мой долг и мое право. Кстати, Генри и сам хотел в армию, но из Министерства иностранных дел никого не берут. Это — закон. Поэтому я буду воевать спокойно, зная, что Генри будет рядом с вами. Ты же будешь рядом всегда, Генри? Спасибо! Мэй, я уже зачислен на крейсер «Кресси», как инженер. Это настоящая крепость. Немцы ничего не смогут с ним поделаться. Я буду в абсолютной безопасности, моя дорогая, моя любимая. А ты будешь заботиться о малышах и писать мне письма. Хорошо? Договорились? Я так и знал».

* * *

Так вы говорите, что вы морской офицер и служили на крейсере «Кресси», потопленном немецкой субмариной?» — британский майор артиллерии смотрел на Чарльза испытующе, но довольно сочувственно.

Несмотря на отросшую бороду и усы, рыбацкие брезентовые брюки и куртку, в облике собеседника было много не просто английского, но даже аристократического. Что-то в манерах, в умении обращаться с сигарой и, конечно же, в речи. Когда Чарльз без запинки назвал всех высших офицеров корабля, количество залпов и другие детали из быта морских офицеров, майор расслабился и предложил ему виски. От его внимательного взгляда не ускользнула радость, неподдельно плеснувшаяся у Чарльза в глазах, и выражение нескрываемого удовольствия от первого же глотка шотландского напитка. Он знал, что имитировать это удовольствие трудно, и то, что бесчисленные немецкие шпионы, привыкшие к немецким водкам, брезгливо относились к виски.

— «С вашего согласия господин капитан-лейтенант мы поступим следующим образом: я определю вас на квартиру, вы приведете себя в порядок, отдохнете, а завтра, крайний срок, послезавтра я отправлю вас на авто в Дюнкерк. Оттуда вы последуете на родину. Вы — человек Военно-морского ведомства, там и решите свою дальнейшую военную судьбу. Что вы думаете об этом?»

— «Отлично. Благодарю вас, господин майор. Простите, когда у вас почта? Я должен немедленно отправить письмо домой, ведь я для них погиб вместе с крейсером. Представляю, что творится с женой и отцом. Хорошо, что дети еще маленькие. Им по три года».

— «Близнецы?»

— «Да, сэр. Два карапуза-мальчугана».

— «Хорошо. Пишите письмо. Я пришлю за ним вестового, а потом постараюсь отправить его с оказией. Будет быстрее».

— «Благодарю вас, господин майор. Вы очень любезны».

— «Не стоит благодарности. Мы на войне, господин Смит, должны думать о близких. Им, возможно, тяжелее, чем нам, в этой неизвестности».

Приведя себя в порядок и сбрив бороду, Чарльз уселся за письмо, стараясь как можно подробнее описать все, что с ним произошло.

«Здравствуй моя милая женушка!

Прежде всего, спешу сообщить тебе, что я жив, здоров и нахожусь в относительной безопасности, какая только может быть на фронте. Вас, вероятно, напугало известие о гибели моего крейсера «Кресси» и вы навоображали себе всего самого страшного обо мне. Любимая, Мэй! Господь и твоя любовь спасли мне жизнь. Я убежден в этом. Именно, Бог и

твоя любовь. А еще голландские рыбаки. Задержись они на пару часов и, наверное, я бы не выдержал холода. А ведь все началось так удачно. Около острова Гельголанд мы встретили немецкую эскадру и сумели потопить три тяжелых крейсера, и уж не знаю, сколько других кораблей. Нашему ликованию не было предела. Откровенно говоря, мы решили, что после такой взбучки немцы и носа не покажут в открытом море. И вдруг этот страшный удар и взрыв, от которого я оказался в ледяной воде. Мне повезло, что я оказался на верхней палубе. Я долго думал, что мы напоролись на мину и вот только сейчас, оказавшись в нашем сухопутном корпусе на севере Бельгии, я узнал, что эта была торпеда и что немецкая субмарина потопила три наших крейсера: «Хог», «Абукир», и мой «Кресси». Не скрою, для меня это страшная новость. Но вы-то, конечно, уже знали об этом раньше меня. И вот, милая Мэй, я лечу в темноту и оказываюсь в ледяной воде. Если бы не спасательный жилет, я не продержался бы и полчаса. Но спасло меня другое. В темноте я наталкнулся на огромный кусок дерева. Какая-то часть палубной надстройки. Мне удалось взобраться на него. Стало теплее, так как вода не перекачивалась через мой плот. А когда взошло солнце, я даже обсох. Но радоваться было нечему. Ни еды, ни воды, хотя вокруг ее было предостаточно. А главное, где я, куда меня несет? Я даже не могу сказать, сколько я пробыл в море Робинзоном Крузо. Видимо, много, потому что от жажды я начал впадать в забытие. Что-то вроде сна. И ты была в нем. Гладила меня по волосам и успокаивала. От этого было так тепло. От твоих рук исходили свет и тепло. Но знаешь, чего я боялся больше всего. Оказавшись на самом краю жизни, я испугался, что не смогу попросить у тебя прощения за свои капризы, свою пусть и не частую, но грубость. Я прошу простить меня за то, что я оказался недостойным такой женщины, как ты. Единственной женщины, посланной мне Богом. Прости же меня!

А потом меня нашли голландские рыбаки. Я очнулся в доме у одного из них. Его зовут Фрэнк. Хорошо, что немцы лишь изредка наведывались в эту деревушку на берегу моря. Они уже захватили большую часть Бельгии и ведут бои за Париж. Когда-нибудь я тебе все подробно расскажу: как меня прятали в маленькой пещерке на берегу моря, когда «боши», так голландцы называют немцев, появлялись на берегу... Как меня на мотоботе четыре рыбака, рискуя жизнью, доставили в Бельгию в районе городка Ипр, где я и оказался среди своих. Здесь держит оборо-

ну английский корпус. Меня обещали в ближайшее время отправить в Англию для определения места дальнейшей службы. Уверен, я сумею выбраться домой на побывку. Боже, как я хочу увидеть тебя, малышей, отца, Генри. Одним словом, вас всех, мои родные. Надеюсь, у вас все хорошо. Господи! Как я люблю вас. Какое это безумие жить от вас вдалеке. Никакая война не может и не должна разлучать людей. Целую тебя, моя радость, моя Спасительница! До скорой встречи. Уже пришел вестовой и я должен закончить письмо. Всех целую. Твой вечный должник, всегда твой Чарли».

Отправив вестового с письмом, Чарльз переоделся в форму сухопутного английского офицера (скорее всего, майор-артиллерист пожертвовал один из своих комплектов), которая была чуть-чуть мала, и вышел на улочку маленького городка, направляясь в штаб, куда майор пригласил его на обед. Резкие звуки сирены заставили его вздрогнуть. Не привыкший к сухопутным звукам войны, Чарльз почувствовал безотчетную тревогу и ускорил шаг. Майора он встретил у входа, но тот сам опередил его вопрос.

— «Хорошо, что вы уже здесь. Очень плохие новости: немцы использовали против наших передовых позиций отравляющий газ. Мы были совершенно не готовы. В окопах горы трупов и паника. Самое ужасное, что ветер несет газовое облако в нашу сторону. В моем кабинете на столе обед, противогаз и оружие. Прошу вас быстро подкрепиться и с остальным на выход. Если ветер не переменится, через 15 – 20 минут мы на автомобилях начнем отступление».

Однако начать его пришлось уже через десять минут. Артиллерийские наблюдатели, вооруженные самой мощной оптикой, обнаружили облака желто-зеленого газа стремительно приближающие к батареям со стороны реки Ипр. В подзорные трубы они видели толпы английских солдат, разбегающихся в разные стороны. Видели, как отдельные группы накрывал убийственный газ и улетал дальше, оставив после себя неподвижные тела.

Автомобиль майора возглавлял колонну автомашин, к которым были прицеплены орудия, медленно продвигался по узкой дороге. Артиллерийские расчеты бежали рядом, помогая тащить тяжелый груз. Все тревожно оглядывались по сторонам. Чарльз в бинокль смотрел назад. Ключья газа уже давно обогнали колонну, и майор, то останавливая, то подгоняя машины и людей, пытался избежать смертельного сопри-

косновения. К всеобщему ужасу промежутков между клубами ядовитого тумана становилось все меньше. Люди давно уже были в противогазах. Дышать было невыносимо тяжело. Резиновые полосы больно сдавливали виски, отчего начиналась головная боль. То ли от воображения, то ли от небольших невидимых количеств газа, рассеянного в воздухе, к горлу подступала тошнота. Некоторые из солдат заходились от кашля и падали в конвульсиях на землю. Помочь им было некому. Наконец, автомашины остановились. По приказу майора артиллеристы оставили их, и, пригибаясь как можно ниже к земле, пошли по дороге в сторону от фронта. Количество идущих постоянно уменьшалось, и вскоре Чарльз обнаружил, что за ними следуют не более двадцати человек. Уклоняясь от газа, люди сбились с дороги и вскоре потеряли направление. Тогда майор, ориентируясь по ручному компасу, решил идти строго на Север. Дышать стало совершенно невыносимо. Огромным усилием воли Чарльз сдерживал себя, чтобы не сорвать с головы противогаз. Он шел за майором, словно продираясь через туман, заполнивший его сознание.

«Кажется, нам повезло, господин Смит», — внезапно услышал он голос майора, искаженный маской. Чтобы Чарльз мог различить слова, он говорил Чарльзу прямо в ухо. «Вон там какие-то дома. Видимо, деревушка. Где-нибудь можно укрыться. Там можно будет снять эту гадость, а главное, умыться и досыта напиться».

Группа вошла в деревушку и осторожно двинулась по улице. Окна домов были плотно закрыты, отчего деревушка казалась вымершей. Внезапно из-за домов появились вооруженные люди, послышались отрывистые команды на немецком языке: «Стоять! Руки вверх! Не двигаться!»

«Приказываю не сопротивляться! Мы — окружены», — срывая маску, выкрикнул майор. Чарльз последовал его примеру: снял противогаз. Воздух был чист, хотя Чарльзу казалось, что в нем чувствуется какой-то незнакомый запах.

* * *

Немецкий солдат с винтовкой на плече толкнул дверь и жестом приказал пленным идти внутрь. Чарльз, стоящий вторым вслед за майором, шагнул в темноту и закашлялся от спёртого, вонючего воздуха, попавшего в легкие. Омерзительно пахло ногами, немывтыми телами, прелой

соломой, а главное, огромной скученной массой людей, набившихся в сравнительно небольшое и плохо проветриваемое помещение. Кроме вони, Чарльза поразила царящая в бараке темнота. Поначалу она казалась столь непроницаемой, что он натолкнулся на внезапно остановившегося майора.

«Осторожно, Чарльз. Вы собьете меня с ног. Ну, и вонища. Вот вам и обещанные гигиенические условия содержания военнопленных. Придется скандалить. Бедные ребята. Интересно, что ждет нас в офицерском бараке. Отойдемте в сторону, пусть солдаты войдут».

«Слышали, парни? Прибыли новички и, кажется, им не очень у нас понравилось. Проходите смелее, будьте, как дома. Только держитесь левой стороны, там больше свободных мест. Но только, ради Бога, осторожней, а то вы отдадите нам ноги».

«Или уши», — добавил другой голос.

«Хорошо, если только уши», — возразил третий под дружный смех невидимых обитателей.

«А ты, сержант, не развешивай свои... эти... уши», — посоветовал кто-то с сильным шотландским акцентом.

Глаза понемногу привыкли к темноте, и Чарльз разглядел тусклый свет, попадающий в помещение через небольшие окна, находящиеся где-то наверху справа. Разглядел он и ряды нар, одноярусные около стен и двухярусные в середине барака. Нары были короткие, и ноги некоторых пленных свисали с них, перегораживая и без того узкие проходы, по которым пройти можно было только боком. Люди лежали на соломенных тюфяках, издававших резкий запах прелой и мокрой соломы.

«Внимание!» — громко прокричал майор. «Здесь офицеры. Кто старший в бараке?»

Смех и шутки прекратились. С нар, стоящих в правом ряду у стены, поднялась высокая фигура.

«Старший сержант Бут, сэр. С кем имею честь?»

«Старший майор артиллерии Карл Робинс и капитан-лейтенант Ее Величества морского флота Чарльз Смит. Подойдите, пожалуйста, поближе. Здравствуйте», — майор протянул сержанту руку для рукопожатия. Высокий, костистый сержант с давно небритым лицом нерешительно и с удивлением пожал ее.

«Много вас здесь?»

«Всего, не знаю, сэр. А в этом бараке 150 человек».

«Какие войска?»

«Разные, сэр. Пехота, артиллерия, моряки».

«Моряки, откуда?» — удивился Чарльз. «Странно, моряки в плену. И много?»

«Здесь человек тридцать».

«Извините, сэр», — с нар поднялся еще один человек в форме моряка. «С вашего позволения, всего в лагере нас больше трехсот».

«Какие корабли? Есть ли кто с крейсера «Кресси»?»

«Самые разные. Насчет «Кресси» не слышал. Всех нас из моря вылавливали».

«Хорошо», — майор обращался к старшему сержанту. «Примите, пожалуйста, людей. Помогите им разместиться. Мы должны помогать друг другу. Нам здесь придется побыть некоторое время вместе.»

«Есть, помочь, сэр!» — козырнул тот.

«Идемте, Чарльз», — и добавил тихо: «Еще немного и я задохнусь в этой вони».

В офицерском бараке было намного свободнее. Стояли, заправленные армейскими одеялами, кровати, а вдоль стен — тумбочки. За небольшим столом несколько человек в нижних рубашках играли в карты. Один, положив ногу за ногу, читал какую-то газету. В дальнем углу спиной к двери лежал еще один.

«Здравия желаю. Позвольте представиться».

Старожилы барака повернулись к вошедшим и, услышав звания, поднялись на ноги.

«Добро пожаловать, господа», — приветствовал их офицер с газетой. «Простите, полковник спит. Он плохо себя чувствует. Простуда».

Так для Чарльза начался плен.

* * *

Дни тянулись непрерывной серой чередой, совершенно не отличаясь один от другого. Более унылого и бесполезного существования Чарльз не мог себе и вообразить. Поднимались рано: в шесть утра. Механически шли на зарядку. Господа офицеры отдельно. Они могли и пропустить один-два раза. Больше не позволял полковник, человек педантичных взглядов, болезненный, и потому веривший в полезность гимнастики. Сам он пунктуально выходил на зарядку в мундире со сте-

ком подмышкой. Упражнения выполнял, не снимая, а лишь расстегивая френч. Не любил расхлябанности и требовал сохранять опрятный вид, несмотря на все неудобства лагерной жизни. Умываться приходилось холодной, а зимой и ледяной водой. Горячей воды не было даже в бане, — мылись теплой и ржавой. Отсутствие кипятка превращало бритье в сплошное мучение, и некоторые офицеры пытались отпускать бороды. Но полковник пресекал все попытки приобрести внешний вид, соответствующий внутреннему состоянию людей. Кормили, в основном, картофелем и капустой, но офицерам перепало и немного жесткого, не проваренного мяса. Вместо любимого англичанами чая приходилось довольствоваться эрзац-кофе. Приличная гадость.

Лагерь для военнопленных «Рульлебен» («Райская жизнь») располагался на территории закрытого ипподрома. Однако вскоре все они были вывезены на фронт, а их место заняли люди. Бараки до сих пор хранили в своих стенах запах навоза и конской мочи. Помещения были плохо приспособлены для содержания людей: стены промерзали, свет не проникал через маленькие окна, полы не просыхали от сырости. Скудность была ужасающей. Ночью человек не мог перевернуться с боку на бок, чтобы не потревожить соседа. Постоянная вонь и храп превращали ночь, которая согласно лагерному распорядку начиналась в шесть часов вечера, во время кошмарных сновидений и не менее кошмарной бессонницы. Конечно, офицерам было полегче, но со временем и их бараки уплотняли по мере поступления новых пленных, число которых ужасающе росло. Приезд соотечественников, а лагерь «Рульлебен», предназначенный только для англичан, был настоящим праздником для старожилов лагеря, вроде Чарльза, несмотря на всю парадоксальность ситуации. Новички приносили новости с фронта, из Англии, из дома. Вести эти были неутешительные. Западный фронт стабилизировался, и никаких важных событий не происходило, особенно, столь ожидаемого наступления. Все как бы замерло в оцепенении, а это означало для несчастных узников лишь продолжение их заточения.

Всем казалось удивительным, что привыкший к роскошной, сытой жизни, Чарльз почти не замечает ни холода, ни отвратительной еды, ни грязи, ни вони. Сам он изо все сил старался никому не показывать своих страданий. Он хотел, чтобы его тело превратилось в непроницаемый кокон, в котором бессильно бились две мысли: одна — о причинах его личных неудач, и другая — о семье. Все силы его организма были направле-

ны на поиски ответа на первый вопрос и на поиски способа хоть что-то узнать о доме, и сообщить о себе.

В отличие от своих сотоварищей по заключению, Чарльз радовался бессонным ночам. В тишине, прерываемой чьим-нибудь храпом, ему лучше удавалось сосредоточиться на мысли, которая не давала ему покоя: «Почему удача отвернулась от него? Что стало причиной?» Он вновь и вновь прокручивал перед своим внутренним взором свою жизнь: благополучная и богатая семья, любящие родители, правда, ранняя смерть матери. Отличная учеба, карьера и успешный бизнес. И, наконец, огромная любовь и женитьба. Любящая красавица жена. Умница. Добрая и отзывчивая. Необычайно тонкая и внимательная. Что может еще желать мужчина? А потом — бесконечная цепь неприятностей и бед, и, главное, его бесплодие. Чарльз снова и снова возвращался к своей измене с Сьюзан. Именно она стала начальным пунктом непрерывных неудач и бед. Неужели, Бог настолько строг к нему, что не может простить этой ошибки? Даже греха? Нет, что-то не так. Вернее, не может быть так. Конечно, он никогда не был святым. Но он не был и явным грешником. Он никогда не бросал вызова Богу. Он был, как все.

Чарльз часто бродил по лагерю, подолгу останавливался около солдатских барачков, наблюдая за играми солдат, прислушивался к их разговорам. Его обижало, что они вытягивались при его появлении по команде «смирно» и замолкали. Ему хотелось поговорить с ними, но разговора не получалось. Чарльз с удивлением осознал, что он ни разу в жизни не общался с так называемыми простыми людьми, кроме чисто деловых коротких бесед с рабочими верфей и заводов или членами экипажей построенных судов. Судя по количеству пленных солдат, этих простых людей в его родной стране гораздо больше, чем людей обеспеченных и богатых. «Что он знает об их жизни? Ничего. А почему именно ему довелось родиться в богатой семье? За что, за какие такие заслуги? Ведь мог бы он родиться в семье докера или простого матроса? Мог. Неужели в этом определяющем моменте жизни любого человека проявляется чистая случайность? Нет никакого Божьего Провидения, избранности? Просто случайность? Обидно? Пожалуй, да. Родись он в другом месте, в другой семье, — он мог бы быть простым рабочим. Не было бы ни Оксфорда, ни заводов, не было бы Мэй. Все прошло бы мимо него. Так за что же ему повезло? А, может быть, просто за все приходится платить?. Рано или поздно, но платить. Возможно, пришел его час распла-

ты? И за сытость, и за богатство, и за Мэй. Чарльзу хотелось крикнуть громко, очень громко, чтобы услышали все: «Я плачу и готов платить. Отнимите у меня все, кроме семьи. Оставьте мне мою жену».

«Что же, отказаться ото всего — не фокус. А что дальше? Согласится ли Мэй на потерю всего? Если любит, то согласится. Если любит? Но даже, если останется с ним, будет ли это справедливо? Его несчастья — это наказание ему, а не ей. Ей-то за что? Она — святая. Боже мой, получила ли она то письмо, которое успел взять вестовой? А если нет. Похоронила меня, а через полгода — на тебе: жив и здоров. Не успела порадоваться, — а он опять пропал. Разве такое можно пережить? А что, если она уже замуж вышла? Благо есть за кого. Тем более, за отца её детей». Впервые Чарльз с неприязнью подумал о Генри.

«Господи! Он-то чем виноват? Настоящий друг. Нет, не могла Мэй забыть его так быстро. Если бы забыла, отказалась ждать, — он бы почувствовал это. Не мог бы, не почувствовать. А он по-прежнему ощущает её присутствие, даже близость. Вот здесь, в груди. Она все еще с ним. Бедная, бедная ты, моя женушка. Надо написать письмо. Скоро будет машина «Красного креста». Надо быть готовым».

Полгода спустя, после пленения, в жизни Чарльза произошло событие, сыгравшее важную роль в его дальнейшей судьбе. Однажды утром во время зарядки, когда Чарльз по своему обыкновению прогуливался поодаль, он услышал вопрос, обращенный явно к нему. Вопрос был задан по-английски, но с заметным немецким акцентом:

«А вы почему не делаете гимнастику? Не заботитесь о своем здоровье, господин, если не ошибаюсь, господин Смит?»

Уже готовый к язвительному ответу, Чарльз резко повернулся и запнулся. На него, насмешливо прищурившись, смотрел высокий немецкий офицер с нашивками о ранении на мундире.

«Я не ошибся, — господин Смит?»

Лицо его казалось знакомым, но Чарльз никак не мог связать его с кем-нибудь конкретным. Тот заметил его замешательство и пришел на помощь:

«Браун. «Фирма Вильгельм Браун и Карл Цоммер». Если я хорошо помню, это был февраль 1910 года. Город-порт Киль, не так ли?»

«Да, да, спасибо. Я вспомнил все. Спасибо. Конечно же, Рихард Браун и город-порт Киль».

«Ничего не скажешь, неожиданная встреча, тем более, что вы, вероятнее всего, пошли по морскому ведомству. Действительно, пути Господни — неисповедимы. Мы могли встретиться и в Англии, если бы повезло вам, а не мне».

«Но как вы оказались здесь, в этом лагере?»

«Тяжелое ранение на восточном фронте. Теперь я не годен к строевой службе. А как сложилось у вас? Впрочем, не отвечайте. Плац не место для бесед. Если вы не имеете ничего против, мы можем продолжить в моем кабинете. Заодно и позавтракаем. Я надеюсь, что у меня найдется немного виски, а у вас немного времени».

«Что ж, время у меня есть. Чего, чего, а времени достаточно».

«Тогда прошу».

Чарльз на мгновение замешкался, не зная, пойти ли ему рядом с немецким офицером или слегка сзади. Видимо, Браун понял его, и пошел вперед, не оглядываясь. Чарльз молча шел следом, слегка отстав.

«Я понимаю ваше недовольство условиями содержания, особенно питанием, но как новый комендант лагеря, я не могу ничего вам обещать. Скорее всего, будет еще хуже. В последние дни нам начали заменять картофель кормовой брюквой. Вы, наверное, уже заметили. Поймите, немецким солдатам охраны еще хуже. Они получают в денежном выражении в 1,5 – 2 раза меньше, чем «томми». Простите, английские солдаты. Мы соблюдаем международные договоры, но никто не ожидал, что проблема военнопленных будет такой острой. Кто мог предположить, что в плен будет захвачено около миллиона человек? В Берлине держатся за голову, не зная, что делать с ними. Особенно тяжело со славянами. Но вам это, наверное, не интересно. Расскажите, пожалуйста, как вас угораздило попасть к нам? Вы же моряк?»

Чарльз, разомлевший и опьяневший от виски и от хорошо приготовленного куска свинины с овощами, в нескольких словах рассказал о своих злоключениях, опустив, конечно, эпизод с голландскими рыбаками. В рассказе его подобрало в море грузовое судно одной из латиноамериканских стран. Говорил он довольно равнодушным голосом, особенно не подбирая слов. Он так долго и много думал о случившемся с ним, что, кажется, десятки раз перебрал в памяти малейшие детали. А чувства и эмоции по этому поводу выплеснул в письме и теперь смотрел на все как бы со стороны, как на историю, происшедшую с кем-то другим. Но когда он подошел к моменту газовой атаки, его охватила сильная злость и

даже гнев. В рассказе появились краски, голос срывался. Внимательно всмотревшись в искаженное лицо собеседника, Браун достал из шкафа, стоящего у стены, новую бутылку и налил Чарльзу полстакана какой-то темной жидкости. Не спрашивая ничего, Чарльз прервал свой монолог и молча выпил содержимое залпом.

«Уф, что это?» — на глазах у него выступили слезы.

«Хороший, слегка разведенный и подкрашенный спирт. Вы ненавидите немцев за это, не так ли?»

«Всех немцев ненавидеть нельзя, да и глупо. Вот вы, например, не имеете никакого отношения к применению газа против людей, пусть даже и военных. Но война ведется по определенным согласованным правилам».

«Война войне рознь. Но вы правы. Газы — это ужасно. Это — чудовищно! Кто бы мог подумать, что мы, немцы, первыми пойдем на это»,

Было заметно, что Браун тоже опьянел. Лицо покраснелось и нервно подергивалось.

«Собственно, глупо считать, что некоторые вещи на войне — хорошие, а другие — плохие. Все они в равной степени направлены на убийство людей, поэтому все — отвратительны. Я ненавижу войну как способ решать проблемы, хотя считаю, что вы, остальные европейские страны, — цивилизованные страны, — несправедливы в отношении Германии. Например, вы, англичане, имеете колонии и доминионы по всему миру. Германия — скована своими границами. Они мешают развитию нашей деловой активности, мешают нашему экономическому росту. Европа долго отмахивалась от наших проблем и требований и вынудила нас начать войну. Ваше преимущество в людских ресурсах заставляет нас идти на крайние меры, применять не совсем гуманные методы войны».

«Меня чрезвычайно удивила ваша антивоенная позиция. Спасибо за откровенность и искренность. Полагаю, что мне не нужно говорить, что все сказанное здесь, останется между нами. Отвечу откровенностью на откровенность. Я никогда не думал о войне, как о запланированном, тщательно продуманном массовом убийстве людей. Британия всю свою историю вела войны за свои территории. Для меня они были чем-то абстрактным, не касающимся меня лично, но полезным для страны. Да и само мое участие в боях было каким-то отстраненным. На море не видишь противника. Он вообще за горизонтом. Скажите, а вам довелось

ходить в атаку или отражать её в пешем строю? Вы ведь сухопутный солдат?»

«Приходилось. Штыком я, правда, не колол, но из револьвера стрелял в упор».

«То есть, вы видели глаза убиваемого вами человека?»

«Видел и не один раз. Но в бою — это нечто особенное. Там все видишь по-другому. В тебя тоже стреляют и штыком норовят проткнуть. А потом — этот стакан шнапса перед атакой. Все по-другому».

«Вам было жаль убитых вами?»

«Жалости не было. Но после боя сильное отвращение к себе. Окопы, заваленные трупами, крики раненых, оторванные части тела. Честно говоря, люди шалеют. Действуешь, как в бреду. Сейчас в бою не до рыцарства, особенно, когда шрапнель рвет на куски или мина».

«Или газ».

«Да, и газ. Все омерзительно. Что мы будем говорить детям?» Светло-голубые глаза Брауна стали большими и тоскливыми.

«Держитесь, Смит. Когда-нибудь это все кончится, или мы кончимся».

«Спасибо вам. Мне не остается ничего другого. Простите, не подскажете, как можно отправить письмо домой, жене? Я только успел сообщить, что не утонул вместе с крейсером, как снова пропал»...

«Вообще-то, пленные передают письма через «Красный крест», но это долго и ненадежно. Давайте-ка я, по старой дружбе, попробую вам помочь. Вы напишите, а я в другом конверте отправлю в Данию, другу. Он перешлет в Англию. Только никаких имен, адресов, названий и ничего о войне. То, что в плену, можете написать без указания лагеря. Просто, лагерь для англичан. Если попадет к цензору, то минимум зацепок».

«Заранее благодарю. И спасибо за угощение. Для меня это забытая роскошь».

«Что вы, что вы. Не стоит благодарности. Когда я попаду к вам в плен, вы будете угощать меня. Еще увидимся и повторим. Держитесь, коллега».

Чарльз добрался до своего барака, где его встретили недоуменные взгляды офицеров.

«Что это было? Допрос? Почему вас?»

«Да, нет. Просто встретил старого делового партнера. Сотрудничали до войны. Вот и посидели, повспоминали».

«Ну, и как он? Что говорит? Какие новости на фронте?»- особенно настойчиво приставал майор-артиллерист.

«Об этом мы и не говорили. Он молчал, а мне неудобно было спрашивать. Все больше о прошлом, о семьях, о политике вообще. Хотя, могу сказать, что, видимо, бошам приходится несладко».

Встреча с Брауном, которого Чарльз видел ежедневно, растревожила его. Он подолгу перебирал в памяти детали разговора. Взгляды немца на войну, на политику удивили и понравились ему. До предела занятый делами фирмы, он как-то не задумывался над тем, что делает и для чего. Строительство и ремонт боевых кораблей, и производство вооружения казались чем-то обычным и ни для кого не опасным. Сейчас он четко сознавал: то, что он произвел, стреляет и убивает разных Гретхен, Элоиз и детей, точно также как продукция Брауна нацелена на его детей и Мэй. Его взгляд на войны совершенно перевернулся. В усталом, словно воспаленном мозгу, всплывали лица великих полководцев и вождей. Они кружились хороводом у него перед глазами: Ксеркс, Александр Великий, Ганнибал, Кай Юлий Цезарь, Тамерлан, Кромвель, Наполеон и адмирал Нельсон. Потом еще этот, русский с одним глазом, — Кутузов. Боже мой, какими великими патриотами они казались раньше, особенно Наполеон. Человек, поднявший на дыбы Францию, прославивший её. А, собственно, чего он добивался и какой ценой? Чарльз отчетливо помнил ранее виденную гравюру, на которой Наполеон стоял на холме и в позорную трубу глядел на войска. Вокруг толпились офицеры, готовые в любую минуту подхватить и понести приказ гения-полководца. А там внизу, куда он смотрел, клубились безликие массы солдат, ценой жизни которых приказы воплощались в победы. Чарльз вспомнил одуловатое, женственное лицо императора, его надменные, самодовольные глаза. Вся поза маленького человечка говорила о величии и деспотизме. Интересно, а думал ли Бонапарт, хотя когда-нибудь о тех, кто шел цепью на редуты, подставляя свою грудь под картечь. Не сотни и не тысячи жизней, а миллионы мужчин, в основном таких же молодых, как и он, Чарльз Смит, убивали друг друга по приказу. Они безропотно, а иногда и восторженно шли на смерть. И так всю историю. По прихоти единиц, ради доходов сотен или тысяч умирали миллионы. Как это страшно и бессмысленно. Почему же образованные, интеллигент-

ные люди в разных странах не поднимают свой голос против войн? Почему все молчат? Неужели, для того, чтобы понять их отвратительность и жестокость, их бесчеловечность, нужно самим попасть под газовую атаку или в плен?

На стене административного здания лагеря висели портреты великих немцев. Проходя мимо них во время своих прогулок, Чарльз задерживался и внимательно всматривался в бульдожье лицо «железного» канцлера. Он старался понять, в чем люди, подобные Бисмарку, находили силу и уверенность в своем праве решать судьбы миллионов людей. Нет, даже не судьбы. Решали когда и в каком количестве должны умереть их сограждане. Решали и хладнокровно отдавали соответствующие приказы, даже и не думая спросить, а согласны ли обреченные на смерть со своей участью. Их мнение никогда и никого не интересовало. Какая страшная самоуверенность и какое самомнение. Они присваивали себе функции Бога.

Чем больше Чарльз думал о тех, для кого война была смыслом всей жизни, тем сильнее его занимала мысль о связи власти и гуманизма. Может ли власть быть гуманной? Или это исключено? Он пришел к странному на первый взгляд выводу: власть над страной, когда подвластные толпы оставались анонимными, существующими где-то там далеко внизу от властного пьедестала, не так страшна, как власть конкретного человека над другим конкретным человеком или несколькими людьми. Какие отвратительные формы принимает такая власть, особенно, когда власть имущий значительно уступает по своим человеческим качествам подвластным ему людям. Неспешные, малозначительные события лагерной жизни давали обильный материал для размышлений. Довольно равнодушные к пленникам охранники со временем начали проявлять не просто раздражение, а желание проявить свою власть. Однажды Чарльз увидел, как охранник замахнулся прикладом винтовки на замешкавшегося пленного солдата, но, видимо, заметив Чарльза, не ударил, а только толкнул того.

Другой эпизод был связан непосредственно с комендантом Брауном. Обнаружив мусор, рассыпанный неаккуратным дневальным прямо около барака, он подозвал одного из офицеров из своей свиты и приказал немедленно найти виновного и заставить его вымыть с водой весь путь от барака до мусоросборников. По мере отдачи приказа голос его накалялся и в конце он резко произнес: «Предупредите этих английских сви-

ней, привыкших, чтобы за ними убирали другие, что в следующий раз виновный будет отправлен в карцер». Кстати, в последнее время карцер не пустовал никогда.

Услышав про «английских свиней», Чарльз нырнул за угол барака, чтобы Браун не мог заметить его. Он был поражен и даже не словами, а выражением лица коменданта. Человек с ружьем не должен и не может испытывать сострадания и жалости к охраняемым. Его сила, воплощенная в оружии, и власть, данная положением, требуют проявления, и рано или поздно проявляются.

Презрение, высказанное Брауном в отношении англичан, как нации, на удивление мало затронули Чарльза. Он и сам уже понимал несправедливость эксплуатации одного народа другим, одного человека другим, волею судеб родившимся членом более удачной нации.

«Интересно, что Браун в действительности думает обо мне? Лично я для него тоже свинья или он испытывает ко мне личную симпатию? Отправил он мое письмо или это было лишь проявлением минутной слабости? До того, как Чарльз получил ответ на последний вопрос, он увидел удивительный по достоверности и продолжительности сон. Ему приснилась Мэй. Он был дома и пришел в спальню жены. Она как всегда ждала его. Они любили друг друга. Мэй была особенно нежной и предупредительной. Но потом, когда они отдыхали, и её голова лежала у него на груди, она задала ему странный вопрос: «Я получила твое письмо. Как долго я ждала его. Ты пишешь мне, что любишь меня». Мэй приподняла голову и долго смотрела в глаза мужа. Потом опять уютно устроилась на груди мужа и закончила: «Скажи, за что ты любишь меня?»

Чарльз растерялся. Его растерянность была сложной по ощущению. Он растерялся не только там, во сне, но и здесь, в бараке. Он долго искал точные слова для ответа, словно впервые задумался над тем, за что он любит жену.

«Странно, моя дорогая, что ты спрашиваешь меня об этом именно сейчас. Но мне понятен твой интерес, хотя, ты сама-то веришь, что на такой вопрос можно ответить? Надеешься. Ну, что ж. Я постараюсь, моя милая! Я люблю в тебе все. Лицо целиком, потом глаза, губы, волосы, ушки — все в отдельности. Я люблю твою фигуру. Она не просто привлекает меня, она — волнует. Твою грудь и плечи. Все, все твое тело. Но это все — физическое. Есть еще что-то, более важное. Оно — не физическое. Его нельзя потрогать. Но его чувствуешь не менее отчетливо. Это

— твое обаяние. Твоя улыбка. Звук твоего голоса... Особенно, когда ты шепотом говоришь мне, что любишь меня. Твой смех. Твой акцент. Цвет и запах твоей кожи. Если соединить все, что я назвал, в одно целое, — это и будешь ты, Мэй, моя жена и моя единственная любовь. Я виноват, — я изменил тебе. Но это было наваждение. Без тебя я не смогу жить. И это главное, что я люблю в тебе, — ты часть меня... Слушай, кажется, я нашел нужный ответ. Ты — часть меня. Это не значит, что ты меньше меня. Я надеюсь, что я тоже часть тебя. А часть себя нельзя не любить. Я часто встречал, на мой взгляд, не равноценные пары, гадая, как же она или он полюбила, полюбил его, её? Теперь я знаю. Каждый из них нашел в другом часть себя, и именно это определило выбор. Остальное было неважно. Ты — часть меня и без тебя меня нет. Ты — это сама любовь. Она, как солнце, освещает и согревает все. Я хочу, чтобы ты знала это. Но написать о своей любви полно и понятно я не смог. Я не нашел нужные слова. Слова, видимо, вообще не могут выразить то, что я в действительности чувствую. Но ты можешь это ощущать так же, как это ощущаю я».

«А я и ощущаю, иначе я к тебе не пришла бы. Знай, я очень тебя люблю и не мыслю своей жизни без тебя, хотя, если с тобой что-нибудь случится, мне придется жить ради детей. Это будет полжизни. Прошу тебя помнить об этом и сделать все, чтобы так не случилось. А теперь, извини, мне пора».

Чарльз долго лежал, не понимая, спит он или нет, был это сон или что-то другое. Боже! Как ясно он видел свою жену, ощущал тяжесть её головки у себя на груди, чувствовал запах её волос».

* * *

С уходом мужа на войну, жизнь Мэй изменилась полностью. Большую часть времени она старалась уделять сыновьям, часто заменяя их няню и гувернантку, хотя по-прежнему была активной в детском фонде. С началом войны его функции тоже изменились: теперь больше приходилось помогать семьям, потерявшим кормильцев на войне. Мэй не отказывалась ни от какой работы, но, как бы занята она ни была, её мысли всегда были связаны с Чарльзом. Потрясение, вызванное сообщением о гибели крейсера «Кресси», на котором был её муж, было настолько глубоким, что Мэй вполне серьезно наедине с собой боялась за свой рассу-

док. Внешне ей удалось сохранить образ женщины, перенесшей огромное горе, однако, вполне владеющей собой и своими поступками. Но только внешне. Только она одна сознавала, насколько была сломлена и обезволена. Совсем недавно им с Чарльзом удалось пережить серьезный семейный кризис, даже прямую угрозу их счастью. Тогда казалось, что большего горя не может быть, а выяснилось, что настоящая беда еще впереди. И вот она наступила. Чарльза нет. Он погиб. Погиб, как все моряки, тяжелой смертью в морской пучине. Погиб вдалеке от родных. Правда, все, кто погиб и еще погибнет на фронте, погибают в одиночестве. Потрясенная своим горем, Мэй почему-то все-таки ощущала в себе надежду. Её связь с мужем не оборвалась. Она чувствовала его присутствие, говорила с ним, рассказывала о сыновьях, и он был рядом, он отвечал ей. Ум Мэй раздваивался. С одной стороны, она понимала, что шансов у Чарльза, чтобы спастись, не было, а, с другой, верила, что он жив. И потом это письмо! Сначала она услышала вскрик служанки Луизы, а потом её крик: «Госпожа Мэй, госпожа, мадам Смит, письмо! Письмо от господина Чарльза!» Мэй плохо помнила, как выбежала из детской и бросилась вниз по лестнице, как дрожащими руками схватила конверт, поискала глазами столик с ножом для разрезания бумаг, но не выдержала и зубами надорвала толстый конверт. Вот оно письмо от Чарльза и первые слова: «Я жив и здоров», Потом были рыдания, почти истерика, бледные и заплаканные лица прислуги, трясущиеся руки Смита-старшего, его объятья и шепот у неё над самым ухом: «Он жив. Мой мальчик, мой сын жив. Мой Чарли», Они вдвоем долго рассматривали конверт, пытались найти обратный адрес. Его не было. Не важно. Чарли обещает быть дома. Боже! Может быть, он уже в Лондоне, в Министерстве, а вдруг он уже едет. Надо привести себя в порядок. Последние дни я так плохо выглядела. Господи! Чарльз жив. Потом она звонила Генри и слышала его радостный крик. Искренний крик радости верного друга. И после всего этого, — тишина. Ни Чарли, ни звонка, ни писем. Он вновь пропал. Новые месяцы ожидания и отчаяния. И новый удар, — Чарльз в немецком плену. Письмо, полученное каким-то странным способом. Из Дании. Плен. Немецкий плен. Но, главное, он — жив! Пусть в плену, но жив. Война есть война. Тысячи людей попадают в плен. Это не значит, что они трусы. На войне все бывает, но как страшно, даже трагично она складывается для её мужа. Сначала немецкая торпеда. Ледяное море. Затем — газовая атака. От Генри Мэй знала, что

в 5-м британском армейском корпусе, в распоряжение которого волею судьбы был брошен Чарльз, под газ попали 15 тысяч человек. 15 тысяч. Такое количество людей в одном месте невозможно даже представить себе. На лондонском ипподроме, куда она когда-то ездила с мужем, собралось около 4 тысяч человек, а тут 15 тысяч, из которых 5 тысяч погибли. Умерли мучительной смертью, а большинство из оставшихся в живых, стали инвалидами. «Почему он не написал подробно о своем здоровье? Наверное, он что-то скрывает. Господи! Что может быть с ним? Дай ему и мне силы пережить все»,

Мэй уже встречала тех несчастных, кого каснулась безжалостная рука газа. У некоторых пострадали глаза, у некоторых удалено обожженное легкое, у других незаживающие раны на руках и теле. Что с мужем? Почему он молчит об этом? Молиться, надо молиться о его здоровье. Надо просить Бога сохранить ему жизнь, — он заслужил её. После этого, она получила всего два коротеньких письма. Муж боялся подробно писать о своем пребывании в плену, чтобы не расстраивать родных, а писать много о своей любви он стеснялся, зная, что письма читают чужие люди. Но и эти письма были даром Божиим. «Красный крест» старался делать все возможное, чтобы поддерживать связь между разлученными войной близкими. Но это было нелегко. Менялась линия фронта, перемещались лагеря военнопленных, исчезали санитарные машины, погибали люди по обе стороны фронта. И эта неизвестность, постоянная тревога продолжались не день и не месяц. Они тянулись третий год.

Удивительный сон, приснившийся Чарльзу, имел последствия. Он получил письмо от жены. Комендант Браун сдержал свое слово — Мэй получила от него весточку. Теперь дома знали, что он в плену, но, главное, они знали, что он жив. А он узнал, что его сыновья растут и ждут его домой. Чарльза переполняло счастье, и он был готов перенести все трудности ради того, чтобы дожить до встречи с родными. Но больше писем не было, а время шло. Какое-то, казалось бы, эфирное понятие — время: ни потрогать, ни почувствовать. Только разумом понимаешь, что что-то проходит, изменяя человека, то делая его счастливым, то несчастным, но всегда старя и забирая у него жизненные силы. Само сознание того, что тебя любят и ждут, а ты не можешь ничего поделать, чтобы приблизить час встречи, изнурительно действовало на Чарльза. Им постепенно овладевало чувство одиночества. До предела окруженный людьми, многие из которых были действительно достойными и инте-

ресными, он, тем не менее, всегда оставался одиноким. Собственно, все вокруг были такими же одинокими и обособленными. Они терпели и общались друг с другом только в силу неизбежности, дружественные и приветливые внешне, и замкнутые и эгоистичные внутри. Каждый держал свою тоску и печаль в тайне, создавая видимость уверенного в себе человека, просто случайно попавшего в беду. Не многие думали о том, что их беда была хорошо продумана и подготовлена.

Прогуливаясь по территории лагеря и разглядывая окружающие поля, Чарльз все острее чувствовал себя за большим непроницаемым забором. Не просто чувство одиночества, а болезненное чувство оставленности все чаще охватывало его. Где-то там, вдали шла обычная жизнь. Обычная, хотя и связанная с идущей войной. Но это была жизнь, никак не связанная с ним, Чарльзом Смитом. Убежденность, что его и ему подобных, просто забыли, росла с каждым днем. Всем было не до них. Нет, не так. До них не просто не доходили руки. Нет. Про них забыли. Вроде, как их никогда и не было. Пройдет война, подведут её итоги. Кто-то станет богаче, кто-то беднее. А где-то на Земле, подобно островкам, останутся лагеря, где собрались военнопленные из всех воюющих стран. Но их не будет на картах, ни в сводках, ни в газетных новостях. Они и впредь останутся вне жизни. Чарльз видел, что это же чувство оставленности овладевает всеми его товарищами по несчастью. От этого кожа все теснее обтягивала его скулы, все тревожнее и тоскливее становились его глаза. Заметил это и Браун.

«Не нравитесь вы мне в последнее время, уважаемый господин Смит», — подчеркнуто вежливо обратился он к Чарльзу во время очередного обеда. «Не нравитесь. Что-то гложет и подтачивает вас. А? Я — не прав?»

«Честно говоря, и вы не становитесь со временем счастливее. Во всяком случае, внешне. Я — не прав?»

«Конечно же, правы. Такая служба никого не может сделать счастливым. Иногда я задаю себе вопрос: кто у кого в плену? Мы с вами по разные стороны решетки, но мы оба видим перед собой только решетку.

«Если не секрет, какие новости на фронтах?»

«Какие секреты? В том-то и дело, что никаких новостей, словно все заснули по обе стороны фронта. Только русские шебуршатся, но, по-моему, у них скверные дела дома».

«Что опять революция?»

«Что-то вроде того. Но вернемся к вашим делам. Мне кажется, необходимо что-то предпринять. Нам опять уменьшили рацион. С завтрашнего дня вас будут кормить еще хуже. Сокращается и подача тепла. В империи тяжелое экономическое положение».

«Вы что же, подобно чудотворцу, вызовете манну небесную?»

«Нет, я не чудотворец. Я хочу помочь вам бежать. Но при одном условии, что вы дадите мне слово не брать в руки оружия и не вступать в армию снова».

«Простите, Рихард. Вы же понимаете, что я не могу дать вам такого обещания».

«Да, да разумеется. Черт с ним, со словом. Будем надеется, что нам не придется стрелять друг в друга».

«Как вы устроите мой побег? Зачем вы берете на себя этот риск?»

«Я сыт по горло этой войной. Сыт её мерзостями и бессмысленными смертями. Моя совесть, моя офицерская честь, в конце концов, не позволяют мне спокойно смотреть, как вы чахнете на глазах. По-моему, с вами произошло самое страшное: вы потеряли волю к жизни. Вас поразило равнодушие к своей собственной судьбе. Это — результат безделья, голода и холода. Это — психическое заболевание. Половина пленных, оказавшихся в неволе с начала войны, поражены этой болезнью. Их трудно спасти, но вам я не дам погибнуть. Такой человек, как вы, должен жить. Я уже все продумал. У меня есть чистые бланки о смерти военнопленных, подписанные врачом. Стоит только вписать ваше имя, и вы свободны. Свободны ото всего и ото всех.

«Благодарю вас, господин Браун. Но все равно, для вас это большой риск».

«Перестаньте жалеть меня, Чарльз. Мобилизуйте свои силы, — возвращайтесь к жизни. Вы одного роста с моим шофером. Он привезет меня в лагерь, но перед сменой караула на въезде, я отпущу его домой. У него где-то неподалеку подружка живет — он будет очень рад. Форму для вас я уже приготовил. Надеюсь, вы водите авто? Я так и думал. Вам нужно будет отрастить усы попышнее и надвинуть поглубже пилотку, чтобы не было видно седых волос. Остальное — мое дело. Побудете недолго немецким унтером. Гражданскую одежду я тоже приготовил. У вас будут документы на одного шведа, в бессознательном состоянии попавшего к нам. Говорить вы должны по-немецки, вряд ли вы встретите немца, знающего шведский язык. Но и это нужно предвидеть. Я дам вам

ватные тампоны для ушей. Запомните и заучите на хорошем «Хох Дойч» слово «контузия». Так, вы для большинства будете оглохшим от контузии соотечественником, а для спецов, — оглохшим и случайно плененным шведом без документов, кроме моей справки. Через нейтральную Швецию вы скорее доберетесь до своих.. Только, ради Бога, не попадайте к нам вновь».

«А что вы скажете офицерам моего барака? Да и другим тоже?»

«Для них вас по неизвестным мне причинам, отозвали в Берлин. Чем-то вы заинтересовали нашу разведку. Ну, что, господин Смит, выпьем за вашу удачу? Прозит!»

«Спасибо. За нашу удачу! Как я смогу отблагодарить вас?»

«Пустое. Сочтемся после войны. Еще по одной? Прозит!»

ПОБЕГ

Бегство из лагеря прошло по задуманному сценарию. Одуревшие от безделья, часовые на вышке и в будке у ворот даже не обратили внимания на выезжающую машину коменданта. Только дежурный унтер лично поднял шлагбаум и вытянулся в струнку перед начальством. Он буквально ел его глазами, резонно считая, что гораздо лучше дежурить у ворот лагеря для военнопленных, чем зарабатывать ордена на русском фронте. На водителя, приветственно махнувшего рукой, он даже не взглянул. Самым трудным для Чарльза был уход из барака. Ни словом, ни жестом он не мог выдать своего состояния. Никто не должен был понять, что он уходит навсегда. Уже у порога он услышал чей-то завистливый голос: «Опять к приятелю на обед пошел». И чей-то ответ: «Да, повезло человеку». И дверь барака захлопнулась за ним.

В конце концов, Браун изменил финал своего плана и решил свести риск до минимума: он взял отпуск за кучу отработанных выходных, и лично сопроводил Чарльза до побережья. От своих влиятельных друзей он узнал, что охрана сухопутно-морских границ усилена с целью предотвращения или, во всяком случае, затруднения массовым дезертирам бежать в Швецию и Норвегию. Пока он был рядом, а Чарльз исправно и довольно талантливо изображал несчастного, оглохшего от контузии шведа, у них не было никаких проблем с бесчисленными патрулями и пограничниками. Более того, он умудрился получить для Чарльза место на санитарном шведском судне, принимающем на борт тяжело раненных из нейтральных стран. Для избежания расспросов со стороны шведских медиков, все свое внимание обративших на соотечественника, Браун обмотал голову Чарльзу испачканными йодом бинтами и благополучно положил его на носилки на причале. На прощание он вслух пожелал «шведу» выздоровления, еще раз извинился за «ошибку» и со словами «бедняга ничего не слышит и ничего не может сказать», передал его двум здоровенным матросам-санитарам. Господин Смит-Линдгрен покинул Германию.

Вынужденный на молчание, Чарльз всю поездку, вплоть до носилок, вернулся к попыткам понять причину своих военных неудач. Три года кровавых боев с миллионами жертв с обеих сторон прошли мимо него, не считая, конечно, битвы при Гельголанде и взрыва на «Кресси». Скоро он опять окажется в море и будет все дальше уходить от войны, а на самом деле, он не сделал в неприятеля ни одного выстрела и не получил ни одного в ответ. Более того, «враг» помогает ему бежать из плена, а «нейтралы» решают его судьбу. Боевой офицер: за три года ни одного выстрела, ни одного живого неприятеля ближе одной мили. Судьба для юмористического рассказа или для комического романа, наконец.

Чарльз, сдерживая неожиданные слезы, мысленно попрощался с отходящим Брауном и отдался давно не испытанному чувству морской качки, плеску волн в борт, свежести морского, соленого воздуха. При этом он не забывал о своей роли тяжелораненого. Из-за перегрузки его положили на верхней палубе, накрыв теплым пледом поверх одеяла. Было свежо, но не холодно, почти как у него в бараке. Спускающаяся ночь сделала плавание почти сказочным: ничего не видно и лишь дрожь, периодически пробегавшая по судну, подтверждала его движение. Чарльз испытывал почти блаженство. Внезапная вспышка ослепила его, что-то горячее и острое, как бритва, обожгло его лицо от волос до подбородка, а потом ударило в колено. Озадаченный и испуганный, Чарльз закричал и стремительно полетел в темноту навстречу Мэй в золотом ореоле. Потом навалились полный мрак и тишина.

* * *

Отправив англичанина в Швецию, Браун совершенно искренне пожелал ему закончить на этом войну. Сам он чувствовал давно забытое умиротворение и расслабленность. Угрызения совести по поводу предательства интересов родины окончательно оставили его. Наоборот, возникла уверенность, что его поступок, может быть, самое значительное и благородное из всего сделанного за всю его сознательную жизнь. Именно с этим чувством он проснулся в гостиничном номере и отправился завтракать. Попивая кофе, он просматривал газеты, по обыкновению начав с фронтовых вестей. Внезапно его внимание привлекло небольшое сообщение под заголовком: «Нападение на шведское судно «Красного креста». С трудом разбирая прыгающие строки, Браун прочел сле-

дующее: «Прошлой ночью неопознанный самолет атаковал судно «Красного креста», принадлежавшее нейтральной Швеции. Ориентируясь исключительно на бортовые огни, пилот обстрелял судно и сбросил на него бомбу. На борту санитарного судна имеются убитые и раненые. Министерство иностранных дел Германии заявляет, что, по имеющимся в его распоряжении сведениям, военные самолеты Германии в это время суток боевых вылетов не совершали».

Браун вспомнил забинтованную голову Чарльза, его прикрытые в прощальном прищуре глаза и прошептал: «Господи, помоги ему».

* * *

*«На лотоса листок
Я осторожно встал,
Стараясь равновесье сохранить,
И заглянул в цветок...
Там девушка спала.
Я наклонился к ней.
Почувствовав мой взгляд,
Она глаза открыла:
В них отразилось Небо
Своею бесконечной синевой.
Дюймовочку я бережно поднял.
Поставил на траву.
Сам рядом лег,
Чтоб вровень быть.
Расти она внезапно начала.
А я следил за ней,
Перевернувшись на спину.
Когда она высокой, стройной
Девушкою стала,
Ко мне склоняясь,
Тихонько прошептала:
«Проснись, любимый»...*

Грохот, наполнявший голову, внезапно затих и в наступившей тишине Чарльз различил какие-то звуки, причину и смысл которых он никак не мог уловить. Сквозь плотно сжатые ресницы он уловил яркий свет и понял, что это — солнце. Чарльз также понял, что пришел в соз-

вание, но продолжал лежать неподвижно, стараясь разобрать, доносящиеся словно издалека, звуки. У него было впечатление, что они приближаются, делаются четче и понятнее и, наконец, он начал разбирать слова. Говорили двое мужчин, причем говорили по-английски, на его родном языке.

«Обращаю ваше внимание, коллега, на этот интересный случай. Этого человека нам передали немцы, сообщив, что он после контузии с потерей слуха и в шоковом состоянии. На борту того самого злополучного санитарного судна, которое обстрелял какой-то воздушный варвар, он был снова контужен и ранен. Осколок бомбы распорол ему лицо, но так аккуратно, что ни глаз, ни кости не пострадали. Даже лицевой нерв не поврежден. Кто-то здорово молился за этого молодца. Шрам, конечно, обширный, но тут уж не до красоты. Но вот с ногой не повезло. Другой осколок раздробил ему колено. Беда еще в том, что в панике и суматохе санитары не сразу заметили его второе ранение. Сустав спасти не удалось, — будет хромать. Но вот что особенно удивительно. В его карманах был найден документ, что он — швед по фамилии Лундгрэн. В бессознательном состоянии был отправлен в лагерь военнопленных. Кстати, профессор, в лагерь для ваших соотечественников. Там, когда он пришел в себя, с ним разобрались, извинились, снабдили этим документом и отправили домой, то есть, в Швецию. Но для меня, он — не скандинав. Я осмотрел его по прибытии, Это — типичный англосакс. И еще: у него великолепно развита мускулатура, весь мышечный аппарат, но большая нехватка веса. При его росте благополучный швед должен весить не менее 225 – 230 фунтов. А в нем было только 175. Похоже, он пробыл в лагере значительно дольше, чем было нужно для выяснения обычной паспортной ошибки. Кроме того, проведенные анализы подтвердили значительное истощение организма, авитаминоз и довольно неподвижный образ жизни в течение длительного времени. Потом, эта седина, она явно не по возрасту. В остальном, пациент здоров и мы ожидаем его возвращения к нам».

Чарльзу мучительно захотелось потянуться. Особенно затекшей казалась правая нога... Он расслабил мышцы и слегка потянулся. Острейшая боль вырвала стон из его сомкнутых губ. Глаза сами собой распахнулись, но вновь прижмурились от неестественно яркого, слепящего света.

«Профессор, простите, профессор. Пациент застонал и открывал глаза», — услышал Чарльз женский вскрик и поспешные шаги. Потом две тени склонились к нему.

«Задержите быстрее шторм. Вот так. Благодарю вас». Чарльз вновь приоткрыл глаза. В правом стояла боль и красный туман. Левым он различил две мужские фигуры в белых халатах, склонившиеся к нему.

«Поздравляю вас, молодой друг, с возвращением в наш мир».

* * *

Выздоровление Чарльза проходило крайне медленно. Только страшный шрам, совершенно изуродовавший правую половину лица, рубцевался и зарастал согласно предсказаниям врачей. Однако, говорить он не мог, да ему и не позволяли. Даже глотательные движения отзывались в щеке острой болью. Гораздо сложнее дело обстояло с ногой. Хирурги непрерывно собирали консилиумы, подолгу рассматривали колено Чарльза, осторожно касались голени своими прохладными пальцами и что-то обсуждали на непонятном для Чарльза языке. Только иногда встречались знакомые латинские слова, и по ним он пытался понять, что же происходит с его ногой. Сам он не ожидал ничего хорошего. Малейшие попытки напрячь мышцы бедра, мгновенно вызывали острую боль, которая подобно кипятку сбегала от колена до щиколотки, и потом еще долго жгла его тело. Боли вообще было предостаточно. Даже больше, чем предостаточно, и Чарльз с сожалением вспоминал то время, когда он бесчувственно лежал в этой большой светлой палате. Пища была вкусной, но всегда очень жидкой. Она по трубочке подавалась глубоко в горло, чтобы избежать болезненных глотательных движений. Иногда Чарльза, видя, как он страдает от болей, спрашивали по-немецки, не дать ли ему морфия? И всегда он с помощью здорового левого глаза показывал свой отказ. Еще с довоенных времен он знал, как быстро привыкают к наркотику. Да, ему очень больно и больно подолгу. Иногда казалось, что больше не осталось сил терпеть, но он решил, что, если этим он должен заплатить за право вернуться к семье, он готов терпеть. Теперь Чарльз был убежден, что счастье нужно выстрадать, тогда его просто никому не уступишь. За него будешь бороться из последних сил.

Недели через две, после возвращения в сознание, ему задали вопрос, не хочет ли он написать некоторые сведения о себе, поскольку говорить

ему пока нельзя. Чарльз демонстративно с трудом пошевелил пальцами, показывая, что и руками он еще не полностью владеет. «Что происходит? Что он делает? Почему он не хочет написать все о себе, дать адрес Мэй? Они пошлют ей письмо. Он вне опасности. Он — в Швеции. Спокойно. Не надо спешить. Сначала надо выяснить, что с его ногой. А если её придется ампутировать? Боже, он еще не думал о таком обороте событий. Одноногий инвалид! Нет, надо максимально тянуть время. Да еще его лицо. Наверное, оно разорвано на куски? Одноногий и одноглазый пират. Сильвер! О, Господи! После всего пережитого. Почему эта бесконечная война, будь она проклята, так безжалостна к нему?»

Шло время. Замечательный уход, чистый воздух и спокойствие, полное спокойствие без малейшего упоминания о войне, делали свое дело. Ежедневный массаж и обтирание теплой водой вливали в его тело силу, и он уже не мог притворяться беспомощным. Он написал, что он англичанин, свое имя и возраст. Он сообщил о немецком плене, из которого бежал по чужому документу. Все дальнейшее они знали и без него. На вопрос, где живут его родные, он, поколебавшись, ответил, что одинок и считает возможным пока ничего не сообщать о себе дальним родственникам. Собственная лож корбила его, ввергала в смятение, — он суеверно боялся ею привлечь к себе новую беду. Но еще больше он боялся той правды, которую нужно было бы передать Мэй. Внезапно он подумал о том, что врачей интересуют деньги. Еще бы! Они здорово тратятся на него. И он написал им о своем счете в английском банке и спросил, какую сумму он должен запросить, чтобы оплатить лечение.

«О, нет, нет, господин Смит. Речь совсем не идет о деньгах. Вы находитесь под опекой Королевского «Красного креста». Швеция небольшая, но богатая страна. Она в состоянии бесплатно вылечить всех попавших в её госпитали».

* * *

Если бы Чарльз только знал, как тяжело давался его жене каждый прожитый день. Она привыкла, что муж всегда был рядом, любящий, внимательный. А потом эта многолетняя пустота. Она не только не стерла из памяти радость от близости мужа, а, наоборот, превратила её отсутствие в ежедневную муку. Мэй приходилось очень нелегко: с одной стороны, пустота, а, с другой, будоражащее, пугающее присутствие Ген-

ри. Это удивительно, но ни до, ни после той ночи она никогда не думала о нем как о мужчине. Да... та памятная и в чем-то трагичная ночь, когда она стала матерью.

После страшного признания и просьбы Чарльза, Мэй потребовалось несколько дней, чтобы прийти в себя от потрясения. Особенно угнетало её нескрываемое страдание мужа от сознания своей мужской неспособности иметь детей, которые теперь становились еще желаннее. Мэй понимала, что в предложении Чарльза завести ребенка от Генри есть очень много разумного. В принципе, это стало бы своеобразным усыновлением дитя, лишившегося по каким-то причинам родителей, с той только разницей, что мать у них будет родной, а отец гарантирует абсолютное психическое и физическое здоровье. В этом отношении Генри, конечно же, был идеальной кандидатурой. Кроме того, план Чарли практически исключал, даже в далеком будущем, утечку информации об истинном отце ребенка. Оставалось только решить, как осуществить придуманное с минимальными моральными потрясениями, прежде всего, для Чарльза. Именно поэтому Мэй, которой приходилось скрывать ото всех свои личные страхи и переживания, решила абсолютно не посвящать мужа ни в какие детали до тех пор, пока врачи не подтвердят её беременность. Содрагаясь от волнения, стыда и страха, она написала Генри записку, в которой просила приехать к ним в гости, как только Чарльз уедет в очередную деловую поездку. Всё так и случилось.

Вечером, опять-таки запиской, Мэй попросила Генри прийти в спальню Чарльза после двенадцати ночи. Пригласить его в свою спальню она просто не смогла. Дальнейшее произошло практически анонимно: они не могли видеть друг друга, если бы даже захотели, Генри не касался её тела руками. Их единение было по существу техническим актом. Сама Мэй не испытала почти ничего, хотя почувствовала огромное нервное возбуждение Генри, его волнение и его экстаз, который наполнил её уверенностью в успехе. Она не могла не стать матерью, что и подтвердили врачи через четыре недели, после случившегося.

И вновь Мэй поразила огромная тактичность Генри, который впервые посетил их дом только после двух месяцев. И то приехал в компании Чарльза, что облегчило Мэй встречу с ним, а потом навестил их не более двух раз за все время её беременности. Он оставил супругов наедине друг с другом для спокойного зарождения и развития у них родитель-

ских чувств. К огромной радости Чарльза и Мэй у них родились близнецы: пара здоровеньких и красивеньких мальчиков.

А вчера Генри приехал и попросил Мэй о разговоре наедине. Она давно ждала этого разговора, понимала его неизбежность и даже готовилась к нему. Когда они остались одни, воспоминания той ночи овладели молодой женщиной. Она думала, что сумела вычеркнуть их из своей памяти, оказалось, что они просто спрятались где-то глубоко-глубоко, а теперь всплыли на поверхность. Вероятно, виной тому был Генри, вернее, его лихорадочно горящие глаза и слегка дрожащие руки. Лицо его покрылось пятнами, когда Мэй сказала, что слушает его со вниманием.

«Дорогая госпожа Смит», — начал он, но вынужден был замолчать, не в силах побороть новый приступ волнения. «Мне кажется, нам нужно очень серьезно поговорить, ибо речь идет не только о нас. Я бы мог напрямую сказать, что мы должны решить судьбу детей, но это было бы нечестно. Вы, возможно, решили бы, что я прикрываюсь ими. Не буду говорить и о своих чувствах. Это было бы предательством в отношении памяти Чарльза. Извините, возможно, это очень жестоко, но у нас нет никаких надежд на его возвращение. Мы должны посмотреть правде в глаза. На родину вернулись уже все или почти все, даже те, кто был ранен в последние дни войны. Мы знаем, в каком лагере он был. Я встречался с некоторыми из его друзей по несчастью. Некоторые помнят его, но не знают, куда он делся. Никто ничего не мог сказать. Прошло столько времени. Вы не можете и не должна быть одна. Такая женщина... Я прошу простить меня, но я люблю вас. Очень люблю. Наверное, не так, как Чарльз, но по-своему сильно. Я уже давно решил для себя, что раз Богу было угодно, чтобы вы полюбили Чарльза, я никогда не женюсь. То есть, я не женюсь на другой женщине. Но сейчас всё изменилось. Волей того же Бога вы стали вдовой. Простите мне еще раз мою жестокость. Да, вдовой. Но вы созданы для любви, а не для одиночества. Я понимаю, — вы не сможете меня любить, но одно моей любви к вам хватит, чтобы создать в доме атмосферу любви, дружбы и взаимного уважения, то есть, всего того, что так нужно детям, особенно мальчикам. Мы будем жить ради них и ради памяти Чарльза, которому я обещал быть всегда рядом. Своими страданиями он оплатил ваше благополучие».

Генри замолчал и, побледнев, пристально смотрел на Мэй, словно пытался предугадать её ответ. Она молчала, не в силах произнести ни слова. Конечно, она понимала правоту каждого слова, сказанного им, но

все её существо протестовало против признания гибели Чарльза свершившимся фактом. Нет, только не это. Как бы ни было на самом деле, Чарльз всегда останется для неё живым. «Но что делать? Что ответить Генри?» Как ни готовилась она к этому разговору, все равно оказалась не готовой.

«Теперь вы простите меня, сэр Генри. Огромное спасибо за вашу доброту и ваши чувства, наверняка, продиктованные любовью к Чарльзу. Я понимаю ваше право и ваше желание заменить его для детей. Это очень благородно. Но разрешите мне всё обдумать. Прошу вас, не торопите меня. Дайте мне еще немного времени. Я обещаю вам, что дам свой ответ до Нового года».

«Это я благодарю вас, госпожа Мэй. Знайте, что я всегда в вашем полном распоряжении. Спокойной ночи, мадам».

«Спокойной ночи, сэр Генри».

* * *

Когда Чарльз заговорил и начал вставать, его перевели в другой госпиталь. Он был за городом, в сосновом бору с огромными гладкими валунами, разбросанными по всей территории. Круглые сутки палата была наполнена чистым, пахнущим смолой, воздухом. Его дневной сон нередко тревожила барабанная дробь дятла, а по ночам уханье филина. Было так уютно, по-домашнему, как было только в детстве.

Чарльз очень много времени проводил на воздухе, хотя ходил медленно и только с костылями. Но это было не главное. Оно, это главное, случилось в тот день, когда с его головы окончательно сняли, давно уже облегченную, повязку. Сестра подала зеркало. Чарльз с трудом заставил себя открыть глаза. Увиденное убило его. У него было как бы два лица. В зеркале справа на него глядел усталый, рано постаревший мужчина с густой проседью в волосах. Слева — лица не было. Был шрам, красно-багровый с рваными краями. Разодранное веко почти не прикрывало глазное яблоко. Кожа на скуле была собрана в гармошку. Чарльз со стоном закрыл глаза.

«Не пугайтесь, голубчик», — на плохом английском успокоила его немолодая старшая сестра. «По началу все пугаются. Шрам зарастет, зарубцуется и даже разгладится. Это он сейчас такой яркий и жесткий. Потом он побелеет, а вы загорите. Можете даже бороду отпустить. У мо-

ряков часто бывает борода. Мы называем её «шкиперкой». Знаете, такая короткая вокруг лица. Однако попытка спрятать шрам под бородой не удалась. Он был слишком широкий и рваный, и борода оказалась клочковатой. А вот усы сумели скрыть рассеченную верхнюю губу.

«Господина Смита, видимо ожидает красивая и требовательная женщина, если он так беспокоится о своей внешности», — насмешливо заметила молодая красивая докторша-специалист по лицевой хирургии. Она давно уже с легкой насмешкой наблюдала за попытками Чарльза скрыть шрам, и он стыдился смотреть в зеркало в её присутствии.

«Глупые, глупые мужчины. Шрамы только украшают их, даже такие большие», — и она ласково провела пальцами по рубцу на лице Чарльза. Пальцы у неё были горячие и нежные. Чарльз почувствовал в груди давно забытое волнение. А доктор продолжала гладить его лицо и повторяла: «Глупые, глупые мужчины. Они думают, что внешность имеет значение. В мужчине важны только ум и благородство, которое проявляется в его отношении к женщине. А если её интересует внешность, — она не настоящая женщина. Она не достойна умного и благородного мужчины». Пальцы скользнули по шраму вниз и оказались на губах. Чарльз невольно поцеловал их. Доктор почувствовала ласку и отдернула руку. Щеки её вспыхнули румянцем под пристальным взглядом Чарльза.

«Вспомните своего Шекспира, мистер англичанин: «Она меня за муки полюбила... Позвольте вас успокоить, господин раненый. Если вас плохо встретят женщины Альбиона, возвращайтесь к нам. Шведки оценят ваш мужественный вид».

«А нога?» Нога, действительно, очень беспокоила Чарльза.

«А что нога? Поймите, вам еще повезло, что её не пришлось ампутировать. Протез все равно бы не гнулся, а тут, хоть и негнущаяся, но все-таки своя. Уверяю вас, вы очень скоро научитесь управлять ею. Главное, заставьте себя отбросить костыли. И помните, мистер Смит: война пощадила вас. Она оставила вам жизнь, а миллионы погибли. Миллионы молодых и здоровых. Их уже нет. Поэтому не надо излишне жалеть себя». Теперь пришла очередь Чарльза покраснеть. Впервые в жизни его упрекали в слабости, да еще красивая молодая женщина. Умом он её понимал, но не мог думать о себе обособленно от Мэй. Его уродство касалось и её. Снова и снова Чарльз представлял себе картину

своего возвращения домой. Вот он видит жену и медленно поворачивается к ней.

«Нет, не может быть», — в ужасе кричит Мэй и отшатывается от него. А ведь она еще не знает, что он стоит перед ней на негнушейся ноге. Он представил себе её ужас при виде его ковыляющей походки. «Боже, только не это!»

Потом он видит себя и Мэй на приеме или в ресторане. Вот он неуклюже подтягивает свою ногу, тяжело опираясь на руку жены и стараясь не смотреть на лица людей со своей правой стороны. А рядом ангел, — потрясающая красавица в самом расцвете. Она делает вид, что счастлива, что безумно рада быть рядом с мужем, рядом с инвалидом, с этим калекой с бандитской рожей. Чарльз просыпался ночами и мешал соседям по палате своими тяжелыми вздохами, похожими на стоны. Он постоянно думал о том, как ему быть, что делать дальше.

Нет, это исключено: просто взять и заявиться домой, пугая всех своим уродством.. Он поступит умнее и сначала всё опробует на Генри. Старый друг не будет врать. Он скажет правду. Если уж и он испугается, тогда всему конец.. Нет, Генри выдержит. Он — железный. О чем он, собственно, думает? Может быть, его уже давно похоронили, а его внешность беспокоит. Сколько времени прошло. Кстати, а, сколько его прошло. Господи, почему он никак не может посчитать? Много, наверняка, очень много. Но причем тут время?»

Генри и Мэй такая замечательная пара. Они, действительно, подходят друг другу. И еще — дети. Их дети. Чарльз стонал в тоске и бессилии, проклиная себя за несправедливое отношение к жене и лучшему другу. Не лучшему, а единственному. «Зачем я так думаю о них? Кто дал мне право так думать о них?» Все, решено. Как только будет возможно, он прибудет в Ливерпуль и позвонит Генри, и они вместе, именно вместе, решат, как быть дальше».

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ

Автомобиль Генри подъезжал к усадьбе Смитов. Друзья молчали, словно все, что они накопили в своих душах за долгие годы разлуки, смогли выплеснуть в первые минуты встречи, в тех бессвязных восклицаниях и вопросах, которыми они лихорадочно обменялись. Теперь оба испытывали странную опустошенность и растерянность, хотя причина для этого у каждого была своя. Огромное напряжение, испытываемое Чарльзом, начиная с момента выхода из госпиталя, на протяжении всей поездки до Ливерпуля, сменилось огромной грустью и даже непонятной жалостью к самому себе, а также страхом перед встречей с Мэй и детьми. Страх этот налетел неожиданно в тот самый момент, когда он увидел знакомые очертания костела, находящегося всего в трех милях от его дома. От страха ладони стали влажными, все тело словно одеревенело. Вернулся, немного забытый за время лечения, ужас перед своей негнущейся ногой, которая теперь вновь казалась абсолютно чужой и уродливой.

«Помоги мне, Господи!» — неожиданно громко выдохнул он.

Генри, который переживал реакцию на шок, испытанный им в первое мгновение, когда он услышал в телефонной трубке дорогой голос пропавшего друга. Какая ирония судьбы! После того, как он преодолел самого себя и сделал Мэй предложение, перечеркивающее все надежды на возвращение Чарльза, и обрел призрачную веру в возможность счастья для себя — всё рухнуло. Любимая женщина, которую он, после той ни на миг незабываемой ночи, боготворил, ускользала от него, теперь уже навсегда. Поэтому Генри переживал одновременно и отчаяние из-за личного краха, и неподдельную радость от возвращения друга. Затем, еще больший шок от встречи и изуродованного лица Чарли, заставившего его забыть все слова и мысли, подготовленные по дороге в Ливерпуль. Словно во сне, он слушал Чарльза, отвечал, что-то спрашивал, не пытаясь, однако, все понять, во все вникнуть. Возглас Чарли вывел его из ступора, вернул в действительность. Стыд горячей волной удари-

ла в лицо. Генри впервые отчетливо понял, что чувствует его друг, какие сомнения терзают его душу, ощутил его волнение и страх, увидел, как нервно дергается изуродованная щека. Собственные переживания показали настолько мелкими и эгоистичными, что он невольно положил свою руку, затянутую в светло-коричневую крагу, на руку Чарльза.

«Ну, что ты, Чарли? Не нервничай. Тебя все ждут: и дети, и Мэй, все. Ждали всегда. Ждали каждый день». При этих словах Чарльз судорожно вздохнул, почти всхлипнул. А Генри продолжал: «Ты и представить себе не можешь, какой праздник воцарится сегодня в этом доме. Вот только боюсь, что время дня ты выбрал неудачное: мы сейчас приедем, а твоя жена — гуляет, а дети спят. Я ведь ничего им не сказал, как ты и просил. Для подобного возвращения надо получше время выбирать», — попытался он пошутить, но Чарльз шутку не поддержал. Автомобиль медленно повернул налево и въехал в первые, самые дальние ворота усадьбы.

«Добро пожаловать домой, дорогой Чарльз Смит. Попутешествовали и довольно... Семья — ждет, дорогой Одиссей».

«Остановись, пожалуйста», — неожиданно хриплым голосом попросил его Чарльз. Он был очень бледен, по всему телу пробежала нервная дрожь.

«Остановись. Я не могу... вот так... сразу. Пожалуй, я лучше сначала пройду. Извини, мне нужно прийти в себя. Я... я... боюсь».

«Не извиняйся. Я понимаю тебя», — Генри обнял друга за плечи. «Иди, погуляй. Я буду ждать в доме. Я никому ничего не скажу».

Чарльз наполовину вылез из машины, опираясь на левую ногу, потом осторожно приподнял и осторожно поставил на землю искалеченную правую. Взяв в руки трость, подаренную красавицей доктором, которая неожиданно приехала в порт проводить его, он зачем-то поднял воротник плаща и медленно пошел по внешней аллее. Его, и без того неуверенная походка, стала еще более напряженной и неловкой. Генри с грустной и растерянной улыбкой посмотрел ему вслед, вздохнул и медленно тронул машину.

Чарльз, не спеша, пересек парк и до боли знакомыми тропинками вышел на аллею, идущую вдоль озера. Он шел, опустив голову и не оглядываясь по сторонам.

«Я боюсь, что твоя жена сейчас гуляет», — вспомнил он вдруг слова Генри и испугано поднял голову. «А что, если она где-то рядом? Его лю-

бимая, бесценная Мэй». Сердце его оборвалось и полетело куда-то вниз, в бесконечность, потому что именно в этот момент вдалеке из-за поворота показалась женская фигурка, которую он не спутал бы ни с какой другой в целом свете. Это была она — его жена, его любовь, его жизнь. В панике Чарльз резко повернулся в противоположную сторону и заковылял прочь с предельно возможной для него скоростью. Но силы оставили его. Он начал задыхаться, сердце бешено колотилось в груди и в висках. Обессиленный он опустился на широкую скамью, которая появилась по распоряжению Мэй. Он сидел, окаменев, с ужасом прислушиваясь к шагам приближающейся женщины. Она неизбежно должна пройти мимо скамьи, на которой он сидел. Ей просто не куда было свернуть. Все! Вот и она!

Сегодняшний день не задался для Мэй с самого утра. Как бывало нередко, она проснулась с мыслью о Чарльзе, а это означало тяжелую ноющую боль в сердце на целый день и плохое настроение. К тому же, этот неожиданный звонок и еще более неожиданный отъезд Генри, который приехал накануне поздно вечером. Уже кончилась война, а от Чарльза или о нем ничего не было. Старший Смит и Генри подняли на ноги всех своих друзей и знакомых в МИДе и Военном министерстве, но безрезультатно. А это значит, что Чарльз отсутствуют уже более четырех лет.

Однажды она уже похоронила его. Мэй с внутренним содроганием вспоминала тот страшный день, когда пришло известие о гибели крейсера «Кресси». Были спасены люди из его команды, но не он. Через неделю уже не было никакой надежды, а потом это письмо, без обратного адреса. «Это было письмо с того света» Мэй оборвала свою мысль: «Как ты можешь так говорить? Это было послание небес, спасительная весть, вернувшая её к жизни. И вновь долгое безнадежное молчание, страшные новости с фронта, гибель нескольких тысяч британцев, и снова отчаяние, слезы и отчаяние. И вдруг, как удар: Чарльз в немецком плену. Он жив! Пусть лагерь, но он живой, и для того, чтобы вернуться к ней, ему нужно выдержать эти ужасные условия. Она верила — он сможет, он сильный. Она будет молиться за него и ждать. В первом письме он сам писал, что это её любовь спасла его. Это она может. Для неё это легко. Если любовь действительно спасает, он вернется, ведь она так любит его. Она написала ему письмо, её заверили, что «Красный крест» обязательно передаст его в лагерь для британских солдат и офицеров, где должен быть Чарльз. Однако, ни на это, ни на последующие письма ни-

кто не ответил. Надежда пропала совсем, — осталась боль и чувство несправедливости.

«Кто же она теперь: вдова не вдова, но и не жена. А кто? И дети растут. Её и Генри дети. Пока Чарльз был рядом, она совершенно искренне считала, что это их дети и даже находила, что каждый из близняшек чем-то похож на Чарльза. Но когда он так надолго исчез из её жизни, беспокойство все чаще охватывает её. Она видела, как Генри относится к мальчикам. Она понимала, что в нем просыпаются отцовские чувства и на пути этого пробуждения ничто и никто не стоял: ни Чарли, ни его семья, ни она. Да, она ничего не могла поделать. Генри имел все права быть рядом с мальчиками, хотя бы и изредка, даже, когда Чарльз был дома. А теперь.. Теперь, когда его нет... Мэй сказала себе это страшное слово «нет» и заплакала. Как всегда, а теперь она плакала часто, беззвучно. Слезы бежали по её щекам, а она даже не смахивала их. Как ужасно сознавать, что они приносили облегчение. Поплакав, Мэй обычно впадала в какое-то душевное оцепенение: острая боль проходила, сменившись стойкой невыразимой тоской и чувством бессилия, мысли о муже останавливались где-то за чертой её сознания, события обычной жизни, кроме жизни детей, лишь слегка касались её: «Проклятая война! Страшная и проклятая!» Мэй уже привыкла и не стеснялась, что в её мысли иногда попадали эти крепкие ругательные слова, которых раньше она просто не знала.

Подойдя к повороту на прямую аллею, ведущую к парадному входу в дом, Мэй подняла голову и увидела высокую мужскую фигуру, удаляющуюся от неё. Было видно, что незнакомец пытается идти быстро, но это не удается. Он неловко и резко выбрасывал вперед негнущуюся, правую ногу и неуклюже размахивал руками. Несмотря на все это, женщине показалось, что в фигуре мужчины есть что-то знакомое. Нет, нет, Она никогда не видела этого седовласого человека. Наблюдая за тем, как неловко он плюхнулся на скамью, тяжело дыша и держась за сердце, молодая хозяйка дома впервые с радостью одобрила свое распоряжение поставить на аллее скамьи. Вот одна из них и пригодилась этому очевидно очень больному человеку. «Наверное, он — одна из жертв войны? Скорее всего, да», — с печалью подумала Мэй и почувствовала к нему жалость и сострадание. «Может быть, и её Чарльз тоже изувечен войной и не может вернуться домой. Господи! Сделай, чтобы он был жив. Неважно, израненный, изуродованный, но живой. Сделай так, Господи! Спаси ему жизнь».

Теперь, уже с близкого расстояния она видела, что была права, — это был изуродованный войной человек. Обращенная к ней щека мужчины была обезображена страшным и еще свежим шрамом, начало которого терялась под прядью седых волос. Далее, страшный рубец пересекал лоб и переходил на щеку, оставив за собой надвое разбитую бровь и чудом уцелевший глаз с рассеченным веком. Заканчивался он где-то под подбородком, но Мэй из-за поднятого воротника военного плаща не видела, затронул ли он рот или прошел мимо. Мужчина сидел неподвижно, устремив взгляд прямо перед собой. Грудь его тяжело подымалась и опускалась, как после долгого и быстрого бега, а по изуродованной щеке прокатывалась судорога. Сердце женщины вновь сжалось от боли за этого совершенно незнакомого ей человека, который, казалось, даже не заметил её присутствия. Ей хотелось опуститься перед ним на колени, положить руку на его неестественно прямую ногу и утешить, облегчить его страдания словами благодарности и сочувствия. Мужчина, наконец-то, обратил на неё внимание. Во всяком случае, он медленно, словно следя за ней, повернул голову ей вслед. Проходя мимо, Мэй при ответственно склонила в поклоне голову, но не успела заметить его ответного кивка. Она даже не поняла, на неё ли устремлен его взгляд. Так и не поднимая опущенной головы, женщина прошла еще несколько метров, а потом, внезапно, повинуясь какому-то неосознанному, но непреодолимому импульсу, резко повернулась к скамье. Мужчина не успел ни повернуть, ни опустить голову. На скамье сидел Чарльз.

Точно во сне, не замечая, что, протянув к мужу руки, она падает на дорожку, Мэй четко, как в увеличительное стекло, рассмотрела его худое, постаревшее лицо, вернее, только его левую сторону, седые волосы и усы и, главное, она увидела, что по его щеке текут крупные слезы. Неотрывно глядя на удаляющуюся от него, не узнавшую его жену, Чарльз молча плакал, не в силах ни подняться со скамьи, ни окликнуть её.

*«Душа её дрогнула, как крылья бабочки
От дуновения ветерка, и
Замерла...
С застывших губ крик не слетел, —
Не выдохнешь...
Когда в израненном, измученном мужчине,
Она узнала часть себя —
Свою мужскую половину».*

Когда сознание вернулось к ней, Мэй обнаружила себя сидящей на скамье. Вернее, она не сидела, а полулежала на груди мужа, который крепко держал её за плечи. Он все еще плакал. Одна тяжелая и горячая слеза упала ей на щеку. Женщина резко приподнялась и обхватила ладонями голову мужа. «Не может быть, я обозналась... Неужели это он?» Она не верила своим глазам, она не верила в свое счастье.

«Чарли, дорогой, это правда? Чарли, ты вернулся? Ты никуда не уйдешь? Прошу тебя, не уходи! Я так долго ждала тебя. Когда ты вернулся? Как ты добрался? Это Генри привез тебя? А, понимаю. Это ты звонил утром».

Она засыпала его вопросами, осыпала его лицо поцелуями, не давая ему говорить, и не слушая его ответов. Их слезы смешивались и падали на воротник его плаща.

«Дорогой мой, любимый. Мой муж, мой Чарли. Как долго тебя не было! Ой, чего же мы медлим? Скорее идем в дом. Там же дети. Они так ждут тебя. Они так выросли. Ты не узнаешь их». Мэй вскочила на ноги и, обняв мужа за талию, помогла ему подняться.

«Не спеши, помаленьку, не надо торопиться. Теперь все позади, — ты дома. Война кончилась, и ты живой. Ты мой!» Она снова заплакала и вынуждена была остановиться, уткнувшись лицом мужу в грудь и обхватив его за шею руками. Он молча гладил её по волосам, с наслаждением вдыхая столь родной ему запах. «Он дома. Он обнимает свою Мэй. Все кончилось. Нет войны, нет взрывов и свиста осколков, нет белых стен лазарета. Все позади». Он вновь обрел свою половину. Он стал целым!»

«Пойдем», — Мэй взяла себя в руки, и они, обнявшись, медленно двинулись к дому. А навстречу им уже выбежали все, кто в этот час был в нем. Повара и няньки, управляющий и гувернантка, конюх и сторож. Впереди бежали два высоких темноволосых мальчика, одетые в одинаковые матроски. Позади всех из дома появился Генри. Мальчики подбежали совсем близко, и вдруг разом остановились, удивленно и настороженно вглядываясь в лицо незнакомого седовласого мужчины с негнущейся ногой. Он совсем не походил на их всегда веселого и молодого отца.

«Билли, Сэм, ну что же вы? Это же ваш папа. Не бойтесь, мальчики. Он немного изменился, ведь была война. Папу ранило. Ну, скорее подойдите, обнимите и поцелуйте его».

Чарльз, немного отвернул в сторону от сыновей изуродованную половину лица, одновременно стараясь придать другой половине веселый и радостный вид.

«Ну, малыши-карандаши, кто первым обнимет папу? — неожиданно грубым, даже для себя, голосом позвал он мальчиков. «Сэм, Билли! Ваш адмирал прибыл. Свистать всех наверх!» Глядя на мальчиков, Чарльз с ужасом осознал, что не может понять, кто из них кто: где Билли, где Сэм. Поэтому он обращался к ним, направляя свой взгляд куда-то между ними. Через мгновение, прижимая к себе их худощавые детские тела, он с трудом сдерживал рыдания.

«Что, морячки, не узнали своего адмирала. Пиратские пули и ядра немного изменили мою внешность. Видите, какой у меня большущий шрам. Не бойся, Сэм, или ты — Билли. Все равно. Потрогай его. Не бойся, не бойся, мне не больно. Мы взяли пиратский корабль на abordаж и рубились, рубились с ними, пока не победили. И вот я дома. А как у нас на борту? Порядок?»

«Да, сэр, полный порядок», — разом ответили мальчуганы, все еще не уверенные, что этот седой мужчина со страшным шрамом, пропахший крепким табачным запахом, их отец. Деликатно стоящие невдалеке обитатели дома, с удивлением и жалостью всматривались в лицо своего хозяина, не решаясь подойти ближе.

«Друзья, ну что же вы? Подойдите, поздоровайтесь. Дайте мне вас всех обнять, дорогие вы мои. Как мне не хватало вас всех».

Окруженный людьми, Чарльз с высоты своего роста заметил, как, стоящий около дома, Генри вздохнул и направился к своей машине. Запустив двигатель, он медленно развернулся и двинулся к воротам.

«Алло, Генри! Ты это куда? А ну, стой! Остановите его! Генри, стой!» Стой, прошу тебя!»

Молодой повар и конюх побежали за автомобилем. За ними пропустили Билл и Сэм.

«Сэр Генри! Стойте! Вас папа зовет! Сэр Генри!»

Около самих ворот машина замедлила ход и остановилась, Все напряженно, в каком-то оцепенении смотрели на неё. Радостные возгласы и приветствия смолкли. Повисла тишина. Звук открываемой двери авто прозвучал неожиданно резко и громко, как выстрел. Генри вышел из машины и в нерешительности остановился возле неё, всем своим видом показывая недоумение всеобщим вниманием к нему. Все оставались на местах, и только Чарльз, тяжело прихрамывая, шел к машине.

«Ты что это надумал, Генри? Ты куда направился? Ты что же хотел покинуть нас в такой день?»

Друзья стояли, напряженно глядя друг другу в глаза. Наконец, Генри не выдержал: «Извини, я подумал, что ты захочешь побыть наедине с семьей. Вам так много надо сказать друг другу, так много рассказать. Извини».

«Да, я хочу побыть с семьей. С семьей наедине. Но разве ты не член моей семьи, ты — Генри?»

«Прости, друг. Конечно... Я... Вы — моя семья... Вы все. Прости. Но я не могу... я должен. Пойми меня, Чарли, пойми и прости... И объясни жене. Я уверен — она поймет. Я не должен мешать вам».

«Что значит мешать? Когда ты мешал нам?»

«Нет, Чарльз, это — совсем другое. Это — очень серьезно. Я должен оставить вас одних... ради, ради вот этих мальчишек. Их отец вернулся и помощь друга им больше не нужна. А постоянно мелькать рядом — никому пользы от этого не будет. Ты пойми, мы были друзьями, ими мы и останемся... но это другое. Муж и жена — это части андрогина, ты помнишь? Никакая третья часть не предусмотрена. Она — лишняя. Дай мне уехать, друг. Вам, действительно, нужно побыть одним. А потом я приеду... все будет, как прежде. Мы будем дружить... втроем... Детство кончилось, кончилась и юность. Мы взрослые, очень взрослые люди, Чарли. У нас взрослая жизнь. И в ней у тебя семья... твоя семья. У неё есть друзья, очень верные и преданные, но семья это: ты, Мэй и два ваших сына. Это только твоя семья, и она ждет тебя».

«Я, кажется, понимаю тебя, Генри. Понимаю, но не согласен. Однако я должен считаться с твоим мнением. Нам будет не хватать тебя... и мне, и Мэй. Не пропадай надолго. Поезжай, друг. Я скажу им, что у тебя

назначены переговоры в Министерстве. Но сначала обещай мне, что скоро будешь у нас».

«Обещаю. Пока, Чарльз! Наслаждайся своим счастьем. Ты заслужил его».

Генри повернулся к стоящим невдалеке и заметил подходящую Мэй, и продолжил, как ни в чем не бывало: «Так, вот я и говорю, Чарли. Уходя на войну, ты просил меня присмотреть за твоей семьёй. Мне кажется, что я выполнил свое обещание, так же, как и ты выполнил свое: вернуться домой. А это значит, мы все выполнили то, что обещали: ты вернуться, я — быть рядом, Мэй... » Генри обнял друзей за плечи. Мэй напряженно ждала, что он скажет.

«Мэй — ждать тебя. Теперь мы все свободны от обещаний, и каждый должен заниматься своим делом».

Когда он закончил, в глазах женщины вспыхнуло понимание. Она улыбнулась ему и благодарно сжала своей рукой его кисть, лежащую у неё на плече.

«А теперь мне пора. Извините, мадам Смит. Чарли вам все объяснить. До встречи друзья».

Генри помахал всем собравшимся на прощание, потом рывком нырнул в машину и резко тронул её с места. Мэй обняла мужа за талию и прижалась к нему всем телом. На глазах у неё были слезы: «Он как всегда поступил как настоящий мужчина и друг. Он все, все понимает».

«Да, как друг и мужчина», — повторил за ней Чарльз. «Одного боюсь, что приедет он не скоро. Однако нас ждут. Идем в дом».

А потом было чудо! Горячий душ, великолепный обед, на который были приглашены все обитатели дома. А главное, рядом нежно прижавшаяся к нему Мэй, притихшие и все еще удивленные сыновья, такие большие и такие родные. А, напротив, в кресле — отец. Очень постаревший и похудевший, но счастливый не менее, чем Мэй. Он сидел с сигарой в одной руке и бокалом в другой и, улыбаясь, смотрел на сына. Смотрел неотрывно, ловя каждое движение, словно не верил в реальность происходящего. «Господи! Как хорошо, как уютно. Какое счастье!» Да, это было долгожданное и выстраданное счастье. Гораздо более полное, и осязаемое, чем раньше.

И все же где-то глубоко внутри Чарльз чувствовал огромную усталость и опустошенность. Ему еще предстояло вернуть себе жажду жизни и веру в людей. Надежда была только на Любовь.

*«На радугу карабкался жучок
Коровка божия,
Понянь стараясь
Откуда вдруг она взялась.
Концами упершись в края Земли,
Она взметнулась в Небо.
Салютом из семи цветов
Мгновенно расцвела.
И тем вниманье привлекла
Букашки малой.
Ну, а в тебе, о, Человек!
Что может пробудить она?
Какие чувства и слова?
В твоей ожесточившейся душе?
Ответь, пожалуйста.
Мне важно это знать!»*

КОНЕЦ 1-й ЧАСТИ

БОРЬБА ЗА СЧАСТЬЕ

Вечер был хорош, но все присутствующие вели себя через-чур сдержанно, боясь неловким вопросом пробудить в Чарльзе ненужные воспоминания. Пожалуй, только близнецы быстро освоились и без боязни и смущения дергали отца за рукав короткой вязаной куртки, в которой он любил бывать дома.

«Пап, а, пап. У корабля пушки большие? Покажи, какие у них дула. Ого-го!» — вскрикивал очередной малыш, когда отец, раскинув и округлив руки, пытался показать калибр корабельных орудий.

«Потерпи немного. Приду в себя, и поедем на наш завод. Там увидишь орудия «живьем», — обещал он сыновьям.

«Пап, а тебе страшно было, когда ты упал в воду? Ты хорошо плаваешь, а, пап?»

«Ты знаешь», — Чарльз немного запнулся, совершенно не узнавая, какой из сыновей задал вопрос. «Страшно не было. Я не успел испугаться. А вот холодно было очень. Даже слишком холодно — вода была ледяная».

Сыновья ушли спать первыми. Потом ушел отец. Пожелав Чарльзу и Мэй спокойной ночи, он не удержался, еще раз обнял сына и ткнулся лицом в его плечо.

«Пойдем, дорогой. Тебе тоже пора спать. Хочешь, я посижу около тебя? Может тебе почитать что-нибудь?»

«Как спать?» — с трудом вставая, удивился Чарльз, — «как спать? Ты не хочешь, чтобы я пришел к тебе в наш час?»

«Конечно же, милый. Я очень этого хочу». Мэй обняла мужа за талию: «Пойдем, я провожу тебя до твоей спальни. А потом ты придешь ко мне в наш с тобой час».

В первые месяцы после женитьбы Чарльз частенько с нетерпением ждал этого «их» часа, постоянно поглядывая на часы. Боже мой, как медленно тянулось время. Теперь была очередь Мэй. Она взволнованно ходила по спальне, нервно поглядывая на часы. Минутная стрелка

словно замерзла на циферблате. От волнения она время от времени садилась в кресло, но тут же вскакивала и начинала снова быстро ходить, почти бегать по комнате.

«Боже, как тянется время. Еще целых десять минут. Наконец-то, без пяти. Одиннадцать!» Часы тихо и мелодично пробили двадцать три часа.

«Ну, где же он? Я почему-то очень боюсь. Сама не знаю чего, но боюсь. Около пяти лет мы не были вместе. Уже десять минут двенадцатого. Где же он? Пятнадцать! Может быть, ему плохо?»

Мэй решительно встает и идет к двери. В коридоре темно и тихо. Вот и дверь в спальню Чарльза. Задержавшись на мгновение, женщина осторожно постучала в дверь. Прислушалась. Не услышав ответа, осторожно приоткрывает дверь и прошмыгивает в комнату. В ней полутемно. Когда ее глаза привыкли к полумраку, она увидела мужа, сидящего в кресле, в углу спальни. Он сидел неподвижно. Мэй показалось, что он Чарльз не заметил её.

«Чарли, дорогой, что случилось? Тебе плохо?» — женщина бросилась к мужу и опустилась перед ним на колени: «Что с тобой, мой хороший? Тебе плохо? Не бойся. Я с тобой, я рядом. С тобой больше ничего не случится».

«Мэй! Моя любимая, Мэй. Мне действительно плохо. Я боюсь... Я боюсь идти к тебе... я все забыл. Я боюсь, что я совсем чужой тебе. Чужой, изуродованный мужчина... Мне кажется, что я опять в бараке... что я воняю бараком. Этот ужасный запах! Господи! Я пугаю тебя, пугаю детей».

«Чарли, как ты можешь? Ты не имеешь никакого права так говорить... Не только говорить... ты даже не имеешь права так думать. Мы все тебя так долго ждали: отец, дети, Генри... Я не просто ждала и верила. Я жила этой надеждой и верой. Как ты можешь так говорить? Ты — мой муж. Ты — единственный, кого я знаю и люблю как мужа. Для меня нет других мужчин. Есть только ты, и ты мой, мой, мой!» Мэй иступленно покрывала поцелуями изуродованное лицо Чарльза: «Ты думаешь, что меня может напугать твой шрам или твоя негнущаяся нога? Как это может быть?»

Это — часть тебя, а я люблю тебя всего, люблю любого».

«Да, да... и я люблю тебя. Нет, это не просто любовь. Я боготворю тебя. Каждую твою черточку, твои глаза, губы, волосы... я люблю тебя...»

Но я так давно не был с женщиной... »- Чарльз замялся и поправился: «не был с тобой. Я не знаю, могу ли я еще любить тебя так, как ты того заслуживаешь».

«Глупый, глупый, мой милый Чарли. Боже, какие же вы, мужчины неисправимые, какие непонятливые... Да разве я ждала мужчину... Нет, вам не понять... Я ждала тебя, своего мужа, которого люблю до боли в сердце. Люблю так, что кружится голова. И не от желания секса. От желания видеть тебя, касаться тебя руками, целовать твои руки, твои виски и твои губы. Это не секс. Это — любовь!»

«Но существует еще и плотская любовь. Она была и у нас, — и это было восхитительно. Я и сейчас хочу тебя, хочу всю..., но боюсь».

«Не бойся, родной! Вставай, иди со мной. Подожди, не надо плакать. Не плачь, не рви мне сердце! Дай я осушу твои слезы», — рыдая, Мэй покрывала лицо мужа поцелуями: «Пойдем. Иди со мной. Вот хорошо, вот так. Закрой глаза. Не думай ни о чем, и не бойся. Я с тобой. Я рядом. Я укрою и согрею тебя. Вот так, вот так, еще... я твоя, я твоя Мэй».

* * *

Время летело незаметно. Со стороны казалось, что Чарльз отходил от пережитого, оттаивал. Он много времени проводил с сыновьями, постепенно приспособив свое тело к новым условиям перемещения. Он даже играл с детьми в футбол. Вернее, он становился между двумя деревьями, как в футбольные ворота и отбивал удары. Ему, на удивление, ловко удавалось падать под мяч, особенно на левую сторону. Мячи, летевшие справа от него, доставляли ему большие трудности. Мальчишки заметили это и старались посылать мячи слева от отца. Но и он заметил их хитрость:

«Эй, эй, ну-ка бросьте жалеть меня. Зачем подыгрываете? Это нечестно. Давайте-ка, бейте справа. Я вам не ребенок. Я научусь».

И припробовался. Немного смешно вытягивал прямую ногу вперед или, наоборот, назад и ловко падал на бок.

«Знаете, пацаны, мне повезло, что у меня толчковая нога — левая. Поэтому я и могу прыгать. Ну-ка, давай еще в эту сторону. Сэм, не стой. Возьми второй мяч. Так мне будет еще труднее. Не стесняйтесь, погоняйте отца как следует».

Мэй усаживалась неподалеку и с радостью наблюдала за красным от возбуждения и напряжения лицом мужа, видя, что он действительно получает физическое наслаждение от возни с мячом. Иногда «мужчины» вовлекали в игру и ее. Играли двое на двое на маленькие ворота, которые обозначали скинутой одеждой. Мэй всегда играла за «папу».

«Мам, только чур «не коваться», а то всегда по ногам бьешь». Мэй с хохотом бегала от одного сына к другому, которые довольно технично обрабатывали и пасовали мяч. Их веселила та серьезность, с которой она пыталась ударить по мячу, но чаще всего мазала, смешно махая ногой по воздуху.

«Ой, осторожнее, ноги переломашь, мазила. А сами подбирались к воротам родителей. Но не зря Чарльз считался отличным спортсменом в университете. Он искусно выбирал момент, выбрасывался вперед, перехватывал мяч, проталкивал его между мальчишками и большими нелепыми скачками гнал мяч к их воротам, все время крича: «Мэй, Мэй за мной. Давай не отставай. За мной». У ворот он тормозил, останавливал мяч, и предоставлял право забить гол жене. Мэй со всего ходу была мимо ворот с одного метра. Тогда он хватал ее в охапку и бросался на мягкую шелковистую траву, хохоча во все горло от восторга. Сверху на них валялись сыновья, и все четверо катались по поляне от смеха. Потом лежали, обессилившие, но очень довольные собой и счастливые.

Вроде бы, все налаживалось. И все-таки, Мэй своим тонким женским чутьем замечала, что Чарльз заставляет себя радоваться и веселиться ради детей и, особенно, ради нее. Она видела, как сильно изменился ее муж. Как сильно он страдает физически и нравственно. Война, плен оставили шрамы не только на его теле, но и в душе. Иногда его поведение, реакция на что-либо заставляли ее врасплох. Это был совершенно другой, и, главное, незнакомый ей мужчина. Она не могла спокойно видеть, как жадно и много он ест. Иногда, забывшись, он обхватывал тарелку рукой, словно боялся, что кто-нибудь выхватит ее. Или начинал вымакивать хлебом соус с ее дна.

«Чарльз, дорогой», — не глядя на его «занятые» руки, спрашивала она мужа: «тебе понравилось? Хочешь еще? А вы, дети?» Ее глаза невольно наполнялись слезами, когда она видела, как он «приходил в себя», отдергивал от тарелки руки и оставлял в ней хлеб. Он словно «выныривал» из того страшного и черного мира в этот солнечный мир, наполненный ее любовью. Оба понимали все.

«Нет, нет, Мэй, спасибо, я сыт. Совершенно, просто невероятно сыт. А вот сигара мне не мешает, вместе с бокалом виски. Пойдем, моя милая, на веранду, покурим».

Мэй постоянно напрягалась, видя, как гримаса раздражения искажает его лицо, когда неуклюжая нога мешала ему что-нибудь делать. Однажды, в воскресенье Чарльз ушел на реку рыбачить. Это занятие, как ей казалось, все больше нравилось ему: «Хочет побыть наедине. Наверное, там он часто был в одиночестве. Пусть посидит над водой. Подумает» Китайка Мэй с детства хорошо знала целительную энергию вольно скользящей воды. Но не было ни разу, чтобы муж не позвал ее с собой. Вот и на этот раз, уходя, он сказал, что будет ждать ее у реки.

«Слушай, захвати котелок. Если повезет, прямо на берегу сварим уху по-голландски. Меня научили. Все остальное, что нужно, я возьму с собой. А ты захвати еще ложки. Это, чтобы не ходила порожняком», — поцеловал он ее в щечку.

Мэй закончила свои какие-то дела, положила в специальный «рыбный» котелок ложки, перец, хлеб, небольшую бутылочку виски с двумя рюмками вместо крышки, и, наслаждаясь прекрасной погодой, отправилась к реке. Пошла она не обычной, хорошо утоптанной дорожкой, а едва приметной узенькой тропинкой, которую обнаружила совсем недавно. Подойдя к обычному месту рыбалки своего мужа, она услышала его сердитое сопение, чертыханья и громкие всплески воды. Через листву прибрежных кустов женщина увидела, что Чарльз пытается что-то поднять из воды. Высокий и крутой берег не позволял ему отставить прямую ногу в сторону и перегнуться через здоровую. Когда он пытался присесть «пистолетиком», левая нога не выдерживала, подгибалась и вода заливалась в сапог правой ноги. Это взывало ярость Чарльза. Не выдержав, он грубо по-мужицки выругался, и ударил кулаком по воде. Наконец, он просто уселся в воду и начал что-то искать на дне. Мэй осторожно отступила, немного вернулась назад вышла на основную дорожку и направилась к мужу, нарочито громко распевая популярную солдатскую песню «Солдатушки, браво ребятушки, где же ваши жены?» Чарльз уже справился со своей проблемой и стоял на пригорке по пояс мокрый.

«Милый мой добытчик», — ласково пропела Мэй, выходя из кустов: «Ну, как улов? Похвастайся добычей. Ой! А ты что же весь мокрый? Ты что в воду упал или тебя русалка утащила? А может быть, ты рыбу, как у нас в Китае, штанами ловишь?» Мэй смеялась, хлопотала вокруг мужа,

делая вид, что не замечает его поддергивающего от гнева лица, слезы обиды в его потемневших глазах, закушенной до крови губы.

«Ну, чего ты стоишь? Вода же холодная. Давай быстро костер, и спиной к огню. Или, может быть, снимешь брюки, — быстрее обсохнешь», — она хорошо знала, что он ни за что не обнажит при свете свою обезображенную шрамами ногу. «Действительно, любимый, давай, снимай брюки. Не бойся, не бойся, я к тебе сейчас приставать не буду», — пыталась она все перевести в шутку. Чарльз, который уже успел развести огонь, только отрицательно помотал головой.

«Ну, хорошо. Разве мужчину переубедишь. Повернись этой, как вы моряки говорите, кормой к огню. Только не поджарься. Так, а где же рыба? Или ты ее только начал собой «подкармливать?»

«Вон там, под кустом. Только осторожно, сетку не упусти», — уже немного «отошел» Чарльз, — «она тяжелая. Там не только на уху, но и на вертеле есть что поджарить. Да, вот тут. Двумя руками держи. Пстой, я помогу».

«Не надо. Сама отлично справляюсь. Стой уж. Суши свою подмоченную репутацию».

И уха удалась, и виски оказались кстати. Чарльз, который после возвращения ел много, даже как-то жадно, «подъел», как он сам любил говорить, «юшку», старательно выловил кусочки картошки и рыбы и принялся бережно объедать с прута целую рыбину, зажаренную под лимоном на открытом огне. Супруги сидели спина к спине, удобно вытянув ноги.

«Нам бы такую речку в тот лагерь», — неожиданно произнес Чарльз. В его голосе было столько боли и тоски, что Мэй невольно вздрогнула.

«Что очень плохо было?» — впервые за все время она задала мужу вопрос о той, оставшейся где-то позади, жизни.

Чарльз глубоко вздохнул: «Плохо — это не то слово, дорогая моя Мэй. Плохо — это очень слабо сказано. Там было не плохо, там было ужасно. И даже не голод. Вернее, не просто голод. А голод постоянный и нескончаемый. Сперва думалось, что пройдет немного времени, и все кончится. И кончится голод, в том смысле, что к нему привыкнешь. Но время шло — и ничего не менялось, а если и менялось, то только в худшую сторону. Время шло, шло и, представляешь, стало казаться, что эти голодные спазмы в животе, эти тошнота и слабость будут навсегда. Никакой надежды. Это убивало, прежде всего. Поначалу тебя окружали живые, думающие люди, такие же, как ты, моряки и солдаты. А потом, и

очень скоро, за какие-нибудь три-четыре месяца — жадные, голодные, истерические существа. Какие-то тени прежних людей. Знаешь, мне иногда казалось, что они готовы убить тебя за кусок брюквы. Понимаешь?»

Мэй медленно покачала головой: «Наверное, этого ни понять, ни представить нельзя. Разве вправе люди так обращаться с себе подобными? И это представители цивилизованных стран».

«Да, Мэй. Я часто вспоминал тот наш спор о степени цивилизованности европейцев и о том, станут ли они убивать других, используя всю свою техническую мощь. Ты была намного правее меня. Впрочем, не только в этом. Для туземцев пленные — один из видов добычи. А эти гноят людей заживо, но, главное, убивают их морально. Извини, моя дорогая Мэй, но я не могу об этом не говорить: голод и эта барачная вонь. Они сводили нас с ума. Мне кажется, что я никогда не смогу отмыться. Она где-то внутри меня. Я пропитан ею. Что может быть страшнее, чем презрение к самому себе? Люди начинают презирать самих себя. Вот это по-настоящему страшно».

«И все-таки человек очень живуч. У него гибкая психика. Поверь мне, все пройдет. Ты забудешь о пережитом. Мы поможем тебе забыть. Ты сказал мне, что выжил в этом аду благодаря моей любви. А она с тобой всегда. Я люблю тебя и сделаю все, чтобы ты воскрес. Воскрес полностью. Дети любят тебя. Они помогут мне», — рыдания не дали Мэй договорить.

«Ну, вот видишь, ты опять плачешь. Я вновь заставляю тебя плакать, хотя я жизнь готов отдать, чтобы ты была счастлива».

«Я больше не буду плакать. И я буду счастливой. Я уже счастлива. День, когда ты вернулся — самый счастливый в моей жизни. Я обещаю тебе быть сильной и не плакать, хотя я точно не знаю, от чего я сейчас плачу. То ли из-за сострадания к тебе, то ли от счастья, что ты жив и что ты рядом. Чарли, мой Чарли, если бы ты мог почувствовать, как сильно я люблю тебя».

«Я могу, я знаю, потому что люблю тебя еще сильнее.

«Нет, я сильнее, я»...

* * *

Только через месяц Чарльз решил, что морально готов отправиться в Ливерпуль, в свою контору, а оттуда на завод. Все сотрудники Управ-

ления выстроились у входа в старинный особняк, приобретенный еще дедушкой Чарльза. Заранее предупрежденные клерки выглядели нарядно и даже празднично, особенно женщины, которым всегда нравился «молодой хозяин», как все за глаза называли Чарльза. Когда лимузин Смитов остановился у входа, и Чарльз довольно ловко «выпрыгнул» из машины, все закричали «ура», и, от избытка чувств, нарушая субординацию и порядок, окружили вернувшегося «с того света» хозяина. Отец специально замешкался, вылезая из машины, и теперь скромно стоял в стороне, наблюдая за сыном. Чарльз не скрывал, что растроган теплым приемом, целовал дамам ручки и подставленные щечки, а мужчинам крепко пожимал руки, а некоторых радостно хлопал по плечам. Несмотря на осведомленность людей о его тяжелых ранениях, было заметно, что ужасный шрам, разрезающий правое веко и щеку, шокировал многих. Особенно взволнованной выглядела Сьюзан, которая от имени всех преподнесла Чарльзу букет и сама поцеловала его в щеку. Нервная дрожь пальцев и наворачившиеся на глаза слезы выдали всю степень ее потрясения и неготовность увидеть следы ужасных ранений на лице бывшего красавца. Чарльз прочел все это в ее глазах, и спокойно обнял за плечи, прошептав на ухо: «Ничего, Сьюзи,..это не самое страшное. Могло быть гораздо хуже».

«Да, да, главное, что вы живы, сэр», — довольно громко согласилась она в ответ и сразу же отошла в сторону. Она плакала.

Аналогичная встреча состоялась и на заводе. Чарльз терпеливо выслушал все приветственные слова, никого не торопил, но попросил, минуя заводоуправление, направится прямо в цеха. Директор шел все время рядом, давая объяснения, показывая образцы новой продукции и нового оружия.

«Этот снаряд при попадании в минный катер противника разносит его буквально в щепки, можете себе представить, сэр?» — говорил он, любовно похлопывая по полированному боку огромной гильзы орудийного снаряда нового типа.

«Как не удивительно, кажется, могу себе представить», — с иронией ответил Чарльз, которого почему-то коробило это любование смертоносным оружием.

«Конечно же, сэр, разумеется. Извините, немного зарাপортовался. Кому же, как не вам, — фронтовикам знать это. Я помню, сэр, что вы приняли участие в двух крупных морских сражениях».

Чарльз успокоительно похлопал его по плечу и неожиданно спросил: «А не могли бы вы показать мне новые средства защиты кораблей и людского состава? У меня, знаете ли, было достаточно причин и времени подумать о необходимости лучшей защиты нашего флота. Многие производимые вещи, в том числе и нашей фирмой», — повернулся он к отцу, — «оказались слабоватыми или даже вообще не годились. Оказалось, что реальный бой очень значительно отличается от учебных стрельб по пустяшным мишеням. Если ты не будешь возражать, отец, я изложу Совету директоров свои предложения и по укреплению брони, увеличению ее вязкости, и по изменению ее профилей. В общем, по некоторому изменению нашей производственной программы, перенаправлению ее на большую защиту людей и усилению плавучести каждой боевой единицы».

«Конечно, конечно, Чарли. Буду очень рад и благодарен, если узнаю твои соображения раньше других».

«Да, разумеется, отец»,

Работа, новые требования, которые прошедшая война поставила перед военной промышленностью, в том числе и перед судостроением, на какое-то время увлекли Чарльза, и он надолго исчезал из дома. Но отец замечал и делился своими наблюдениями с Мэй, что энтузиазм Чарльза заметно угасал. Особенно странно он вел себя на заседаниях, когда рассматривались вопросы нового поражающего оружия. Он заметно нервничал, когда докладчики начинали со вкусом засыпать слушателей килограммами и тоннами взрывчатки, расписывали пробивную силу снарядов, проникающих сквозь броню и взрывающихся внутри корабельных сооружений. Нередко он вставал со своего места, движением руки предлагал продолжать сообщение, подходил к окну и смотрел куда-то вдаль, словно рисуя себе картину того, что творилось в корабельной башне или отсеке после такого взрыва. Поблагодарив замолкнувшего докладчика, он медленно возвращался на место, заметно волоча раненную ногу.

«Мне кажется, что он люто возненавидел войну и все, что с ней связано», — рассказал отец внимательно слушающей его Мэй. «Для него, видимо, невыносима сама мысль, что он участвует в производстве орудий убийства людей. Как ты думаешь, дочурка, может быть, нам больше заняться восстановлением торгового флота страны. Ты, наверное, знаешь, что мы потеряли около 70% наших торговых судов. Или наладим

параллельное производство яхт, прогулочных парусников, спортивных лодок? Пусть он займется ими, отдохнет от войны».

Выслушав предложение отца, Чарльза долго молчал, пристально глядя отцу прямо в глаза:

«Ну, что ж, отец, ты, кажется, правильно понял мои сомнения. Я, действительно, хотел бы забыть о войне и ее причандалах. Не буду скрывать, тяжело заглядывать в оружейное жерло и думать, что оно выпускает снарядище прямо в тебя. Вот только я не думаю, что мы легко найдем необходимые средства для расширения нашего дела, скажем, за счет торговых судов».

«Я понимаю, что ты имеешь в виду. Да, мы сейчас все в долгу у Штатов. Вот у меня и возникла мысль привлечь деньги, которые они у нас «нахапали». Думаю, тебе придется поехать туда. При всей их наглости и нахрапости они далеко не дураки, — все-таки большинство «пионеров» приехали в Штаты из Англии. Они понимают, что у нас помимо огромного опыта, есть обширнейшие рынки сбыта, что Британия все еще «владычица морей». Нужно найти подходящих партнеров, которые тоже ищут, куда бы им приложить свои капиталы. А такие фирмы есть. В начале 1915 года, когда начальники «вспомогательного патруля», — это была такая служба во время войны, — собирали все, что может держаться на воде, для организации противолодочной обороны нашего побережья, меня командировали в США. Там я получил множество предложений на поставку кораблей различного класса. Я выбрал деревянные торпедные катера. Попросил заменить торпеды на одну 57мм. пушку, и заказал 50 единиц. Потом у фирмы «ЭЛКА Электрик ботс кампани» заказал 500 штук увеличенного водоизмещения. Длина катеров 24 – 27 метров, водоизмещение 37 – 40 тонн, скорость 20 узлов. Вооружение: 76 мм. пушка и глубинные бомбы. Сейчас ты можешь встретить их под названием «Мотор лонч». Я пошлю телеграммы моим собеседникам на тех переговорах, и тебя встретят. Это первый вариант. Второй, естественно, господин Чанг, твой тесть. Его связи в деловом мире могут помочь найти инвесторов на Востоке, что означает, что Китай будет второй целью твоих деловых поездок».

«Мне бы хотелось начать их с Германии. Я должен найти человека, который спас мне жизнь. Боюсь, ему сейчас не лучше, чем мне было в лагере. В Германии почти голод и дикая безработица. Я должен ему помочь».

«Я понимаю твои чувства, хотя считаю, что боши получили то, чего добивались. Миллионы жизней, нищета в Европе — дорогая плата за их авантюризм».

«Не будем, отец, о политике. Мы все хороши. Нашли способ переделить мир, — путем мировой войны. Давай-ка поручим нашим финансистам прикинуть, сколько нам потребуется денег, чтобы начать проект».

«Это — само собой. Это — прежде всего. Но я хочу уже сейчас предложить тебе подумать о поездке вместе с Мэй. Ты не вправе оставлять ее одну».

«Браво, отец, браво! Прекрасная мысль! Давно пора показать ей мир. Уж кто-кто, а она это заслужила».

А сама Мэй в это время написала первые слова в толстую общую тетрадь, которую она купила для ведения деловых записей, но неожиданно для себя решила превратить в свой интимный дневник.

«Никогда не думала и не хотела вести дневник. Зачем писать то, что можно просто сказать нужному человеку. Наивная. Я полагала, что у меня никогда не будет никаких секретов от людей. И вот в моей жизни произошли события, которые все изменили. Они коснулись не меня. Я что? Я — простой, семейный человек. Вся моя жизнь принадлежит семье. Она вся на виду. В основном все произошло с Чарльзом. Вернее, произошло и происходит. Большую часть прошлых событий он нам рассказал, что-то, конечно, утаив, так как переживания, выпавшие на его долю, имеют одну очень личную сторону, о которой невозможно никому рассказать. Даже самому близкому человеку. А, может быть, ему-то в первую очередь. Но меня больше всего беспокоит то, что происходит с Чарли сейчас. Вроде бы, все нормально, — он весь в работе, а остающееся время уделяет целиком мне и детям. Но я вижу, я чувствую какую-то внутреннюю опасность, какую-то болезнь, которая точит его. Пока я не пойму, что именно происходит, и я не могу ни с кем это обсудить. А чтобы разобраться, мне придется записывать все события, все симптомы его болезни. Может быть, это поможет мне, а я, в свою очередь, помогу ему. Жаль, что так долго не появляется Генри. Чарли сказал, что он уехал по своим дипломатическим делам куда-то далеко и надолго. Жаль, мне так нужна его помощь».

А Генри, как обычно, появился внезапно, и сразу же внес в спокойно текущую жизнь струю бодрости и веселья. Было в нем что-то такое, что невольно заставляло всех улыбаться, глядя на него. От него всегда мож-

но было ожидать всего: шутки, розыгрыша, свежего анекдота. В любое время суток он готов был помчаться куда-нибудь, если его позвали друзья. И при всем этом Генри был логичен, рационален, осторожен и во многих вопросах очень практичен. Чарльз не просто доверял своему другу, но и любил обсуждать с ним сложные вопросы. Генри превращал обсуждение в развлечение с массой шуток и цитат, но всегда мог дать стоящий совет.

Вот и на этот раз, пока Мэй была занята решением детских вопросов, Чарльз пригласил друга пройтись по дорожкам парка, так как нуждался в его совете. Они вышли из дома и направились в ту сторону парка, которая реже всего посещалась. Генри понял, что разговор будет серьезным.

«Видишь ли, я столкнулся с одной странной проблемой, понять и объяснить которую я сам не могу. Я — сравнительно молод, относительно здоров, достаточно богат. Я чудом выжил в страшной бойне. Моя жена, может быть, самая прекрасная женщина на свете. У меня двое великолепных мальчишек... » Чарльз сказал и внезапно поправился: «Я рощу двух великолепных мальчишек».

Генри вскинул брови и удивленно взглянул на друга, но промолчал, увидев, что тот упрямо смотрит на дорожку. Слова Чарльза, а, главное, его поправка отозвалась в душе Генри неприятным холодком. Впервые с того тяжелого памятного вечера один из них троих коснулся самого большого вопроса в их жизни. Сам Генри даже наедине с собой запрещал себе думать о нем. И вот сейчас Чарльз нарушил табу. Видно, его проблема очень сложна. А друг его, между тем, продолжал:

«Кажется, что еще нужно человеку для счастья? Но я — несчастлив. Несчастлив потому, что я не могу дать своей жене всего, что она заслуживает. До войны я был слишком легкомыслен и самовлюблен. После войны я стал желчным, безрадостным человеком, мизантропом. Даже радости от моего возвращения мне хватило ненадолго. А каково, скажи, жить молодой, красивой во всех отношениях женщине, с занудой и брюзгой».

«На счет занудства я не знаю, но вот мизантропа принять не могу. Посуди сам, но трезво, если сможешь, после трех порций виски, какой из тебя мизантроп. Ты что, всех людей ненавидишь? Или ненавидишь выборочно? Тогда это — не мизантропия. Это — что-то другое. Но не будем заниматься определениями. Скажи-ка ты лучше, скажи мне, как другу,

что тебя мучит конкретно. Я никогда не поверю, что твоя супруга несчастлива с тобой. Достаточно взглянуть на нее, когда вы рядом. Но она, действительно, бывает грустной, потому что пытается понять, что происходит с тобой, что тебя мучит и как тебе помочь? Неужели ты переживаешь из-за человеческого несовершенства? Не слишком ли ты строг? И потом, зачем брать на себя роль судьбы? Роль чертовски неблагодарную».

«Хорошо сказал. Ты всегда умел смотреть в корень. А если я не беру на себя эту роль, а она откуда-то возникла во мне? Словно, я ее с ипритом вдохнул. И теперь сидит там внутри и брюзжит, и брюзжит. Боже, Генри, ты бы видел этих несчастных, глотнувших газа».

«А я и видел. Правда, не на поле боя, а в госпиталях. С обожженными легкими, с язвами на лицах и руках. Это тоже нелегко было видеть. Но сейчас не об этом, хотя я вижу, как у тебя это болит. Поверь мне, Чарли, не у тебя одного. И не только из-за них, но из-за тебя тоже. Я хотел бы посоветовать тебе, посмотреть на все, что случилось с тобой немного иначе».

«Что ты имеешь в виду?»

«Спроси себя, почему именно тебя высшие силы спасли от верной смерти? Чем ты это заслужил? И один ли ты? Может быть, чья-то любовь спасла тебя? Но главное, чем ты можешь отплатить эту милость? И богу, и тому, кто так любит тебя. Постарайся все свои чувства: негативные, а особенно, положительные, — связать с конкретными людьми. Помогии Мэй окончательно спасти тебя. Не «уходи» в свои переживания, делись с ней — она не только выдержит, но и поможет».

Жизнь в стране налаживалась. Мэй внимательно следила за всеми культурными мероприятиями, тщетно пытаясь выбрать самое интересное из них, от посещения которого Чарльз не смог бы отказаться, несмотря на всю свою стеснительность. Наконец ее выбор пал на футбольный матч между «Ливерпулем» и лондонским «Челси». Соперничество между ними было столь непримиримым, что каждая игра превращалась в национальное событие и собирала на стадион максимум зрителей. К удивлению и радости Мэй Чарльз легко согласился пойти на стадион, предложив, со своей стороны, прихватить за компанию Генри.

«Извини. Я еще не знаю, какой болельщик получится из тебя, а я не люблю кричать в одиночку. Мне подходящий партнер нужен, такой, как Генри, который, к тому же, болеет за «аристократов». Заметив удивленный взгляд жены, Чарльз снисходительно объяснил: «Так у нас изна-

чально называют «Челси». Вот мы и будем кричать по очереди, так что ты не соскучишься. О билетах не беспокойся, я успею восстановить мой абонемент в ложу для почетных гостей. Будет очень хорошо все видно. Напомни мне, пожалуйста, позвонить Генри, а то его трудно поймать на месте».

Встреча с Генри, как и всегда, была радостной — он никогда не выглядел усталым или унылым. Легкая, удивительно приветливая улыбка никогда не покидала его губ. Мэй давно заметила, что Генри необыкновенно быстро располагал к себе людей, и что его присутствие в любой компании создавало веселую, непринужденную обстановку. Собственно, такой же способностью прежде обладал и Чарльз, видимо, поэтому они и дружили, но сейчас он резко изменился, что было объяснимо. По дороге в Ливерпуль друзья обменивались шутливыми репликами, которые обычно в ходу между болельщиками команд-соперниц, и Мэй поняла, что скучать на стадионе ей действительно не придется. Сама игра не могла захватить её полностью, несмотря на то, что стадион нередко ревел от удовольствия. Смысл и цель игры она уже давно знала, но в этот раз её внимание целиком было занято поведением Чарльза. Мэй всем своим существом чувствовала его необыкновенное, а главное, необъяснимое напряжение. Внешне он был полностью отдан игре: вовремя кричал, толкал Генри локтем, обнимал Мэй за плечи и целовал её в щечку, но она замечала странное беспокойство, не покидающее его глаз. Он постоянно, стараясь делать это незаметно для неё, оглядывался по сторонам, словно боялся увидеть какое-то неприятное для него лицо, почему-то вздрагивал, когда рядом с ним с криком вскакивали на ноги болельщики, — почтенные с виду люди. Тесно прижавшаяся к мужу, женщина почувствовала, что внезапно его тело начало сотрясаться мелкой дрожью, а на лбу выступила испарина.

«Как ты себя чувствуешь, милый? С тобой все в порядке?» — тихо в самое его ухо прошептала она. Чарльз с деланным удивлением повернулся к ней и также шепотом ответил: «Все чудесно, дорогая. А как ты?» — «Спасибо, Чарли. Мне очень интересно».

Позже, уже во втором тайме, Мэй отметила для себя, что Генри тоже внезапно напрягся. Видимо, он, как и она, заметил, что с его другом что-то происходит. После очередного взрыва всеобщего энтузиазма, Чарльз заметно побледнел, казалось, что ему не хватает воздуха. Дрожь уже нескрываяемо сотрясала его тело.

«Чарли, не хочешь ли выйти?» — предложил Генри, который уже не мог делать вид, что все в порядке.

«Да, Чарли, пожалуйста, пойдем, выйдем. Я хочу немного пройтись и чего-нибудь выпить», поддержала его Мэй.

Все трое поднялись и, провожаемые удивленными взглядами соседей, вышли из ложи. Чарльз шел, с трудом переставляя ватные ноги. Мэй догадывалась, что все его большое тело наполнено противной тошнотворной слабостью. Она сама не раз испытывала её во время беременности. Но что с Чарли, чем вызвано его болезненное состояние? Все вместе они вышли из-под трибунного помещения на открытый воздух. Чарльз бессильно опустился на ближайшую большую скамью.

«Побудьте здесь, я сбегаю в бар. Может быть, ты что-нибудь выпьешь?» Чарли отрицательно покачал головой: «Если не трудно, принеси, пожалуйста, холодной воды».

«Что значит не трудно, конечно, трудно. Но для тебя я сделаю даже невозможное», — попытался сохранить шутливый тон Генри и убежал.

Мэй молча сидела рядом, держа его ладонь в своих. Ладонь мужа была прохладно-влажной и дрожала.

«Прости меня, Мэй», — прошептал Чарльз, удивив её редким обращением по имени. «Прости. Я сам не понимаю, что это со мной».

«Не извиняйся, пожалуйста, и помолчи. Попробуй дышать максимально глубоко, но без напряжения. Вдыхай и выдыхай плавно и ритмично».

Чарльз последовал её совету. Когда Генри появился с бутылкой воды и стаканом, лицо Чарльза чудесным образом изменилось. Вернулся румянец, обычный цвет появился на губах, до того бледно-синих, в глазах исчез лихорадочный блеск. Но главное, тело уже не сотрясала дрожь. Рука его почти не подрагивала, когда он с благодарностью принял от друга стакан с водой и принялся пить её маленькими и почему-то осторожными глотками. Все растерянно молчали.

«Ну, и что это все значит?» — наконец не выдержал Генри: «Ты дома часом ничего подозрительного не съел?»

«Я сам еще толком ничего не пойму, но мне кажется, что это все из-за людей... Их... так... много и они... так кричат... Мне стало казаться, что они окружают меня и постепенно приближаются все ближе и ближе. А потом мне перестало хватать воздуха. Понимаете, такое... удушье... даже сердце заколотилось... что-то вроде клаустрофобии...»

«Но я раньше ничего подобного за тобой не замечал. Я даже не догадывался, что тебе знакомо это слово», — уже совсем неуверенно попытался пошутить Генри.

«Так и я раньше за собой ничего подобного не замечал», — попытался подыграть ему Чарльз. «Наверное, старею».

«Глупый ты мой», — через слезы засмеялась Мэй, — «Это не старость. Это — наверное, проклятый лагерь сказывается...»

В это время над трибунами стадиона разнесся восторженный рев болельщиков.

«Вот. Испортил вам футбол, а ведь это наши забили, так что, Генри, с тебя бутылка виски».

«Бог с ним, с футболом», — продолжила Мэй: «Завтра же поедем к врачу. Думаю, невропатолог найдет и причину, и лекарство. А нет, — найдем древнекитайское средство. Поехали домой, мальчики».

«Извините, господа Смиты», — Генри продолжал шутить, но глаза его оставались беспокойными и грустными: «мне пора на поезд. Завтра я должен обязательно быть в Министерстве. Кстати, я не успел вам сказать, — мне хотят предложить новую должность. Я еще точно не знаю, какую, но не исключено, что она будет связана с работой за рубежом. Я вам сразу позвоню, как только все решится. Чарли, ты действительно в порядке или тебе нужна моя помощь?»

«Все — о'кей. Но мы не поедем домой. Переночуем в Ливерпуле. Мэй, конечно же, превосходно водит машину, но я предпочитаю водить сам, когда я в наличии. Так что утром помчимся».

«Но вас, сэр Генри, мы доведем до вокзала. Во сколько поезд? Кстати, в городе я вожу автомобиль гораздо аккуратнее и осторожнее, чем Чарли. Ему просторы нужны и расстояния. Едем».

* * *

Проводив Генри, они все-таки вернулись домой. Вечер прошел тихо и грустно. К счастью, сыновей не было дома, — они были нарасхват, и каждый викэнд проводили в гостях у кого-нибудь из многочисленных родственников. Мэй напоила мужа чаем из трав, стимулирующих работу сердца, и уложила в постель. Когда он уснул, что произошло на удивление быстро, она вернулась в свою комнату. Сон оставил её. Слезы набегали на глаза от одного только воспоминания происшедшего. Неверо-

ятное зрелище: бледный и дрожащий Чарльз, — стояло перед её глазами. Мэй достала дневник и, сидя на кровати, примастила его на ночную тумбочку. Однако, долго еще не могла собраться с мыслями. Наконец принялась записывать.

«Я только что пришла в себя после того, что вчера произошло на стадионе. Это был настоящий шок. Оказывается, Чарли не только был ранен и изуродован осколками, но он еще и болен. Сердце подсказывает мне, что он болен очень серьезно. Боязнь толпы, боязнь людей — это, наверное, серьезное поражение нервной системы. А нервы, психика — даже для медицины тайна за семью печатями. Я знаю, что в наших буддийских монастырях выработали приемы и способы воздействия на психику здоровых людей, но есть ли способы лечения больной психики? А что, если нет? Надо пойти к врачам, все выяснить, и попросить отца прислать мне старинные медицинские трактаты. Но как это сделать, чтобы он ни о чем не догадался? Вряд ли это возможно. Он все чувствует одновременно со мной. Боже, как я испугалась! Чарли был такой бледный и слабый. О, Господи, за что ты караешь нас? Прошу, научи меня, что мне нужно делать? Как мне помочь человеку, в котором вся моя жизнь? Даже Генри и тот не смог скрыть своего потрясения. Милый, милый мой Чарли! Я представляю, что творится в твоей душе. Пожалуйста, держись, мой любимый! Мы не дадим болезни одолеть тебя, после всего того, что ты уже перенес и преодолел. Боже, если ты подарил мне счастье такой любви, то, пожалуйста, дай мне силы и знания, как помочь тому, кого я люблю и кого Ты, Боже, выбрал мне в мужья. Не оставь меня в беде, О Боже!»

* * *

План Смита — старшего понемногу претворялся в жизнь. Экономисты компании разработали план строительства торговых судов различного типа и водоизмещения, рассчитали расходы и необходимые капиталовложения, и доложили о них на совещании директоров компании. Совет утвердил план.

Когда Чарльз и его отец рассказали Мэй о необходимых командировках, она с удивлением посмотрела на мужа, с трудом удержавшись от вопроса о его здоровье. Но еще больше было её удивление, когда тесть предложил ей сопровождать мужа в поездках.

«Это не будет просто путешествием. Фирма предлагает вам, мадам Смит, работу. У нас открылась вакансия помощника-секретаря Президента фирмы. Требования к кандидатам очень высокие: знание многих языков, включая китайский, элементарные познания о судостроении и экономике, знание нашей компании, хорошее здоровье и способность передвижения на различных видах транспорта, приятная внешность и, главное, совместимость с женщиной-руководителем», — с самым серьезным видом перечислял он. «Специальная комиссия кадрового управления рассмотрела множество вариантов и единогласно согласилась с моим предложением. Как не удивительно, самым убедительным оказался довод о полной совместимости характеров кандидата Мэй Смит и президента Смит», — тут тесть не выдержал и рассмеялся. «Зарплата достаточно высокая плюс оплата гостиниц и прочих командировочных расходов».

«Но дети. Как же дети?»

«Компания в лице её президента и вице-президента», — продолжал шутит отец: «рассмотрела и эту проблему и поручила деду детей обеспечить полную заботу о них. Не волнуйся, девочка. Нас так много вокруг мальчишек, что они даже не заметят вашего отсутствия. Да им просто нужно отдохнуть от вас. Мы найдем им интересные занятия, будь спокойна».

Мэй в растерянности повернулась к мужу. Чарльз с легкой, нежной улыбкой смотрел на неё и согласно кивал головой.

«Президент нуждается в вашей помощи, секретарь Мэй. Можно я буду называть вас по имени, мэм? Дорогая, я сделаю все, чтобы поездки были для тебя приятными, тем более что, после Штатов, мы отправимся в Китай».

Тут Мэй не выдержала. Всплеснув руками, она вопросительно посмотрела на тестя: «Это правда, сэр Смит? Чарльз не шутить надо мной?»

«Правда, моя девочка, абсолютная правда. Деловые планы нашей компании требуют помощи и участия твоего отца, сэра Чанга, в переговорах и выработке стратегии развития. Так что, совмещайте приятное с полезным».

ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ

Чарльз остался верен своему решению: первую поездку совершить в Германию. Во время плавания, уже на борту пассажирско-прогулочного пароходика, принадлежащего руководству компании, он много и подробно рассказывал жене о Рихарде Брауне, его прежней фирме «Вильгельм Браун и Карл Цоммер и, конечно, об их встречах и разговорах в лагере. Рассказы были такими живыми и красочными, что Мэй стало казаться, что и сама она хорошо и давно знает господина Брауна и сможет опознать его даже в большой толпе. В целом же, вояж прошел достаточно спокойно, если не считать постоянного, довольно холодного осеннего ветра и вызванной им ощутимой качки. Но Мэй, целиком сосредоточенной на состоянии мужа, было не до погоды. Она ловила каждый взгляд и жест Чарльза, стараясь при этом не быть назойливой и не вызывать у него раздражения. Ей казалось, что и сам он, после того случая на стадионе, внимательно прислушивается к себе, может быть, первый раз в жизни обеспокоенный своим здоровьем. Кроме того, все его мысли были заполнены ожиданием желанной для него встречи с Рихардом. Подробности, с которыми он рассказывал жене о нем, как раз и объяснялись подсознательным стремлением восстановить в памяти все детали их встреч и разговоров.

Город-порт Киль порастил их красивым заливом, который местные жители почему-то упорно называют Кильским фьордом, и судоверфьями. Чарльз, уже бывавший в этих местах, был более сдержан, но все-таки согласился с женой, которую порастил серо-синий цвет моря.

Еще больше их поразило восхищение, вызванное их яхтой-пароходом у немецких портовиков. Прибывшие на борт портовые служащие, не стесняясь, восторгались внутренней отделкой пассажирских салонов и служебных помещений. «Конечно, в старой Германии были подобные суда, но после войны их не осталось, а богатые гости еще редко заходят к нам. Все больше грузовики да танкеры».

«Простите, а что значит «старая Германия?» — немного прикидываюсь, уточнил Чарльз и с удовольствием выслушал объяснение, что речь идет о довоенной стране, которая «увы» разбита и уже не вернется. Признания бывших «военных противников» явно доставляли ему удовольствие, к удивлению Мэй, которая никогда раньше не замечала злорадства со стороны мужа в чей-нибудь адрес.

«Ну, ты что, как маленький?» — даже попеняла она ему. Ты же видишь, как они переживают»,

«Ничего, пусть имеют то, что заслужили».

После оформления своего пребывания в порту, Чарльз поинтересовался у служащих порта судьбой фирмы «Вильгельм Браун и Карл Цоммер».

«Конечно, уважаемый господин Смит. Эта фирма одна из самых крупных, но она сильно пострадала в результате войны. Господин Смит, видимо, хорошо знает, что «Браун и Цоммер» в последние предвоенные годы занимались в основном строительством военных кораблей. О, да! Перед войной это было очень доходным делом. Но после войны на подобные компании обрушились главные репрессии и всевозможные запреты победителей. Да, у фирмы очень большие проблемы, даже большие, чем у остальной страны».

Получив разъяснение, как ему найти управление компанией, Чарльз, несмотря на обуревавшее его нетерпение, решил оставить поиск Рихарда на следующий день, а вечер посвятить жене. То есть, показать ей город и дать ей возможность проверить знание немецкого языка. Первым делом они отправились в Старый город и осмотрели великолепный своей старинной архитектурой дворец, городскую ратушу и оперный театр. Даже бывавший в довоенном Киле, Чарльз был удивлен, узнав, что город был построен на берегу Кильского залива аж в 1242 году. На Старом рынке они подробно осмотрели снаружи и внутри церковь Святого Николая, однако на службе не остались, так как до неё нужно было ждать около часа. По совету сотрудников порта Чарльз предложил жене поехать на набережную Гинденбургфюфер.

«Я уверен тебе там понравится: и вид хороший, и можно угоститься местным пивом со шпротами».

«Шпроты? Что такое шпроты?»

«Ты их пробовала наверняка. Просто забыла. Это маленькая такая рыбка, по-моему, килька, только специально приготовленная. Сначала

она коптится, а потом уже консервируется в прованском масле. Получается очень вкусно. А здесь это не просто достопримечательность, но и местная гордость, — она была здесь изобретена».

«А... что-то я припоминаю. На каком-то приеме были такие маленькие сэндвичи с этой рыбкой. Я с удовольствием попробую и даже с пивом. Не лишать же тебя компании. Я уже знаю, что пиво в одиночку не пьют. Это дурной вкус. Но только ты мне признайся, ты не очень устал?»

«Ну, что ты. Я абсолютно свеженький»,

«Честно?»

«Честное слово британского моряка».

Утром следующего дня, даже довольно рано, на такси они добрались до управления фирмы «Браун и Цоммер», которое оказалось практически рядом с верфями и управлением крупнейшей судостроительной компании Кила «Ховальдтсверке». Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что деловая жизнь на верфях, отнюдь, не бурлила.

«Да, привычной беготни не видно. Значит, дела у фирм, действительно, идут плохо. Правильно мы с тобой сделали, что приехали сюда. Бог даст, найдем и поможем Рихарду».

«Главное, чтобы найти его живым и здоровым».

«Ну, особенно здоровым после его ранений мы его найти не сможем, лишь бы был жив».

Чарльз не скрывал своего волнения. Он нервничал, потому что Рихард тоже не видел его шрама и негнущейся ноги. Он вообще ничего не знал о последнем ранении Чарльза. Но не только это взбудоражило его. Сплошная немецкая речь пробудили и обострили воспоминания, в которых не было абсолютно ничего положительного. В Чарльзе непроизвольно, неконтролируемо проснулись инстинкты человека, долгое время проведенного в плену. Еще вчера Мэй заметила, как Чарльз вздрогнул и резко остановился, услышав на улице чей-то громкий крик «Халът». Поэтому она не очень-то согласилась с мужем, подтвердившим правильность их приезда в Германию

Уставший и очень болезненный заместитель управляющего внимательно выслушал гостей и соболезнующе раскинул руки: «Мне очень жаль госпожа и господин Смит, но господин Рихард Браун сейчас не в Киле. Последнее время он живет в Берлине, так как того требуют дела компании. Что касается его здоровья, то он практически здоров и бодр,

насколько позволяют наши немецкие обстоятельства. Простите, господин Смит, я не очень хорошо расслышал название вашей фирмы. А, вы приехали в частном порядке. Это сейчас у нас редко случается, чтобы кто-нибудь приехал в Германию как гость. Что? Адрес господина Брауна в Берлине. Конечно же».

Нажатием кнопки управляющий вызвал секретаршу и попросил её тотчас же подготовить для уважаемых господ адрес господина Рихарда Брауна в Берлине с подробным объяснением, как легче его найти. Да, и телефон тоже. Господи, я совсем забыл, мы же можем попытаться дозвониться до него по телефону».

«Пожалуй, не стоит. Хочу сделать сюрприз, но за номер телефона спасибо».

«Не стоит благодарности, господа. Напротив, это я от лица компании благодарю вас за визит и надеюсь видеть вас вновь, может быть и по совместным делам. Всего наилучшего, господа».

«А ведь он не узнал меня», — с нескрываемым огорчением произнес Чарльз уже на улице. «Он был на переговорах, которые я вел с Рихардом и его отцом здесь до войны. Правда, тогда я не был в управлении, но верфи их я осмотрел. Впрочем, только то, что они захотели мне показать. Тогда уже появилось много секретов между Великобританией и Германией. Не узнал. Значит, здорово меня все это изменило».

«А он что, не изменился? Я уверена, что и ты с трудом узнал его. Я не знаю, каким он был, но сейчас он выглядит ужасно, совершенно больным и сломленным человеком».

«Знаешь, ты права. Я его больше по фамилии на дверной табличке вспомнил. Потом уже по внешности, а, скорее всего, по речи. Он так интересно строит предложения, как в романах. Да, потрепала жизнь человека. Ну, что ж, милая моя женушка, как говорят здесь: «Дранг нах Берлин. Только давай сначала найдем нашего консула, если, конечно, консульство уже восстановили».

«Зачем нам консульство, дорогой? Оно может нам чем-нибудь помочь?»

«Еще как, если захочет».

Чарльз, говоря это, как в воду смотрел. Консул оказался веселым молодым человеком, которого красота Мэй буквально ошеломила. Он даже не пытался скрыть от Чарльза своих восторженных взглядов, которые он бросал на его жену. Желая угодить столь «дорогим и неожи-

данным» гостям, консул «сел» на телефон и сам лично принялся обзывать своих многочисленных друзей и коллег. После получаса непонятных слов, намеков, восклицаний и почти постоянного хохота и шуток, он радостно обратился к гостям, коротавшим время за кофе с откуда-то взявшимся армянским коньяком: «Поздравляю вас, господа! Вам повезло. Через час в Берлин отправится почтовый самолет одного моего знакомого. Если вы не боитесь полета, то уже сегодня вы будете в Берлине. Правда, самолет не очень комфортабельный, но несколько пассажирских мест там есть. Решайте, господа».

Хотя консул обращал все сказанное Чарльзу, сам он не сводил глаз с Мэй, возможно, надеясь, что она откажется и продлит свое пребывание в консульстве. Но Мэй, заметив немой вопрос мужа, сразу же решила: «Лично я готова. Когда еще появится возможность полетать на самолете? Но решать тебе, дорогой».

«А ты действительно не боишься? Самолет — это не пароход. Он в воздухе и очень высоко».

«Кто бы мог подумать, что самолет летает в воздухе», да еще высоко», — отшутилась Мэй, которая чувствовала себя немного неуютно под пылкими взглядами молодого дипломата. «Решай ты, Чарли».

«Что ж, пожалуй, мы рискнем. Времени у нас не так уж много, чтобы его не беречь. Благодарю вас, господин консул. Надеюсь, когда-нибудь, где-нибудь в нашей доброй старой Англии я сумею отблагодарить вас по-настоящему. Да, вот еще что. Вот возьмите, пожалуйста, номер телефона господина Брауна. Рихарда Брауна. Это тот человек, которого я должен найти в Берлине. Так, на всякий случай».

Уже на обратном пути домой Мэй воспользовалась коротенькой отлучкой мужа и описала в своем дневнике все, что она почувствовала в этом дребезжащем, постоянно болтающемся из стороны в сторону, и падающим, в какие-то воздушные ямы, самолете. В такие мгновения она тихохонько вскрикивала тонюсеньким детским голоском и сжимала руку Чарльза, которую ни на секунду не выпускала из своих вспотевших от страха ладошек. Её немного тошнило от сильного запаха авиационного бензина, переполнявшего большой полупустой салон самолета. Молодая стюардесса постоянно интересовалась у немногочисленных пассажиров все ли с ними в порядке и не нужно ли им чего-нибудь.

«Спроси её, пожалуйста, Чарли, нельзя ли выйти минут на пять на свежий воздух, а потом зайти опять?» — у Мэй хватало еще сил шутить.

Чарльз молча поправлял теплый плед, в который закутал жену, и периодически доставал для неё из дорожной сумки бутылку с минеральной водой.

Но самым неприятным оказались посадки и взлеты. Особенно, посадки для заправки баков горючим. При снижении самолета у Мэй закладывало уши, и что-то довольно неприятно давило на барабанные перепонки. Шум моторов при этом стихал, и даже голос Чарльза доносился откуда-то издалека.

«Если тебе заложило уши, делай, пожалуйста, глотательные и зевательные движения», — с видом знатока советовал он ей.

«Как это — зевательные?»

«Ну, притворяйся, что ты очень хочешь спать и зеваешь. Вот так, молодец. Умница. Дай-ка, я тебя поцелую за это», — и крепко целовал её в губы.

«Да, вот еще что нужно отметить», — записала Мэй. Чарльза неприятно злило, что мужчины не сводят с меня глаз. Даже не понятно, война что ли, на них подействовала? Ну, к этому мы — люди привыкшие, а вот ревность Чарли мне была очень даже приятна. Раньше я за ним такого не замечала. В чем причина: то ли я похорошела, то ли он стареет. Шутка. Но все равно приятно. Все, кажется. Долетели мы совсем незаметно: я даже проспала посадку в Берлине. Да и уши не покалывало. А вообще море впечатлений. Как-нибудь распишу все подробнее».

* * *

Чарльз со смехом растормошил спящую жену, помог ей накинуть легкий плащ и спустится по крутой алюминиевой лесенке на землю. Прощально помахав рукой стюардессе, наблюдавшей за высадкой пассажиров, он крепко обнял жену за талию и направился к небольшому зданию, выполнявшему роль аэровокзала. Поскольку пассажирская авиация еще только зарождалась, первые авиакомпании, подобные «Дойче ЛюфтРеедерай», услугами которой воспользовались супруги Смит, использовали бывшие военные самолеты, военные же аэродромы и аэродромные сооружения. Тем не менее, прибытие почтового самолета ожидало несколько человек, видимо заранее знавших о времени прилета. Смиты спокойно протиснулись между встречающих, сгрудившихся в узком коридоре, и вышли в небольшой зал. Чарльз внимательно оглядел

ся и направился к какому-то окошку с табличкой над ним. Заглянув в окно, он подтолкнул поближе жену и зашептал ей на ухо: «Спроси, пожалуйста, где можно найти такси или взять машину на прокат».

Мэй задала вопрос и, получив ответ, который Чарльз не слышал, объяснила мужу: «Такси можно найти на площадке перед зданием. Что же до аренды, то лучше всего посоветует таксист, если мы его найдем. Давай поспешим, а то желающих, хоть отбавляй».

Выйдя на улицу, пара остановилась, чтобы оглядеться. На противоположной стороне площадки стояло несколько автомобилей различных марок.

«Вот там, может быть, и найдем такси», — сказал Чарльз, и направился было к машинам.

«Простите, господин Смит. Мне кажется, вам нужен автомобиль?» — услышали вдруг супруги и оба, не сговариваясь, резко обернулись. Около стены они увидели высокого мужчину с газетой в руках. Чарльз внимательно всматривался в знакомое лицо, не веря своим глазам. «Рихард? Рихард Браун?» — наконец-то выдавил он из себя. «Как вы здесь ока... Вы ждете кого-то, херр Рихард?»

Мужчина отделился от стены, и тут и Мэй узнала его, настолько точно Чарльз описал ей своего спасителя.

«Жду, причем очень долго жду, и причем, именно вас, Чарльз, хотя, признаюсь, с этой стороны вас узнать нелегко. А вот вашу красавицу жену я узнал сразу же, как только вы ступили на трап. Здравствуйте, мой дорогой друг. Рад видеть вас живым».

Пока мужчины обнимались, хлопали друг друга по спинам и плечам, что говорили друг другу, каждый на своем языке, что, видимо, совершенно им не мешало, Мэй внимательно разглядывала лицо Брауна. Наконец, мужчины вспомнили, что они не одни и повернулись к даме.

«Дорогой друг, позвольте представить вам мою Мэй, естественно, Мэй Смит, а в девичестве Мэй Чанг. Мэй, познакомся, пожалуйста, Рихард Браун, а все остальное ты уже знаешь».

«Я бесконечно счастлива, херр Браун, познакомиться с вами лично, потому что я получаю возможность поблагодарить вас за то, что вы сделали для Чарльза, а, значит, для всей нашей семьи и особенно для меня. Вы, наверное, понимаете, что я не могу подобрать достаточно сильных и достаточно точных слов, чтобы эту нашу общую благодарность выра-

зять. Спасибо вам, херр Браун», — на чистейшем «Хох Дойч» произнесла Мэй свою маленькую, но давно заготовленную речь.

«Боже, какое прекрасное произношение. Я слышу язык Гете. Не стоит благодарности, мадам. Я поступил так, как на моем месте поступил бы любой порядочный человек. Даже самая чудовищная война не может отменить порядочность, не так ли, Чарльз? Но я позволю себе вопрос, что привело вас в Германию, в Берлин?»

«Нет, позвольте. Я хочу первым задать вам вопрос: «Каким образом, вы оказались здесь и именно в это время? Это просто чудо какое-то».

«Никакого чуда нет. Вернее, оно было сегодня утром. Мне вдруг позвонил английский консул из Киля и сказал, что меня разыскивает некто Чарльз Смит, который будет на берлинском аэродроме примерно в такое-то время. И вот я здесь».

«Вот вам сила женской красоты в действии. Знаете, Рихард, этот консул помог нам с самолетом, позвонил вам и все это ради Мэй».

«Совсем нет. Не слушайте его, херр Браун. Просто консул очень воспитанный человек и готов помочь любому своему соотечественнику. А ты, Чарли, пожалуйста, не заставляй меня краснеть».

«О-кей, О-кей, извини. Я просто хотел правдиво объяснить, как все произошло. Но давайте, к делу. Прежде всего, Рихард, нам нужна машина, что бы перебраться в какое-нибудь более подходящее место, чем это. А потом... впрочем, потом и будет потом».

«Никаких проблем с машиной нет. Вон стоит и ждет нас мой «Бенц». Прощу вас господа».

Когда все заняли свои места, Браун повернулся к Чарльзу, который сел рядом со своей женой на заднее сидение: «Куда бы вы хотели, господа?»

«Я думаю было бы правильно сначала заехать в хороший отель. Разместиться, а потом поехать в хороший ресторан, где можно вкусно поесть и спокойно поговорить. Ты не возражаешь, дорогая?»

«Нет, все правильно. Хотя ты, дорогой, забыл, что было бы хорошо пригласить в нашу компанию фрау Браун».

«Ах, да. Какой я не догадливый».

«Итак, подведем итог: хороший отель я знаю, ресторан тоже, кстати, приглашаю я, а что касается фрау Браун, то она осталась в Киле с детьми. Моему младшему сыну всего лишь год».

«Поздравляем вас, херр Браун», — воскликнула Мэй, которая никогда не могла сдерживать искренней радости, когда речь шла о детях.

«Спасибо, мадам. Ну, так что едем?»

«Мы в ваших руках, Рихард», — подтвердил Чарльз.

Ужин закончился. Чарльз и Рихард закурили сигары, не забывая следить за своевременным наполнением своих стаканов и бокала Мэй. Разговор давно уже превратился в воспоминания, которые переполняли мужчин и были бесконечно интересны даме.

«Так, значит, вы все-таки попали под этот обстрел неизвестным самолетом. Когда я утром прочел сообщение об этом в газете, у меня, признаюсь, екнуло сердечко. Думаю, не дай бог Вам попасть под бомбу. Я же видел, что вас устроили на палубе. Все-таки задело».

«Да, задело», — как-то спокойно согласился Чарльз, словно речь шла не о нем. «Хорошо, что санитары заметили в темноте, что я ранен. Если бы пролежал в темноте до утра, то... Вот, все-таки приметы сбываются. Нельзя притворяться или сказываться больным, что-нибудь да произойдет. Маскировался под раненого, вот и накликал беду.. И хорошо еще, что мы плыли в Швецию. У них было все: и лекарства, и еда, и чистый воздух».

«И как долго вы пробьли там?»

«Почти полгода. Я ведь сначала очень долго лежал без сознания. А потом лицо зажило довольно быстро, а вот с ногой пришлось помучиться. Повезло, что врачи были хорошие и очень внимательные».

«Почти полгода», — задумчиво повторил Браун: «и все это время вы, мадам, ничего не знали о муже. Ни что с ним, ни, где он?»

«Да, вы правы, господин Браун. Это было самое тяжелое время для нашей семьи. Неизвестность — самое тяжелое испытание из всех».

«Признаюсь, в этом виноват один только я», — вмешался в разговор Чарльз. Мне почему-то хотелось сообщить о себе только после того, как выяснится вопрос с моей ногой».

«Другими словами, Чарльз боялся, что ногу придется ампутировать, и если бы это произошло, еще неизвестно, какое решение мой муж бы принял».

«Вы, действительно, не смогли бы вернуться домой, если бы стали инвалидом?»

«Вам я отвечу. Я слишком многим обязан вам, чтобы кривить перед вами душой. Я не знаю. Честное слово, не знаю. Дело не в инвалидности, — я, по существу, и сейчас инвалид. Но совсем лишиться ноги...»

«Вот, опять», — в голосе Мэй прозвучали слезы: «опять этот мужской эгоизм. Почему вы думаете только о себе? Неужели телесный ущерб перечеркивает всю предыдущую жизнь, убивает любовь?»

«Дорогая моя, в такие моменты говорит не эгоизм, а именно любовь к ближним. Иногда мнимая смерть лучше больного присутствия. И вообще, не обижайтесь, но для вас это все теория, а для человека, столкнувшегося с такой бедой, это ... это», — Чарльз запнулся, подбирая подходящее слово.

«Простите, что перебиваю вас, но я, скорее, готов согласиться с мнением вашей жены, чем с вашим. У нас в Германии в таких случаях говорят: «была бы голова цела». Но я предлагаю забыть о том, что уже полностью в прошлом. Давайте выпьем за встречу, за мое знакомство с мадам Смит и за то, что вы, наконец-то, расскажите мне, что привело вас в Германию».

«Мы приехали к вам, мой друг», — ответил на вопрос Чарльз, после того, как все выпили за встречу. «Мы хотим узнать, как вы, ваша семья, как ваш бизнес, и что мы можем сделать для вас?»

Рихард откинулся на спинку мягкого диванчика, и некоторое время молчал, закрыв глаза. Но о чувствах, кипевших у него в груди, его выдавал нервный тик правого века. Супругам Смит показалось, что он с трудом сдерживает слезы. Чарльз наклонился над столом и положил свою руку на руку немца. Рихард открыл глаза, но еще некоторое время не мог вымолвить ни слова. Наконец, он овладел собой: «Видимо, люди еще не придумали таких слов, которые нужно говорить в подобной ситуации. Я безмерно тронут вашим поступком. Я...», — он снова потерял дар речи.

«Теперь вы понимаете меня, когда я тоже не мог выразить вам свою благодарность тогда..., там..., в лагере, когда вы предложили мне бежать».

«Да, но между нами большая разница: вы попали в беду из-за войны, до которой вам не было дела, а мы все в Германии попали в беду из-за войны, которую сами же и развязали».

Мэй слушала мужчин с глазами полными слез.

«Если быть абсолютно честными перед собой, то мы, Рихард, оба готовили войну. Наши фирмы производили оружие, которое рано или поздно должно было начать стрелять. Сейчас, как мне кажется, время многое менять. Нам в Киле рассказали о проблемах вашей компании, и

я готов от имени своей фирмы предложить вам сотрудничество в деле, не связанном с оружием. И вам и нам нужно восстанавливать торговый флот. Почему бы нам вместе не заняться этим? Как вы относитесь к такому предложению?»

«Скажите сначала, Чарльз, вы выбрали мою фирму из чувства благодарности ко мне? Вы считаете себя должником?»

«Я бы не стал употреблять таких слов, Рихард. Конечно, не буду лукавить, мой выбор продиктован именно моей благодарностью вам. Но не только. Ваш поступок — доказательство вашей огромной честности и порядочности, а что еще нужно в будущем деловом партнере, как не такие черты?»

«В этом я согласен с вами, хотя не преувеличивайте моих заслуг. Но вы должны четко себе представлять, в каком ужасном положении находится большинство немецких компаний».

«Этим мы займемся немного позже, в Киле. Сейчас мне нужно ваше принципиальное согласие». После Германии мы планируем побывать в Штатах, Сингапуре, Гонконге и Китае в поисках свободных денег, а также заказчиков. Поскольку, в случае успеха, дело может быть масштабным, нам нужны будут партнеры, уже имеющие материальную базу, квалифицированную рабочую силу и опыт в судостроении. Согласитесь, этот опыт за год не приобретешь».

«Спасибо, Чарльз, я уверен, что правление нашей компании с благодарностью примет ваше предложение. Мы в очень тяжелом положении: версальские документы надолго запретили Германии иметь армию и военный флот, поэтому сотрудничество с вами будет спасительным для тысяч наших рабочих. При этом, я говорю это без ложного стеснения, вы получите очень дешевую рабочую силу».

«Я, вернее, мы с Мэй искренне рады, что вы принимаете предложение о сотрудничестве, не так ли, Мэй?»

«Поверьте мне, херр Браун, что я лично рада этому больше своего мужа, потому что я не получаю дивидендов и бонусов, поэтому моя радость лишена коммерческого интереса. Она чисто человеческая», — попыталась скрыть шуткой свою взволнованность Мэй.

«Это не совсем так», — смеясь, поправил жену Чарльз: «госпожа Смит забыла, что с недавнего времени она является личным секретарем-помощником Президента компании, и поэтому на неё распространяются все премии и награды».

«Какие еще у вас дела в Берлине? Я попытаюсь быть вам полезным».

«Собственно, мы приехали в Германию исключительно ради встречи с вами, но я не могу уехать из Берлина, не побывав в..., там... Вы понимаете?»

«Вы хотите посетить ипподром, я правильно вас понял?»

«Да, совершенно верно, ипподром».

«Вы уверены, что это необходимо сделать? Простите меня».

«Я пыталась отговорить Чарльза от этого посещения, но он непреклонен. Я же уверена, что это будут лишние нервы и слишком много отрицательных эмоций».

«Вы, возможно, не поверите мне, но я ни разу не был там с того самого дня, когда за мной в последний раз закрылись ворота. Я не хочу вспоминать того, что меня заставил делать приказ военного времени, выполнение которого является обязательным».

«А я не прощу себе, если не увижу вновь место, где я провел самые страшные дни, даже годы моей жизни».

«Хорошо, я отвезу вас туда. Какое время вы предпочитаете?»

«Девять утра будет нормально. Мы не можем терять времени. Нам нужно завтра же добраться до Киля, там нас ждет наш пароходик. Но за нами еще обед. А за ужин большое спасибо. Одно только плохо — опять вы меня кормили».

«Да, херр Браун, ужин был очень хорош. Спасибо. Я впервые попробовала настоящую немецкую кухню. Английская и китайская кухни за нами».

«Вообще-то, мы, немцы, не очень большие гурманы. Пища у нас довольно простая. Нам, главное, чтобы её было много. Особенно сейчас. Теперь о Киле. Я сегодня же свяжусь с моими друзьями, может быть, мне, как и британскому консулу, удастся найти для вас самолет. Это не очень удобный вид транспорта, но экономит массу времени. Если вы, не против, конечно?»

«Что вы, конечно же, нет. Спасибо вам заранее за ваши хлопоты».

* * *

«Наконец-то, у меня появилось время описать все, что произошло в Германии, после встречи с Брауном. Я с волнением ждала следующего

дня, понимая, что он будет эмоционально тяжелым, но я и представить себе не могла насколько. Еще в ресторане за ужином меня насторожило, что и Чарли и Браун ни разу не произнесли слова «лагерь». Они упорно говорили: «там», «это место» и тому подобное. Было ясно, что в слове «лагерь» для них обоих кроится что-то крайне неприятное. Я поняла это только позже. Ипподром, в котором был устроен лагерь специально для английских военнопленных, находится недалеко от города. Когда мы подъехали на расстояние, с которого я могла уже рассмотреть забор из колючей проволоки и ряд барачных корпусов, Чарли сдавленным голосом тихонько, то есть, только для меня, прошептал: «Вот по этой дороге нас колонной гнали от самого вокзала пешком. Я это хорошо запомнил».

Я все время следила за ним, боясь нервного срыва. Он был не просто напряжен. Во-первых, он и сам провел бессонную ночь, и мне не дал уснуть. Его мучили кошмары. Прошлое полностью завладело его мыслями. Я тоже пролежала до утра без сна, и теперь я не в самой лучшей форме. Внешний вид Рихарда — красноречив. Видимо, и ему не спалось.

Остановив автомобиль возле караульной будки, в которой когда-то находилась охрана, мы все направились к металлическим воротам, чтобы проверить, открыты они или нет. Ворота оказались не заперты, что довольно странно для пунктуальных и дисциплинированных немцев. Если существуют ворота или двери, они должны быть закрыты при отсутствии людей. Как бы там ни было, это обстоятельство обрадовало мужчин, но произошло нечто неожиданное. Господин Браун вдруг заявил, что он дальше не пойдет, так как прекрасно помнит каждый камень, каждую выбоину на территории своего бывшего «хозяйства».

«Увольте меня, пожалуйста, господин Смит, от этой экскурсии. Я еще с грехом пополам могу понять ваше желание посетить место своих страданий, но я-то что буду там делать? Не гидом же вашим мне быть? Или комментатором? Простите, я думаю, вам лучше побыть там одному».

«Нет, нет», — я заволновалась: «я пойду с тобой, Чарли. Ты не можешь мне это запретить».

«Хорошо, пойдем вместе. Только заранее извини меня, если я буду много молчать».

Ворота со скрипом поддались на наши совместные усилия и приоткрылись. Ранее существовавший шлагбаум отсутствовал. Рихард позже

объяснил, что все дерево, кроме крыш конюшен, растащили на дрова. Мы с Чарли протиснулись в щель и медленно пошли по вымощенной дорожке по направлению к плацу. На Чарли лучше было не смотреть. Лицо побагровело, на виске билась синяя жилка. Шрам, словно бы разбух и налился кровью. Я в тысячный раз пожалела, что не сумела отговорить его от этого визита в страшное прошлое. Ему было очень тяжело, что сказало даже на его походке. Плечи его обвисли, и весь он как-то сгорбился. Браун, оставшийся за воротами, вероятно, увидел все это, не выдержал и, махнув рукой, вернулся в машину.

Выйдя на плац, Чарльз остановился и огляделся. «Вон там была комендатура, там кухня, там туалеты, с другой стороны в низком бараке была баня и прачечная, вон в тех бараках содержали простых солдат и сержантов. А вот то здание было выделено для офицеров», — неожиданно низким и хрипловатым голосом пояснил Чарли, сопровождая слова движением руки.

«А на этом плацу мы делали утреннюю зарядку. Иногда нас собирали сюда для различных объявлений и распоряжений господина коменданта лагеря. В том числе для объявления наказания провинившимся». Чарли снова замолчал, теперь уже надолго, и медленно побрел в сторону столовой. Мне казалось, что он намеревается обойти весь лагерь, заново переживая все, что произошло с ним в том или другом месте лагеря... Все. Я не могу больше писать, — я должна перевести дух».

Мэй даже не подозревала, насколько правильной была её догадка. Чарльз заново видел картинки своей лагерной жизни, причем самые неприятные, самые болезненные. Вот здесь, за углом солдатского барака он прятался от коменданта Брауна, который громким противным голосом требовал от своих помощников, чтобы они объяснили «... «этим английским свиньям»...». А вон там у дверей пищевого склада он увидел, как немецкий солдат-охранник замахнулся на пленного прикладом винтовки, и ударил бы его прямо по голове, если бы не увидел его, Чарльза.

Дверь солдатского барака тоже оказалась открытой, и они вошли внутрь. Чарльз вспомнил, как в темноте налетел на майора-артиллери-ста, и как впервые вдохнул запах плена.

Когда их глаза привыкли к темноте, Мэй с ужасом увидела огромное количество нар, которые в царившем полумраке и в отсутствии соломенных матрасов напоминали норы, вырытые отшельниками в склонах холмов рядом с монастырями. Доски пола прогнили настолько, что мес-

тами провалились и своими торчащими концами представляли серьезную угрозу для проходящих мимо. Но больше всего Мэй поразил запах, застоявшегося воздуха. Казалось бы, людей давно нет, солому вывезли, откуда тогда эта вонь? Только теперь Мэй поняла, почему Чарльз говорил о ней с такой брезгливостью. Действительно, ею пропитались все стены, пол и потолок. Все здание источало её.

«Боже правый, сколько же человек жили здесь?»

«Столько, что даже пройти к своему месту было трудно. А ведь мы стоим в дверях. Представляешь, чем дышали те, чье место оказалось в дальнем углу?»

Они продолжили свой скорбный обход. Теперь уже молчала и Мэй. А Чарльз продолжал просматривать свой ужасный фильм. Вот там он стоял и наблюдал, как их полковник, который никогда не расставался со своим стэкком, подцепил им огрызок яблока, выброшенный кем-то из немцев, воровато оглянулся, и, почти не обтирая, положил в рот. Потом еще раз оглянулся и довольно громко пробурчал для кого-то: «Никакого порядка, кругом всяческие отбросы... а еще немцы». Чарльз вспомнил, как он сам, увидев это, бессильно, опираясь спиной о стену сооружения, съехал и уселся прямо на землю. Он не мог ни идти дальше, ни стоять. Перед ним было лицо полковника, который каждое утро безжалостно скреб свои щеки давно уже затупившейся бритвой, требовал, чтобы все без исключения, делали утренние физические упражнения, и постоянно повторял: «Им не удастся нас сломить. Мы были, есть и останемся людьми, потому что мы — британцы». Чарльз долго не мог подняться с земли, впервые отчетливо осознав, во что медленно, но неизбежно превращает их всех лагерное животное существование.

Наступил черед офицерского барака. Он ничем не впечатлил Мэй, а Чарльз попросту не узнал своего многолетнего жилья. Барак был абсолютно пуст: ни кроватей, ни тумбочек. Только в дальнем углу чудом уцелел полу сломанный табурет.

«Как можно описать то, что я увидела? Голые стены, пропитанные неистребимым запахом сотен людей. Как нормальному человеку представить себе солдатский барак, переполненный грязными, голодными мужчинами, потерявшими всяческую надежду, когда-нибудь выйти отсюда. На что это могло походить? На нашу китайскую джонку, настолько заполненную крестьянами ближайших деревень, что её края чуть не черпали грязную речную воду. Я несколько раз видела, как в неё наби-

ваются люди до тех пор, пока вошедшие первыми не начинают кричать, что они уже задыхаются без воздуха. Наверное, что-то подобное. Но у них была надежда быстро-быстро добраться до противоположного берега и выйти на свежий воздух. Здесь же люди томились годами. Господи, годами... О чем они размышляли все это время, о чем мечтали? О еде или о свободе? А, может быть, о родных и близких? Я пыталась понять это, глядя на Чарли. Но он словно окаменел. И что-то мучительно вспоминал, часто морщась от внутренней боли, когда воспоминания приходили. Как я буду теперь выводить его из этого оцепенения, как я отогрею эту застывшую от пережитого горя глыбу. Потом я видела длинное корыто, из которого до войны поили лошадей, а в лагере пленные мыли в нем ноги, если была вода. А кое-кто тут же стирал портянки и обмотки.

Уже по пути к выходу, Чарльз вдруг остановился около колючей проволоки и стал смотреть на прилегающее к лагерю поле. Я, ничего не понимая, стояла рядом и смотрела в ту же сторону. Наконец, спросила: «Что случилось? Куда ты смотришь?»

«Ты, знаешь, Мэй. Я часто и подолгу стоял здесь и смотрел в поле, ожидая, что оттуда придет свобода. Я не знаю, почему я решил, что она придет именно с этой стороны. Вот и сейчас я пытался понять это, и не смог. Я ведь так и не увидел, откуда она пришла».

Весь обратный путь мы молчали. Я держала Чарли за руку, и понимала, что ему не до разговоров. Рихард молчал из деликатности. Вообще, весь его облик и манера поведения выдавали в нем человека очень воспитанного и образованного. Я внутренне радовалась, что у нас в Германии будет именно такой деловой партнер.

Когда мы вернулись в город и по «Флорештрассе» направились в центр, Браун, наконец-то, нарушил тишину, спросив не хотим ли мы осмотреть центр города и его лучшие места. Чарльз молча кивнул, поймав мой взгляд, а я была рада предложению, хотя понимала, что ему не до экскурсий.

По дороге Рихард остановился около какой-то компании, чтобы выяснить насчет самолета, а мы остались около автомобиля, прохаживаясь по тротуару и рассматривая пешеходов. Везде была образцовая чистота, дома подкрашены, окна блестели свежее помытыми стеклами. Но сами люди выглядели не просто озабоченными, а несколько даже напуганными и болезненными.

Этот их вид вызывал какое-то двойственное чувство. С одной стороны, их было жаль, а, с другой, этот народ был признан виновником страшной трагедии и, главное, виновником использования самых бесчеловечных методов борьбы, как будто война может быть человеческой. Рихард вернулся быстро, и сообщил, что он договорился насчет самолета, который вылетает завтра рано утром. «Вы все равно раньше этого самолета не будете в Киле», — словно извиняясь, объяснил он и неожиданно добавил: «Если вы не против, я лечу вместе с вами, чтобы самому лично познакомиться с нашей компанией и ее возможностями в свете вашего предложения о сотрудничестве».

Новость эта очень обрадовала Чарльза, — он даже на время вынырнул из задумчивости, в которой все время пребывал.

О городе и обеде, который плавно перешел в ужин, потому что мои «кавалеры», извинившись, начали подробно обсуждать деловые вопросы, и расставаться не хотели, писать не хочется. Лагерь, который сначала не произвел на меня очень уж страшного впечатления, теперь почему-то, время от времени, вставал у меня перед глазами, словно заставляя меня оценить его более правильно. Увиденное давило на меня, портило настроение. Это не ускользнуло от внимания мужчин, и они прервали свою деловую беседу и начали наперебой развлекать меня. Не хочу писать и о новом воздушном приключении. Рихард утверждал, что второй раз лететь страшнее, чем в первый, а мне отнюдь не было страшно, но зато было очень неприятно. Из-за каких-то воздушных потоков и даже воздушных ям наш воздухоплавательный аппарат бросало из стороны в сторону, резко поднимало вверх, чтобы потом стремительно обрушить на несколько метров вниз. От всей этой болтанки сердце замирало, начинало биться учащенно, к горлу подкатывала тошнота. Моя борьба с плохим состоянием закончилась тем, что я, не обращая внимания на других пассажиров, уютно устроилась на груди Чарльза, обняла его и благополучно уснула. Проснулась, опять таки, на земле. Потом было два дня переговоров и знакомства с верфью, то есть занятия не для описания в дневнике.

Позади трогательное прощание с семейством Браунов и возвращение по довольно беспокойному морю в Ливерпуль. Запомнился мне только один разговор с Чарльзом. Он сам неожиданно начал его. Неожиданно, потому что он заговорил о лагере.

«Я много раз слышал от других, что нужно крайне осторожно подходить к посещению мест, связанных с какими-то значительными событиями в твоей жизни в прошлом. Как правило, они разочаровывают. По твоей реакции я понял, что ты ожидала увидеть нечто более ужасающее. Честно говоря, я и сам ожидал чего-то другого. Довольно пустынное место с конюшнями и бараками на нем. Ну, что тут страшного. Я был удивлен, но потом понял, что не стены и заборы угнетали нас, пленных. Я уже как-то говорил тебе, что угнетала скученность и бытовые условия. Но по настоящему давило на психику сознание своей беспомощности что-либо изменить. Это бессилие умножалось на время. Ты, моя дорогая, провела в лагере около часа, даже меньше, но к вечеру у тебя резко испортилось настроение. А попробуй представить себе, что ты провела в одном и том же месте, подобном этому, в одном и том же бараке несколько лет, как говорят, безвылазно».

Не скрою, при этих его словах, во мне что-то дрогнуло, во всем теле появилась до того незнакомая слабость. Чарли был прав: все плохое нужно было умножать на время. Он заметил мою реакцию, обнял меня за плечи и продолжил:

«Это еще не все. Другим подавляющим фактором были люди, окружение. Существует пословица, что «на миру и смерть красна». Смерть, может быть, и красна, но прозябание, медленная деградация от присутствия этого «мира» только усиливается».

Я попыталась робко возразить: «Но разве вы не поддерживали друг друга? Разве сознание того, что ты не одинок в своей беде, не помогало преодолевать её?»

В ответ Чарльз помолчал, достал трубку и закурил. «Поначалу, да, помогало», — медленно проговорил, потом снова помолчал. «А вот потом, когда голод овладел всеми помыслами, мы из общества, даже стада, то есть, какой-никакой, а общности, превратились в хищников, выживающих в одиночку. За едой каждый смотрел, как ест другой, высматривал не обделили ли его при дележке. А ты бы видела, какими взглядами меня встречали, после обеда с Рихардом. Однажды я услышал, как полковник выговаривал кому-то, обвинившему меня в том, что я получаю дополнительную пайку за стукачество. Я готов был вызвать обидчика на боксерский поединок до падения одного из нас без сил. И знаешь, что меня остановило. Новое обвинение, что я сытый избиваю голодного».

От этих слов мне становилось все страшнее, я чувствовала искренность и правоту мужа, но решила вытерпеть все до конца. Я знала, что ему нужно выговориться. Видимо, и он знал это, поэтому и продолжал:

«Каждый из нас полагал, что держится молодцом. И только видя, как все другие, повторяю, все другие, меняются: худеют, опускаются, становятся раздражительными и даже злыми, — понимал, что с ним происходит то же самое. Мы были зеркалом друг для друга... И, наконец, третий фактор, медленно убивающий нас: безысходность. Цензура вычеркивала из писем любое упоминание о положении на фронтах. При беседах с представителями «Красного креста» присутствовали немецкие охранники, поэтому говорить можно было только о своем положении, претензиях и жалобах...

Мы, как и вы о нас, ничего не знали... Годами. А война все шла и шла. На смену надеждам в наши души поселялся страх и отчаяние».

Слушая мужа, я внимательно присматривалась к нему, чтобы вовремя прервать разговор. И вдруг я осознала, осознала для себя самой, насколько сильно он изменился. По существу, это был совсем другой человек, совершенно отличный от моего Чарли, которого я встретила много лет назад на пароходе. Мне стало жаль его до слез. Признаюсь, это напугало меня сильнее всего. В первый раз я испытала острую жалость к моему мужу, сильному и бесстрашному Чарли. Я никогда в жизни не думала, что он когда-нибудь может вызвать к себе жалость».

* * *

Каково было удивление супругов, когда им навстречу из дверей их дома вышел Генри.

«Вас прямо таки не дожدهшься. Телеграф сообщил, что вы будете вчера. Я приехал, а вас все нет и нет. Хорошо еще, что ваш батюшка, сэр Роберт не только не прогнал меня, но и составил мне прекрасную компанию на рыбалку. Кстати, Чарли, с твоим отцом гораздо лучше ловить рыбу, чем с тобой. Он не бегаёт с места на место и не ругает рыбу, чего делать нельзя категорически. А ты — ворчун. Ты хоть сам-то знаешь, что ты ворчун? Здравствуй ворчун».

«Ну, да. И это мне говорит человек, который сам ворчит, не замолкая. Здорово, бродяга, здорово, дорогой мой».

«Здравствуйте прекрасная мадам Мэй. Рад вашему возвращению. Представляю, как он вас замучил своей педантичностью и постоянным брюзжанием. В следующую поездку предлагаю себя в качестве попутчика. Я сделаю все, чтобы скрасить любые дорожные тяготы».

«Это ты-то скрасишь? Научись сначала ухаживать за женщинами. Человеку уже скоро сорок, а он не может ни одну женщину завлечь настолько, чтобы она согласилась взять его себе в мужа».

«Это я-то не могу? Нет, он не понимает сам что говорит. Мадам Мэй, скажите, пожалуйста, вашему мужу, что я привлекательный мужчина и что, если бы я был тогда на пароходе, то сейчас он бы был холостяком, а я был бы мужем прекраснейшей из женщин».

«Вы не слушайте его, сэр Генри. Вы — абсолютно неотразимый мужчина. Ваша беда, что вы живете в Англии, этой холодной стране. В Китае у вас был бы целый гарем».

«Вы, правда, так думаете, мадам Мэй? Тогда скоро у меня будет гарем и не один. Открою вам секрет: столь долгое решение о моей дальнейшей работе, наконец-то, состоялось. Когда наверху узнали, что у меня дружба с прекрасной представительницей Китая Мэй Смит, они немедленно решили направить меня в Сингапур. Кроме того, я буду курировать Гонконг и Китай. Таким образом, если вы говорите правду, мне гарантировано, как минимум, три гарема».

«Ты действительно уезжаешь в Сингапур? Это просто провидение какое-то. Компания решила направить нас в командировку сначала в Штаты, а затем в Гонконг и Китай. Если ты отбудешь к месту дальнейшей службы раньше нас, мы встретимся в Сингапуре и вместе отправимся осваивать эти «дикие» места. От тебя, конечно, будут ждать быстрого успеха в развитии взаимных отношений с этими регионами. Вот мы тебе и поможем делать карьеру. Но имей в виду, адреса рыбных мест никто бесплатно не раскрывает».

«Я знаю правила игры и уверен, что её величество королева Великобритании по достоинству оценит ваши заслуги, сэр Чарльз Смит».

«А я смогу вам обоим показать потрясающе красивые места, которые этот «невежественный» человек называет дикими, и тогда вы поймете, что человеческая цивилизация зародилась в Китае», — с притворной суровостью вмешалась в разговор Мэй, но не выдержала тона: «Сэр Генри, это действительно чудо, если мы будем там втроем. Как здорово!»

* * *

«Это действительно случилось. Сэр Генри... пожалуй, я могу в моем дневнике называть его просто Генри. Все таки, он давнишний друг нашей семьи и потом... нет... об этом я никогда писать не буду. И не только писать, но даже и думать не буду.

Итак, еще до нашего отъезда в Америку Генри отправился в Сингапур только для того, это его собственные слова, чтобы подготовить нам достойную встречу. А мы стали собираться в дорогу. Чарли разработал маршрут и план переговоров, а я список достопримечательностей, которые будут на пути нашего следования. Честно говоря, эта работа не захватывала меня целиком. Я предпочитала наблюдать за мужем, стараясь найти способы, чтобы помочь ему. А недавно в Ливерпуле я встретила Элен Гиббсон, которую не видела очень давно. Мы обе были рады встрече.

«Нет, нет мы не будем разговаривать на улице», — после приветствий решительно заявила Элен. Вон там, за углом есть уютное кафе, где готовят изумительный кофе и булочки. Там мы и поговорим. У меня к тебе море вопросов, дорогая. Ты восхитительно выглядишь. Глядя на тебя, я прямо сейчас придумала косметическую новинку: я буду вводить в моду восточный макияж. Это не сложно. Нужно сделать чуть раскосые глаза, персиковый крем на щеки и маленький, но яркий рот-бутон. Да еще тонкие брови крутой дугой. Извини, что я все болтаю, но, видя тебя, нельзя не заразиться желанием быть похожей. Хотя бы немного. Вот мы и пришли. Голубчик, нам четыре фирменные булочки и два кофе. Мэй, скажи, какой ты предпочитаешь? У них есть любой».

Допив кофе, Элен закурила длинную тонкую сигаретку, которую она вставила в изящный и тоже длинный мундштук. Хотя Мэй не курила и даже не пробовала, тонкий душистый запах табака понравился ей. Она поинтересовалась, как чувствуют себя дети Элен, как дела у ее мужа и, наконец, как идут дела в фонде помощи детям. Она была счастлива делить все свое время с Чарли, но, тем не менее, скучала по заполненным различными фондовскими делами дням. Однако Элен отделалась короткими ответами, поскольку её больше всего интересовало состояние Чарльза.

«Я надеюсь, дорогая, его депрессия закончилась? Муж говорил мне, что вы много работаете над восстановлением компании и много ездите».

«Да, работы, действительно, много, но я бы не сказала, что она захватывает Чарли целиком. Я довольно часто замечаю его отсутствие в самый разгар дискуссий и обсуждений. Мысли его в такие минуты бывают настолько далеко, что он подчас не слышит, когда его спрашивают о чем-нибудь. Знаешь, Элен, это пугает меня. Я хочу постоянно быть вместе с ним, хочу знать, о чем он думает в данный момент, но он, как стена. Я бьюсь об неё, не получая ответа. Сначала я думала, что он постоянно вспоминает и переживает то, что случилось. Теперь же мне начинает казаться — ему просто все это не интересно. Более того, безразлично. Он живет какой-то своей жизнью, отличной и оторванной от нашей. Я не могу проникнуть в неё. Я где-то рядом. А самое обидное для меня, что он не пускает меня в неё, отгораживается от меня».

«Дорогая моя Мэй! Я так понимаю тебя и твою печаль. Мы редко видим Чарльза, но и мы замечаем, как сильно он изменился. Но мы думаем, что это только внешне. Хотя, знаешь, я не права. От того веселого и бесшабашного Чарли ничего и не осталось. Да... Война изуродовала не только его тело».

Положив подбородок на ладони, Элен внимательно рассматривала свою собеседницу в упор. Только теперь она заметила в ее глазах несвойственную ей грусть и небольшую складочку между бровей. «Этой девочке приходится очень нелегко. Дважды похоронить мужа, обрести его вновь, но искалеченного, а теперь терять его вновь по какой-то невидимой, неосязаемой причине, разъедающей его душу. Право слово, ей не позавидуешь».

«А как он с детьми? Ему нравится проводить с ними время», — вернулась она вновь в разговор с Мэй. «Может быть отложить пока дела в сторону и больше заниматься сыновьями?»

«Они очень радуют Чарли. Когда они вместе, он прямо на глазах меняется. Но ненадолго. Мальчики — очень подвижные и он не угоняется за ними, и, по-моему, быстро устает. А это еще больше угнетает, травмирует его психику. Понимаешь, Элен, мы все это замечаем и невольно начинаем его жалеть, а он замечает и обижается на нашу жалость. Получается какой-то заколдованный круг. Я не знаю, как разорвать его. Иногда я прихожу в отчаяние».

«Ну, ну, моя девочка. Не надо так грустно. Ты знаешь, что ты не одинока в своей борьбе за Чарли. Мы все его любим и гордимся им. Конечно, нам трудно помочь тебе, но нашу моральную поддержку ты можешь

ощущать. Попробуй все: общение с детьми, работу, помощь Генри, путешествия, наконец. Может быть, ты найдешь то единственное, что поможет вывести Чарли из этого состояния безразличия».

«Я больше всего боюсь, чтобы это равнодушие не перешло и на нас. Откроюсь тебе. Иногда я ловлю на себе странный взгляд Чарли. Обычно это бывает, когда он «возвращается из своей странной «задумчивости». В этом неприятном взгляде я чувствую удивление, словно он силится вспомнить, что это за незнакомая женщина рядом с ним. В эти минуты мне хочется куда-нибудь забиться, спрятаться. Я очень боюсь и в реальности стать для него чужой, а в себе самой боюсь замены моей любви к нему на жалость».

«Ну что ты, милая. Я уверена, до этого не дойдет. Такая любовь, как у вас с Чарли победит все. Я уверена».

«Сейчас я очень надеюсь на поездку в Китай. Мой отец поможет мне. Я даже готова посетить с Чарли какой-нибудь буддистский храм. Наши монахи хранят много секретов древней медицины. Я читала, что они могут врачевать не только тело. Вернее, не сколько тело человека, сколько его душу, его дух. Не поверишь, но я принялась читать книги по древней китайской философии и медицине. Бог даст, они помогут мне исцелить мужа.

Да, кстати, ты вспомнила Генри, то есть сэра Генри. Вы, наверное, не знаете, что он получил назначение в Сингапур, Гонконг и Китай, и уже уехал туда. Мы договорились встретиться там, после нашей поездки в Штаты. Я очень надеюсь и на его помощь. Чарли по-прежнему абсолютно откровенен с ним и любит его. Может, втроем мы одолеем нашу беду. Я все время молюсь, чтобы это случилось».

ДРУГАЯ СТОРОНА ЗЕМЛИ

Сразу же после отплытия из Ливерпуля, Мэй охватило состояние, которое на языке психиатрии называется сложным именем «де жавю». Ей на каждом шагу по теплоходу, построенному еще до войны, казалось, что она уже была здесь, видела эти коридоры между каютами пассажиров, бывала в каютах-компаниях и ресторанах. Знакомой казалась даже фирменная одежда обслуживающего персонала и форма матросов и комсостава. Но наиболее удивительное состояние она испытала при отплытии из порта. Его постройки, линия набережной, очертания города на горизонте тоже были знакомы, но открывались взору в обратном, чем раньше, порядке. Оказалось, что и Чарльз испытывает те же самые ощущения.

«Ну, что, моя милая женушка, тебе не кажется, что ты все это уже видела, но как-то наоборот? Помнишь, мы однажды уже проделали этот путь? Боже мой! Сколько времени утекло с тех пор. И как сильно мы изменились за прошедшие годы. Впрочем, постой, не мы изменились, а как я изменился», — при этих словах Чарльз оперся спиной в край переборки фальшборта, около которой они стояли, развернул жену к себе лицом и долго и пристально рассматривал его. «Что же до тебя, так ты стала еще прекраснее, чем была в день приплытия в Ливерпуль в первый раз. Да, еще прекраснее и...». Мэй не дала ему закончить фразу, крепко-крепко поцеловав его в губы, затем, как всегда в такие мгновения, густо покраснела и сконфужено оглянулась по сторонам. Но никто из пассажиров, выстроившихся вдоль леера верхней палубы, не обращал на них никакого внимания. Все были поглощены видом отдаляющегося города.

«Удивительно, но я как раз думала о том же. Нет, не о нас самих, а о нашем первом морском путешествии, первом танце, прогулках по палубам, о наших долгих беседах. Это было похоже на сказку. Всё, всё было волшебным. А изменения... что ж, да, мы изменились, но как-то, знаешь, соответственно. Тебя изменило не время, а война, которая стала

главным событием прошедшего времени. И твои шрамы — это следы того времени. А я? Мне еще рано смотреться в зеркало, но, если я расцвела, как ты говоришь, то это не в соответствии со временем, а наоборот, что неправильно. Значит, я иду не в ногу с моим временем».

«Должен признаться, сказала ты очень красиво и очень мудро, но не очень последовательно: то изменились соответственно, а то не в соответствии, но..., повторю, сказано очень красиво».

«Сейчас же перестань смеяться над женщиной, слышишь. Мы — женщины, живем не логикой, а сердцем, чувствами. А их у меня сейчас столько, и таких ярких и волнительных, что не мудро и запутаться. Чарли, милый мой! Как это здорово вспомнить нашу встречу. У меня снова, как тогда, кружится голова, и почему-то хочется заплакать. Мы опять вдвоем, мы одни, как тогда...». Мэй снова крепко поцеловала мужа в губы. В ответ он обнял её за плечи и крепко прижал к себе, глубоко вздохнув.

На воде, особенно в океане, пройденный судном путь незаметен. Плывут по нему люди, и знать не знают, сколько морских миль они уже прошли от линии старта, и сколько их еще осталось до финиша. Даже в порты суда не заходят, — нет их посреди океана, — до самого начала другой стороны земли. Потеряло счет времени и семейство Смит. Сначала они развлекались внезапно обретенной свободой, близостью, великолепной кухней и спокойным океаном. А потом начали разрабатывать маршрут пребывания в США.

«Мы, девочка, плывем в самое сердце Штатов, точнее современных Штатов», — подчеркнуто назидательным тоном сказал Чарльз, лежащей рядом жене. «Вирджиния — бывший центр рабовладения и она же родина борьбы с рабством и борьбы за независимость». Между прочим, первые колонисты из Англии высадились именно здесь и в 1607 году, как пишет этот справочник, организовали в городке Джеймстаун, расположенном на берегу Чесапикского залива, первую британскую колонию. А если еще учесть, что в этом самом районе расположено большое количество верфей, то можно не удивляться, если среди старожиллов обнаружится один из Смитов. Это было бы логично».

«Ну, а чтобы ты не думал, что я зря теряла время, я тебя тоже слегка удивлю. Пока некоторые спят без задних ног мирным послеобеденным сном, другие идут к капитану, берут у него энциклопедию и тщательно её изучают. И вот что они узнают: я коротко, во второй половине восем-

надцатого века на территории Вирджинии шла борьба с рабовладением. Здесь поднял свое восстание легендарный Джон Браун со своими сыновьями. А в середине девятнадцатого века здесь же развернулась борьба за независимость от вас, от англичан. Шучу, шучу, от вашей британской империи».

«Я не знаю, написано ли в энциклопедии, что сказал один из политиков того времени Патрик Генри?»

«Нет, я не читала о нем», — призналась Мэй, положив голову на грудь мужа. Чарльз уткнулся лицом в её пышные волосы. Немного спустя, он продолжил: «Так вот: в старейшей церкви города Ричмонда «Сент-Джон» Патрик Генри произнес речь, которую закончил словами: «Дайте мне свободу или дайте мне смерть!» Они и убедили нас, как ты нас называешь, «англичашек», дать Штатам независимость».

«Хватит сидеть в каюте», — вскинулась вдруг Мэй, — «О нас могут подумать... всякое-разное... Подъем, потомок морепроходцев и завоевателей, и марш на палубу дышать любимым морским воздухом. Давай, давай, поднимайся, лежебока. Нет, нет, никаких поцелуев... Ну, Чарли! Потом... Поцелуи после гуляния. Идем, идем!»

* * *

Мэй проснулась, и долго не могла понять, где она находится и сколько сейчас времени. Легкое покачивание парохода и плеск волны за бортом вернули её к действительности. «Но где же Чарли?» — мгновенно мелькнуло в голове. Мэй села на край постели, стяхивая остатки сна. «Как она могла не слышать? Когда он встал и куда ушел? Хотя, что значит «куда?» Куда можно уйти на пароходе, плывущем в середине Атлантики? Сидит где-нибудь на палубе, глядя на волны, или в баре, уткнувшись в стакан джина с тоником. Грустно признаваться, но Чарли искал одиночества, даже, когда я рядом. Многолетняя жизнь в лагере, видимо, еще не раз преподнесет мне сюрпризы. Этот — один из самых неприятных. Ладно, пойдем выяснять, нет ли других».

Чарльз был не на обычном для пассажиров месте: на носу верхней палубы, откуда открывался вид на ту часть океана, где пароход будет в скором времени. Почему-то он выбрал ют, или кормовую часть судна. Он сидел у самого леера на принесенном сюда раскладном кресле и смотрел на буруны, оставляемые винтом. След морского судна очень по-

хож на след плуга, оставляемый на черной жирной земле, отличаясь только по цвету. Вернее, следы нескольких мощных плугов. Смотреть на них можно очень долго. Вообще, человеческая мудрость говорит, что бесконечно человек может смотреть на три вещи: огонь, текущую воду и в небо. Сейчас Чарльз смотрел на убегающую воду.

«Милый, тебе не спится? Скажи, тебя что-нибудь беспокоит? О чем ты сейчас думаешь?»

«Прости меня, Мэй, моя драгоценная. Я заставляю тебя нервничать без причины. Понимаешь, я приобрел привычку просыпаться очень рано. Видимо, мне достаточно немного сна для восстановления. Потом я подолгу лежу без мыслей, без движения, — вроде, как медитирую. Но если я могу уйти из помещения, от людей, я это делаю. В лагере я мог не разговаривать неделями. Выяснилось, что разговоры между людьми, находящимися на грани нервного истощения, даже на самые безобидные темы очень часто приводят к крупным ссорам и взаимной неприязни надолго. Вот мы все и обучались искусству вежливого молчания».

Мэй стояла рядом с креслом, с изумлением глядя на мужа. Она чувствовала себя глубоко уязвленной. Первое время она даже не знала, что сказать в ответ на эти жестокие слова Чарльза. Неужели он не понимает, что ранит её и ранит очень больно. Наконец, она собралась с духом:

«Да, конечно, любой человек имеет право побыть наедине с самим собой. И вообще, имеет право на одиночество. В определенные моменты оно необходимо каждому. Подожди, Чарли, не перебивай».

«Нет, нет, прости, Мэй. Мне кажется, что ты не совсем правильно поняла мои слова. Иди ко мне, садись рядом. Садись, садись, здесь места хватит на двоих. Когда я говорил об одиночестве, я не имел в виду близких людей. Я говорил о людях вокруг нас, в известном смысле, чужих людях».

«Я так и поняла, но я хотела пойти дальше. Если быть до конца откровенной, ... нет не так. Скажи мне, Чарли, только совершенно откровенно, между супругами, очень благополучными супругами могут быть секреты, маленькие тайны?»

«Да, конечно. И дело здесь не в том, что мы называем любовью. Даже самая большая любовь не устраняет эти секреты. Я тебе расскажу одну биологическую теорию, с которой меня познакомил Генри. Он как философ любит «капаться» в человеческой биологии, физиологии, психологии. Так вот, он считает, что человеческий организм представляет

из себя замкнутую систему, главной жизненной целью которой является сохранение этой замкнутости. Именно она и гарантирует выживаемость организма. Так как человек живет в определенной среде, являясь её частью, ему приходится приоткрывать свою скорлупу и делиться чем-то из своих тайн с близкими ему людьми. Я не очень путано излагаю?»

«Ничего, нормально. Даже я — женщина и то понимаю. Шучу, шучу».

«Так вот, добываясь взаимности..., сотрудничества, приходится чем-то делиться, но не до конца. Зачем, например, делиться своими болячками, проблемами, страхами и так далее? Человеку, особенно, вам женщинам, свойственно скрывать свои пристрастия, предпочтения, тайные желания. Помнишь себя молодой женой?»

«Помню, помню, не напоминай», — поспешно ответила Мэй. «Я согласна, что полностью открытым быть невозможно, только какое это отношение имеет к одиночеству. Можно быть среди людей, быть рядом с близкими людьми, сохраняя свои тайны. Именно близкие понимают это и не лезут в душу. Или я не права?»

«Ты, моя прелесть, как всегда права».

Этот разговор оставил неприятный след в душе Мэй. Чарли прервал опасный разговор, сделав вид, что согласился с ней. Она сама умом понимала, и соглашалось со всем, что говорил Чарльз, но сознавать, что в жизни мужа бывают минуты, когда ему не нужен никто, даже она, было очень неприятно.

* * *

«Мэй, ну, что ты так долго возишься», — влетел в каюту Чарльз и нарочито сердито скомандовал: «Мы самое интересное пропустим. Представь, мы сейчас находимся в Чесапикском заливе, куда вошли еще ночью, и вот-вот войдем в устье реки Джеймс, на берегу которой находится г. Норфолк. Его, наверное, уже видно. Вообще, это военно-морская база Штатов, но она возникла на базе нескольких судоверфей. Та, с которой мы будем вести переговоры, называется «Ньюпорт Ньюз», или полное название «Нортроп-Грумман Ньюпорт Ньюз». Можешь себе представить, она была основана в 1886 году. Должен признаться, наши американские конкуренты очень здорово и быстро продвинулись в строитель-

стве боевых кораблей. В 1922 году они умудрились «угольщик» переделать в авианосец. С ума сойти, какой прогресс. А сейчас с таким капиталом они нам всем дадут фору. Все, хватит копать. Поверь мне, ты прекрасно выглядишь. Идем на палубу.

Ну, видишь, из-за тебя чуть не опоздали. Вон, смотри, справа остается залив, а слева это река Джеймс. На её правом берегу какие-то верфи. Одна из них должна быть «Ньюпорт Ньюз». Ладно, потом узнаем какие. А вот там, слева, вон в том заливчике, видишь? Это город Норфолк. Да... прекрасная гавань. Она совершенно закрыта и от штормов, и от противника. В то же самое время, можно очень быстро вывести корабли в чистое море для маневра. Впрочем, это не для тебя. Но, как красиво и удобно».

«К сожалению, это уже не природный, а индустриальный пейзаж, хотя, ты прав, — впечатляет. Пошли. Видишь толпу, наверное, они нас встречают».

* * *

Мэй за столиком на террасе гостиницы. Между толстенных стволов высоких деревьев, на противоположной стороне глубокого ущелья видна абсолютно голая скалистая стена, вертикально взлетающая ввысь, в голубое безоблачное небо, и отвесно падающая вниз, к подножью скалы. Вдоль неё стремительно несла воды река Потомак, которая в этом месте выглядела как настоящая горная река.

Перед Мэй лежит её дневник. Время от времени она отрывает взгляд от уносящейся прочь воды и что-то записывает в него. Потом опять в задумчивости глядит на реку.

«Странная эта страна Америка, то есть Соединенные Штаты Америки. Странная страна... Какое смешное сочетание слов: странная страна. Но она, действительно, такая. С одной стороны, огромный технический прогресс, небывалый размах строительства, экономический бум. А с другой, самодовольное, самоуверенное население, грубые манеры, привычка класть ноги на стол, тыкать, практически всем, проходить в дверь перед женщиной. Всего не перечислишь. Я сама попала в очень смешное положение. Нас встречали представители фирмы прямо в порту. Глава встречающих приветливо подошел ко мне с полупоклоном. Я по наивности протянула ему руку для поцелуя... И что вы думаете... Он

схватил её и крепко пожал, потом начал приветственно трясти, а в завершение хлопнул меня по плечу. В это время остальные встречающие со всех сторон обхлопывали Чарли. Он потом хохотал до слез, вспоминая, какое было у меня лицо в момент обмена приветствиями с главой делегации.

Самым излюбленным вопросом здесь является вопрос: «А сколько это стоит? И какая будет скидка? При этом не спрашивают: «А продается ли это?» Такое впечатление, что американцы уверены, купить можно все, и что все хотят все купить. Около витрин ювелирных магазинов можно увидеть плохо одетых людей, с любопытством рассматривающих ценники на украшениях, словно они собираются что-нибудь из них приобрести. Это менталитет целого народа. Вызывает уважение его деловая хватка, но преклонение перед деньгами, долларами удивляет и настораживает.

А какая это красивая страна. Сколько потрясающих по красоте мест мы с Чарли успели посетить. Они великолепны как исторические памятники и как живописнейшие заповедники и национальные парки. И хотя везде кипит работа, везде что-нибудь строится, очень много внимания уделяется сохранению природы. А какие здесь дороги! Это просто чудо какое-то!

И вот по этим чудесам техники нас повезли в город Ричмонд. Удивительное дело: по времени построек все, что есть в этой стране, для англичанина не может представлять никакого интереса. Как можно сравнивать сооружения 9 или 11 веков с тем, что построено сто лет назад. Но как всем этим гордятся американцы. Для них это история. Недалеко от города находится Исторический треугольник. Именно сюда прибывали первые мигранты из Старого Света. Правда, первый британский форт Джеймс был сожжен английскими войсками во время войны за независимость века два спустя. Полностью сгорел и городок Уильямсбург — столица британских владений. Его восстанавливают, но все это выглядит театральными декорациями. Чарли большего понравился Йорктаун, который стал ареной последнего сражения британских войск. Честно говоря, я не поняла почему. Может быть, потому что это было последняя битва, — и война закончилась.

Лично меня больше интересовала природа. Её не бывает ни молодой, ни старой. Она бывает просто красивой, очень красивой и прекрасной. Прекрасной для меня стала долина Шенандоа, по названию реки.

На языке местных индейцев это слова обозначает «Дочь звезд». Она — уникальна. Представьте себе две реки: Норт-Форк и Саут-Форк, которые огибают живописную гору Массануттен с двух сторон, а затем сливаются и через 60 миль впадают в Потомак, на воды которой я сейчас смотрю. Чарли не захотел, предпочел заниматься бумагами, а я не поленилась и на катере обогнула гору по обоим рекам, а потом выбрала для отдыха гостиницу на берегу Потомака. Долина Шенандоа настолько прекрасна, что писатель Вашингтон Ирвинг назвал её «землей обетованной», но по красоте превосходящей её. Муж, как мне кажется, о долине запомнил только то, что генерал конфедератов Филипп Шеридан, приказал поджечь долину, и оставил после себя лишь выжженную землю. Чарли просто бесился. Американцы еле успокоили его. Он даже предложил создать где-нибудь в историческом месте аллею бесславия, где бы экспонировались изображения военных преступников всех времен и народов.

Раз уж я вспомнила Чарли, то теперь о нем. После случая на стадионе, я очень боюсь за него. Да и поездка в Германию не прибавила оптимизма. Он все принимает близко к сердцу, и поэтому стал, как один большой обнаженный нерв. Даже во время переговоров, когда представители кораблестроительных фирм упоминают о боевых кораблях и начинают их расхваливать, у Чарли начинает дергаться веко. Он спокойным голосом, хотя я вижу, что он весь кипит, вновь и вновь повторяет, что заинтересован в сотрудничестве по строительству исключительно торговых и пассажирских судов. Американцы громогласно хохочут, называют его классным парнем, и снова достают из портфелей бумаги на военные фрегаты, крейсера, броненосцы. Поражающая настырность. Это слово Чарли. Так вот, один раз он не выдержал:

«Джентельмены! Вы все просто классные парни, но почему вы не хотите понять, что цель моего приезда — гражданское судостроение? У Великобритании, да и, наверное, у всей Европы сейчас нет ни желания, ни возможности восстанавливать боевой флот. Германии и её союзникам это просто запрещено. Простите меня, но вы здесь, за океаном даже не представляете, чем заплатила Европа за эту войну. Я не говорю о людях, я говорю о материальных потерях и разрушениях».

«Дорогой друг», — ответил Чарльзу вице-президент компании, — «мы разделяем ваши чувства. Однако, мне кажется, что вы заблуждаетесь. Не пройдет и года, и все участники войны вновь начнут воору-

жаться: одни для защиты завоеванного, другие для реванша. Тот, кто опоздает, очень много проиграет».

После этих слов вице-президент развалился в кресле и, поигрывая карандашом, добавил:

«Вы по-прежнему поете, что Британия — владычица морей. Готов поставить тысячу долларов, что совсем скоро Штаты создадут самый мощный флот в мире. А, имея выход в два океана, мы станем контролировать моря. Так что, Чарльз, посоветуй вашему совету директоров пересмотреть планы компании».

Каково было потомку британских корабелов и моряков выслушивать все это, сказанное с таким откровенным цинизмом. В гостинице муж дал волю словам, и как только не обзывал хамоватых янки. Ругался, ругался, а потом плохо себя чувствовал.

К счастью, наше пребывание в Америке состояло не только из переговоров и посещения верфей. У нас была возможность посмотреть страну. Правда, Чарли природные красоты почти не интересуют. При этом он так трогательно маскирует свое равнодушие, и, заставляя себя, лазит вместе со мной по всяким развалинам, горам и скалам, бродит по берегам рек. Кстати, бродить по берегам очень волнительно, потому что именно здесь бродили герои Джеймса Фенимора Купера. Хорошо, что я перед поездкой перечитала его романы. Индейцев я видела, но театрализованных, в специальных поселениях-музеях. Сколько я не уговаривала Чарли поберечь больную ногу и отдохнуть где-нибудь в тени, он не соглашается. Более того, обижается, как мальчишка. Я хожу вместе с ним, а у самой сердце болит, когда я вижу, как он бредет в гору, волоча свою ногу. А потом в гостинице у него начинает болеть здоровая перегруженная левая нога. Не брать его с собой плохо, а брать еще хуже. Но есть еще одна причина, по которой я не могу гулять одна. Местные белые жители страшные расисты. В городах специальные автобусы и рестораны для черных. То же самое и со школами. Белые отказываются отдавать своих детей в смешанные классы и школы.

С нами же произошло совершенно неожиданное. Прогуливаясь в центре города Норфолка, мы поравнялись с группой молодых американцев в ковбойских шляпах. Они были полупьяные. Заметив нас, молодцы замолчали и, как по команде повернулись в нашу сторону. Один из них произнес грязное оскорбление в мой адрес, намекая на мою азиатскую внешность. Признаюсь, никогда в жизни я не слышала по отношению к

себе что-нибудь более мерзкое. Другой что-то спросил Чарли, и все дружно загоготали. Реакция мужа была мгновенной. Я ничего не успела подумать, а Чарльз мгновенно перевернув свою трость, её загнутым концом зацепил парня за шею и рывком подтянул его к себе. Свободной рукой ухватив его за воротник, он одной рукой поднял его так, что тот комично болтал ногами в воздухе. Остальные стояли в оцепенении, издав только возглас удивления.

«Кто еще хочет задать мне вопрос?» — громко и членораздельно проговорил Чарльз и неожиданно подхватил своего пленника за ремень другой рукой, и плашмя швырнул его в толпу друзей. Падая, ковбой свалил вместе с собой еще трех человек. Оставшиеся на ногах, попятились, что-то бормоча. Чарли поднял упавшую трость, взял меня под руку и потянул за собой. Но не прошли мы и сотни метров, как нас нагнали двое полицейских. Вежливо извинившись, они попросили нас пройти в участок, который был недалеко, практически за углом. Нас усадили на широкую деревянную скамью, а двое полицейских начали что-то шептать своему начальнику, судя по знаку, помощнику шерифа. Тот выслушал и повернулся к нам.

«Я надеюсь, господа имеют при себе какие-нибудь документы. Хватит водительских прав».

Чарльз спокойно достал свой паспорт и протянул его начальнику. Тот вопросительно посмотрел в мою сторону.

«Госпожа — моя жена. Думаю, что сказанного достаточно».

Помощник шерифа внимательно посмотрел в лицо Чарльза, на его все еще багровый от пережитого гнева щрам и кивнул головой.

«Воевали, сэр? Спасибо, сэр», — поблагодарил он Чарльза, ответившего на вопрос о войне кивком. «Я хотел бы уточнить, господин Смит, что произошло только что на улице между вами и этой молодежью?»

Чарльз не успел ничего сказать, как в участок буквально ворвались неизвестно откуда взявшиеся представители компании. Они подлетели к стойке, все разом громко высказывая свое возмущение. Помощник шерифа, удивленно вскинув брови, внимательно слушал всех говорящих одновременно. Когда они успокоились и разом замолчали, он обратился к начальнику протокола компании, которого, видимо, хорошо знал:

«День добрый, господин Фримэн. Как я понял, господа Смиты гости вашей компании? Вы можете продолжать вашу прогулку, господа. От

имени города приношу вам извинения за этих молодых подонков. Они получили поделом».

Неприятное происшествие превратило Чарли в глазах служащих компании в настоящего героя, а у нас в душах оставило горечь и обиду. Не все было благополучно в богатой Америке. Нам показалось, что и сами полицейские, постоянно жующие свою жвачку, относятся к проявлению расизма более чем терпимо. Да, они, скорее всего, и сами расисты, поэтому в центре городов «цветных» нет. После инцидента наши партнеры очень неохотно отпускали нас одних, и, по-моему, искренне стеснялись расистов. Но что они могли изменить?»

Воспользуюсь тем, что я одна. Чарли осматривает очередную верфь, а меня пожалел. На пароходе я не смогу достать свой дневничок, а хочется продумать одно наблюдение, — боюсь забыть. Касается оно очень интимного, о чем я не могу поделиться ни с кем, даже с Элен. По-моему, я еще никогда не писала об этом. В первые дни нашего путешествия Чарли был очень активен, чем откровенно удивил меня. После возвращения, он был, как бы по точнее выразится, несколько сдержан. И вот... Но все-таки... В наших интимных отношениях уже нет прежнего, доверенного огня. А есть что-то другое. Написала и, как назло, вспомнила анекдот, который мне когда-то давно рассказал Чарли. Теперь не отвязается. Так вот: молодая женщина схоронила старого мужа, а молодой любовник начал домогаться её прямо по дороге с кладбища. Приехали к даме домой. Любовник не отстает. Наконец, дама не выдерживает и говорит: «Ну, хорошо, раз ты такой настойчивый и так сильно хочешь заняться любовью. Но только будем делать это медленно и грустно». Фу, как нехорошо. Но у нас с Чарли тоже все происходит медленно и грустно. Нет, я не хочу сказать, что плохо, — просто по-другому, чем прежде. Признаюсь, иногда мне кажется, что я умудрилась, однажды выйдя замуж, последовательно выйти замуж за двух разных мужчин. Нынешний Чарльз полностью отличается от того Чарли, которого я встретила на пароходе. Я не могу сказать, кто из них лучше. Просто, они — разные. С возрастом все люди меняются, но, когда они живут вместе, они и старятся вместе, незаметно друг для друга. У нас же все произошло иначе. Я проводила на войну одного мужчину, а встретила с войны другого. Помоги нам, Господи, сохранить прежние отношения.

* * *

«Столько времени сюда добирались, а дела решили все в считанные дни, чуть ли не в часы. Нужно признать, умеют американцы делать дела. Действительно, «таим из мани» — время — деньги. Сколько мы уже здесь?»

«Завтра будет две недели», — ответила Мэй, занятая просмотром и подшивкой бумаг.

«Две недели на все про все. Вот я и говорю: быстро управились. Не знаю, как ты, а я — доволен. Деньги мы получили, причем немалые. Да и техническая сторона вопроса меня полностью устраивает. Американцы умеют делать добротные вещи. Удивительно. Сравнительно недавно сюда со всего мира съехались самые, извини за слово, отбросы: уголовники, авантюристы, неудачники, которые в своих странах не смогли добиться успеха. А здесь вдруг стали успешными дельцами, работниками, финансистами. Мне рассказали, что предок одного из богатейших людей Штатов Дюпона сравнительно недавно был пиратом. Как тебе это нравится?»

«Лично мне это совсем не нравится. Капиталы, нажитые разбоем, — это кровавые капиталы. А мне нравятся труженики. Ты бы видел, как много работают китайские крестьяне. Отец специально возил меня по деревням, чтобы я узнала, каким трудом выращивается рис, овощи..., вообще все, что растет. А работа шахтеров... я и это видела... Чарли, дорогой, если бы ты знал, как бедно..., как ужасно они живут... Какие у них больные, рахитичные дети. Почему так происходит? Почему те, кто больше работает, не живет лучше?»

«Маленькая моя девочка, если бы кто-нибудь мог ответить на твой вопрос. Один только Бог знает на него ответ, но он не дает его людям. Видимо, мы сами должны до него дойти. Я немного знаком с теорией социалистов, и не согласен с ними. Их теория классов ничего не объясняет, скорее запутывает. В лагере я как-то задумался, почему одни рождаются в богатой семье, а другие в бедной или даже нищей? Кто это решает? Опять-таки, только Бог знает почему. Понятие справедливости не работает даже на уровне веры. Согласись, что ребенку священника легче быть истинно верующим, чем ребенку вора. А отвечать придется обоим. Вот тебе и справедливость. Но, признаюсь, китайских крестьян мне жаль больше всего. Я как подумаю, что ты могла бы родиться крестьянкой, — мне тоже пришлось бы рис в мокрую землю втыкать, чтобы встретиться с тобой».

«Ты лучше радуйся, что не родился шахтером, — я бы под землю ни за что бы не полезла... Так бы и не встретились».

«Не пугай, пожалуйста. Мне об этом даже подумать страшно. Мне иногда снится, что я взял билет на другой рейс... просыпаюсь в поту от страха».

«Не пугайся, милый. Наша встреча — это дар, это судьба...»

«Ты сама — мой дар», — целуя, обнимает её Чарльз.

«Подожди, Чарли. Значит, ты доволен поездкой, но не по переговорам, а вообще? Скажи честно, как твое самочувствие?»

«Если честно, то американцы действуют мне на нервы: самодовольные, невежественные бодрячки — хохотуны, уверенные, что они могут всё. А самочувствие... ну, кстати, а почему ты спросила?»

«Просто, много было работы. Я, например, устала, а ты?»

«А я откровенно хочу домой к сыновьям».

«Так в чем дело, едем!»

КИТАЙ

Извилистая горная дорога поражала своей красотой. Даже Мэй, которая благодаря отцу видела множество живописных мест на юге Китая, и та часто не могла сдерживать своих восторженных восклицаний. Более сдержанные мужчины только довольно покачивали головами, когда, после очередного поворота, где-то далеко внизу открывалась сказочная, поросшая густо-зеленой и какой-то «кудрявой» растительностью, долина. Мэй, раскрасневшаяся от чистого горного воздуха, а потому еще более красивая, чем всегда, обращалась к Генри, сидевшему на переднем сидении, рядом с Чарльзом, и в который раз благодарила его за чудесное предложение посетить еще один буддийский храм, расположенный высоко в горах.

«Нет, правда. Мы так благодарны вам, сэр Генри. Без вас и ваших друзей мы бы не узнали о существовании этого храма, практически музея. Чарли, ведь также». Дождавшись подтверждающего кивка мужа, Мэй продолжала: «Мне даже немного стыдно, что я — китаянка ничего не знала об этой части моей страны. Спа... нет, вы посмотрите вон туда к линии горизонта...», — прервала она саму себя. «Нет, нет, Чарли, тебя это не касается. Ты, пожалуйста, следи за дорогой, и не спеши... не гавай... Так, о чем я? А, большое спасибо, сэр Генри, большое-пребольшое, вы его заслужили».

«Как же, на ней газонешь, как бы, не так. Хорошо еще, что вообще едем», — ворчливо пробурчал Чарльз, не терпевший медленной езды.

«Будь справедлив, сэр Чарльз, это хорошая, даже очень хорошая модель автомобиля: «Ровер 9». Она всегда была популярна, с первого дня, по-моему, с 1920 года. Смотри для южных стран завод начал специально выпускать модель с откидывающейся крышей. Представляешь, какая была бы внутри духота, если бы не это? Просто этот экземпляр очень старый. Возможно даже, первого выпуска. А тебе, мой друг, уже пора знать, что, когда едешь на авто, нельзя его критиковать. Только хва-

лить. Особенно, на горной дороге. Автомобилист должен считаться с приметамми».

«Тем более, что приметы быстро сбываются. Обидевшийся на меня, «Ровер 9», кажется, собирается «закипеть». А поскольку нам сейчас не до чая, так как до 5-ти часов еще далеко, предлагаю сделать сантехническую остановку».

Друзья склонились над приподнятым капотом машины, с интересом рассматривая её двигатель.

«Ну, а вода у тебя в запасе, я надеюсь, есть? Правда, раньше надо было спрашивать».

«Не волнуйся, мы тоже кое-что понимаем в машинах и автопробегах. Принеси, пожалуйста, канистру из багажника. А заодно и термос с кофе захвати. Мы сначала, пока Мэй, как бы собирает цветы на склоне, напоим машину, а потом и сами подзаправимся».

«Постой, не трогай крышку радиатора. Пусть вода остынет, и подожди, я сам откручу».

«Что же, можем ехать», — закончив техобслуживание, объявил Чарльз. «Только у меня есть предложение: сейчас дорога пойдет под уклон, поэтому хорошо бы утяжелить зад машины. Давай-ка, Генри садись сзади вместе с Мэй, только с левой стороны, чтобы уравнять мой ОГРОМНЫЙ вес. Я, наверное, сейчас вешу, сколько вы вместе взятые?»

«Если мадам Чанг не возражает, я с превеликим удовольствием. Мне надоело слушать, как водитель то и дело нарушает водительские заповеди. Да и вообще, когда сам водишь машину, сидеть рядом с водителем — одно мучение. Все время кажется, что он все делает не так и не тогда, когда нужно. А, может быть, я поведу машину дальше? Что, нет? Я так и знал. Ну что же, я с удовольствием переберусь к гораздо более приятному собеседнику, чем этот «чванливый англичашка».

С шутками и взаимными подначками «экипаж» занял места и «капитан», нажав на клаксон, дал команду «Отчаливать». Машина медленно тронулась и начала спуск с горы. Минуты через две Чарльз чертыхнулся: «Да что это там катается под ногой», — и наклонившись в правую сторону начал шарить рукой около своей, как он говорил, «полуправной» ноги.

«Эй, эй, осторожней», — обеспокоенно, но тихо обронил Генри, заметив, что, наклоняясь вправо, Чарльз одновременно крутнул руль в ту же

сторону. Но было уже поздно. В долю секунды автомобиль оказался на самом краю обрыва. Чарльз скинул ногу с педали газа, что для него всегда было непросто, и перекинул рычаг передачи скорости на «нейтралку». Все почувствовали, что правое колесо тяжелой машины, с хрустом обламывая кромку горной породы, потеряло опору. Машина «клюнула» вбок и вниз, продолжая медленно сползать с дороги. У всех перехватило дыхание. На мгновение «Ровер 9» замер.

«Друзья, не шевелитесь. Чарли, попробуй медленно включить заднюю скорость. Только, ради Бога, минимум движения. Я попробую перелезть на багажник, на его левую сторону». Скольжение машины возобновилось.

«Стой, Генри. Это не поможет. Сейчас делай то, что я скажу: подними Мэй на руки и посади на самый край багажника», — Чарльз говорил медленно, осторожно дыша, словно резкий вздох мог поколебать машину. «Потом перелезай на край сам, — может быть это уравновесит машину. Я перелезу на левое сиденье и открою дверь, и, когда вы спрыгнете... по моей команде..., я выпрыгну в сторону».

«Нет, Чарли, нет», — пришла в себя от шока Мэй. «Ты не сможешь с твоей но... ты не успеешь».

«Молчи, Мэй. У нас всего несколько секунд. Я открою дверь, это увеличит вес слева. Генри, бери Мэй на руки. Мэй, умоляю, молчи..., иначе все мы погибнем. Ты готов, Генри? Сейчас я открою дверь, а вы перелезайте на край... Готовы? Пошли, Генри, друг!»

Услышав щелчок дверного замка, Генри рывком перебросил тело через спинку сидения на край багажника, держа Мэй на руках. Машина колыхнулась и поползла в пропасть, задирая свой зад над краем дороги.

«Прыгай, Чарли, прыгай!» — разом прокричали Мэй и Генри, который с силой оттолкнул женщину от себя, повисая на заднем бампере, словно надеясь удержать автомобиль своим весом. Машина поднялась вертикально и рухнула вниз, увлекая за собой и Чарльза, и Генри, который все еще цеплялся за неё. Последнее, что услышала Мэй, был нечеловеческий крик Чарльза: «Прощай, Мэй..й..й..й». Теряя сознание, она увидела, как тело Генри, подброшенное бампером, упало за машиной вслед.

Когда Мэй пришла в себя, она увидела совсем близко около своего лица незнакомое лицо пожилого китайца. На голове человека была форменная фуражка дорожного полицейского.

«Мадам, мадам очнитесь, пожалуйста. Что случилось? Почему вы одна на дороге? Что случилось?»

Мэй со стоном попыталась подняться, но снова бессильно опустилась на землю. Все тело ломило, в голове стоял туман и сильный звон. «Чарльз!» — вспомнила она и снова потеряла сознание.

Вновь она пришла в себя от резкого запаха нашатыря. Кто-то держал около её лица склянку с лекарством. Мэй резко отдернула голову. От этого движения затылок прострелила жгучая боль. Мэй застонала. Сквозь застилающую глаза пелену она с трудом разглядела группу людей в белых врачебных халатах.

«Откуда здесь врачи? Что происходит?» И вдруг она вспомнила все: скользящую в пропасть машину, Чарльза сидящего за рулем и искаженное от усилий лицо Генри, в последний момент отбрасывающего её с багажника уже падающей машины на дорогу, и страшный крик мужа. Еще она увидела, как Генри цепляется двумя руками за бампер, пытается удержать машину на дороге, и потом взлетает в воздух. Мэй закричала. По её телу пробежала судорога, и она забилась в истерике: «Они там. Оба», — кричала она, указывая на пропасть.

«Успокойтесь, мадам. Мы уже знаем. Мы ищем их. Успокойтесь, мадам».

Санитары окружили женщину и, уложив её на носилки, понесли в машину. «Нет, нет, не хочу! Оставьте меня! Там Чарли, там Генри! Оставьте меня, прошу вас! Господи! Чарли!»- и снова тьма накрыла её.

Придя в себя, Мэй долго рассматривала потолок и стены комнаты, с трудом осознавая, что это больничная палата. Скопив в сторону глаза, она увидела отца, сидящего рядом с кроватью на табурете. Он сидел, закрыв глаза. Голова его мелко тряслась старческой дрожью. Под глазами черные круги. Отец дремал. Мэй осторожно пошевелилась, чтобы не потревожить его. Сетка кровати скрипнула. Отец вздрогнул и открыл глаза.

«Бедная моя девочка», — прошептал он, увидев её открытые глаза: «Бедная Мэй». Глаза его наполнились слезами, дыхание прервалось.

«Папа, папочка. А что с ними? Что с Чарльзом и...»

В это время дверь в палату распахнулась, и вошел мужчина в халате, видимо, врач. За ним вошел полицейский с халатом, наброшенным на плечи.

«О, мадам Чанг пришла в себя. Как вы чувствуете себя, мадам? Простите, к вам пришли из полиции. Я пытался им объяснить, но им нужно задать вам всего несколько вопросов. Вы сможете ответить на них, мадам?»

«Да, смогу», — еле слышно прошептала Мэй, — «если это очень нужно».

«Это очень важно», — вступил в разговор полицейский: «я постараюсь не утомлять вас».

«Надеюсь, я могу остаться при разговоре?» — утверждающе спросил отец Мэй.

«Да, если вы настаиваете, а ваша дочь не возражает».

«Только сначала выпейте эту микстуру», — попросил врач, поднося к губам Мэй склянку с лекарством. В палате запахло валерьянкой и еще какими-то травами. Мэй послушно проглотила горькую настойку и бессильно откинулась на подушки. Полицейский деликатно помолчал, давая ей время собраться с силами, полистал свой блокнот и, вопросительно взглянув на отца, повернулся к Мэй.

«Еще раз простите нас, госпожа Смит. Что случилось у вас на дороге?»

«Мы только поехали после остановки», — машина почему-то свернула в сторону обрыва. Чар..., мой муж пытался вывернуть руль, но что-то мешало ему под ногой. Он что-то искал. Потом машина зависла над обрывом и Генри, извините, сэр Генри предложил перелезть на багажник».

«А где сидел господин Генри в этот момент? Он не мог нечаянно помешать вашему мужу?»

«Как помешать? Он сидел рядом со мной на заднем сидении».

«А почему не рядом с водителем?»

«Не знаю. Муж предложил ему пересесть, потому что начинался спуск с горы».

«Понятно, спасибо. А что он делал дальше?»

«Кто? А, Генри. Чарльз попросил его посадить меня на багажник. Он выполнил просьбу: перелез туда, держа меня на руках. Потом, когда машина начала падать, он с силой столкнул меня на дорогу».

«А сам?»

«Сам он уцепился за бампер, и пытался..., пытался удержать эту тяжесть, но она... утащила его за собой...» Тело женщины затряслось от

сдерживаемых рыданий. «Почему вы спрашиваете? Он до конца пытался спасти Чарли, и поэтому погиб вместе с ним».

«Простите, мэм, он не погиб...»

«Как не погиб? А Чарли?»

«Наверное, ваш муж не смог выбраться из автомобиля. Глубина пропасти огромная, а потом еще был взрыв. Не знаю, сможем ли мы добраться до места падения»...

«Значит Чарли... никакой надежды», — почти кричала Мэй. «Нет, я не верю. Это невозможно. Мой Чарли. Нет».

Отец взял её за руку: «Моя Мэй, девочка моя. К несчастью это правда. Бедный наш Чарли. Ему выпала тяжелая судьба. Плач, плач, моя девочка».

«Но Генри. Вы сказали, что он не погиб. Генри — жив?»

«Да, госпожа Смит. Он упал на ветки деревьев на склоне горы. Удар все равно был очень сильный. Мы нашли его без сознания. Сейчас врачи выясняют, какие повреждения он получил. Но, главное, по вашему рассказу — он спас вам жизнь».

«Да, спас. Спас мне жизнь..., но Чарли. Мой Чарли! Господи, за что?» Мэй больше не могла сдерживаться. Рыдания вырвались наружу, сотрясая все её тело.

«Извините меня. Спасибо вам. Вы разъяснили нам все. Поправляйтесь, мадам. Я знаю, что у вас двое детей. Надо жить ради них. Еще раз простите. Примите наши соболезнования. До свидания, господин Чанг».

Только через несколько дней силы вернулись к Мэй. Отец все дни не отходил от постели дочери. Наконец, она захотела встать. Опираясь на руку отца, осторожно переставляя дрожащие ноги, прошлась по палате. Подошла к окну, за которым пышным разноцветьем царила поздняя осень. Потом вышла в коридор. Еще через день, вернувшись с короткой прогулки в сад, она вдруг обратилась к отцу: «Папа, а как сэр Генри? Что с ним? Где он сейчас».

«Он лежит через одну комнату... Но, по-моему, он еще очень плох. Он настоящий друг вашей семьи. Для меня он просто герой — он спас тебя. Он не думал о своем спасении... он спасал тебя. Достойный молодой человек».

«Папа, папуля мой, его нужно спасти... Он должен жить. Ты понимаешь меня?»

«Успокойся, Мэй. Я пригласил лучших врачей. Завтра они соберутся на консилиум. Вообще, местный врач сказал мне, что угрозы для жизни нет, но нужно залечить все ушибы и выяснить, не отбил ли он себе что-нибудь внутри. Ну, какой-нибудь орган. Мэй, доченька, ты должна лежать и сохранять спокойствие. Ну..., насколько это возможно. Поверь мне, я позабочусь обо всем остальном. Ты мне веришь?»

«Папулька мой! Кому же мне верить, как не тебе. Спаси его, папа?»

Время летело незаметно, и Мэй уже не смогла бы сказать, сколько дней она провела в больнице. Однажды, когда отец «отпросился» у неё на несколько часов по делам, она осторожно вышла в коридор. В нем было полутемно и пусто. Осторожно, словно боясь кого-нибудь разбудить, женщина подошла к двери, за которой по её расчетам лежал Генри. Дверь, как и все двери в больнице, оказалась скрипучей. Мэй, затаив дыхание, отодвинула её в сторону и прошмыгнула в палату. Комната была освещена слабым пламенем свечи, издававшей тонкий аромат горных лечебных трав, запах которых Мэй помнила с детства. Единственная кровать стояла почти у окна. Лежавший на ней человек дышал шумно и прерывисто. Мэй показалось, что в груди его что-то булькает и клокочет. Подойдя ближе, она заметила, что рот лежащего был закрыт гигиенической маской. Но по бровям и высокому лбу Мэй узнала Генри, несмотря на глубоко запавшие глаза, окруженные черными подглазницами. Очередной хлюпающий вздох заставил её бессильно опуститься на край постели. Руки Генри лежали поверх одеяла, подрагивая в такт с дыханием. Мэй осторожно взяла в свои руки его прохладную, влажную кисть. «Держись, пожалуйста, держись, мой спаситель. Господи, зачем ты рисковал из-за меня? Зачем мне теперь жить? Прости, прости меня, я очень благодарна тебе. Благодарна из-за детей и... и из-за отца». В порыве чувств Мэй прижалась щекой к руке Генри, потом поцеловала её. Она больше не могла сдерживать слезы и принялась плакать, тихонько всхлипывая, чтобы не разбудить больного.

Потом, каждый вечер она отправляла отца в гостиницу отдыхать, а сама осторожно пробиралась в палату Генри и подолгу сидела на краю его постели, держа его руку в своих руках. Она замечала, что дыхание Генри становилось все более бесшумным и ритмичным, а рука становилась сухой и теплой. Единственное, чего ей не удавалось, так это сдерживать слезы. Близость Генри напоминала о Чарли, об огромном, непоправимом горе, постигшем её так скоро, после его неожиданного возвра-

щения откуда-то из небытия. Она беззвучно плакала, роняя слезы на руку друга, так сильно пострадавшего из-за неё. Ей было бесконечно жаль себя, своих детей, отца Чарли и очень жаль лежащего рядом Генри, поэтому часть её слез были адресованы ему. Врачи говорили, что механических повреждений внутренних органов у него нет, но сильный удар вызвал какие-то нарушения, которые, по их мнению, должно залечить время.

Однажды, рано утром она услышала разговор врачей под дверями её палаты. Они обсуждали состояние здоровья Генри, и она поняла, что ночью он пришел в себя. С огромным нетерпением Мэй дождалась вечера и отправилась своим обычным путем. Генри как всегда, лежал на спине, закрыв глаза.

«Генри, сэр Генри», — прошептала она, удивленная тем, что он не услышал её шагов. Ресницы лежащего дрогнули, веки немного приоткрылись. Мэй молча стояла около кровати, понимая, что Генри, наверняка, еще ничего не видит. Она терпеливо ждала. По трепетанью век она догадалась, как трудно ему полностью открыть глаза. Неожиданно в коридоре послышались чьи-то шаги. Мэй метнулась к двери и замерла около неё, боясь, что кто-нибудь войдет в палату. Но, к счастью, шаги удалились. Мэй повернулась к кровати и замерла от испуга, — на неё широко открытыми глазами смотрел Генри.

«Сэр...» — пролепетала женщина, и вдруг бросилась к кровати.

«Генри, дорогой Генри. Вы видите. Вы пришли в себя», — силы оставили её. Мгновенно возникшая слабость заставила её опуститься на край постели. «Генри... Генри, — сквозь рыдания бормотала она. Потом, как всегда, взяла его за руку и прижалась к ней губами. Генри издал тихий стон, и слабым движением попытался оторвать свою руку от лица женщины. Но она не отпускала её, продолжая покрывать поцелуями.

«Мадам Мэй», — все также тихо прошептал Генри: «не надо, что вы делаете?»

Пытаясь разобрать его слова, Мэй передвинулась ближе к головной спинке кровати. Неконтролируемые рыдания со стоном вырвались из неё, и она, заглушая их, припала головой к груди больного, судорожно сминая края простыни в своих руках.

Дыхание Генри вновь стало хриплым. С каждым вдохом грудь мужчины высоко вздымалась, поднимая и опуская голову женщины. С ог-

ромным усилием, исказившим его лицо, он поднял руку и бессильно опустил, почти уронил её на голову Мэй. У него не было сил, чтобы погладить её. Он только слабыми движениями пальцев перебирал пышные пряди её волос. Она замерла от этой неожиданной ласки, по-прежнему прижимаясь щекой к его груди.

Боясь испугать Генри, Мэй лежала неподвижно, и вдруг неожиданно, но очень отчетливо поняла, что, после её отца и сыновей, у неё нет человека ближе, чем он.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

«Я снова достала мой дневник. Однако в течение нескольких дней не смогла написать ни одной строчки. Перо отказывалось подчиняться мне, словно позабыв, как пишутся слова. Тогда я подумала, что неправильно и грешно доверять бумаге свои переживания, свою внутреннюю боль, о которой я никому ничего не могу рассказать. Через несколько дней я, однако, поняла, что должна это сделать, каких бы усилий с моей стороны это ни стоило. Должна, потому что это нужно мне самой. Я больше не могла хранить это в себе. А кому рассказать? Никто не любил Чарли так, как я. Наверное, никто не знал его так, как я. Ни для кого он не составлял весь смысл жизни, был неотделимой частью этой жизни. Я ощущала, что меня лишили не просто половины, а чего-то гораздо более важного. Какой-то сердцевины. Жизнь казалась совершенно пустой и бессмысленной. Мне стыдно признаваться в этом, но даже сыновья, оставшиеся где-то на другом конце земли, не заполняли этой пустоты. Я уверена, когда мы вновь будем вместе, они станут потерянной сердцевинной. Но пока мы далеко друг от друга.

Оторванная от родных, от домашних и служебных дел, я столкнулась с проблемой свободного времени. Вернее, не свободного, а незанятого. У меня появилась возможность просмотреть всю свою, в общем-то, недолгую, жизнь. Просмотреть шаг за шагом, день за днем, год за годом. Просмотреть для того, чтобы найти причину свалившихся на меня несчастий. Какую заповедь мы с Чарли нарушили? Кому я перешла дорогу? За что у меня отняли самое дорогое? Может быть, людям не отпускается счастья в таком количестве, и оно досталось нам незаслуженно? Чем больше я думала, тем чаще приходила к мысли, что мы не присвоили себе чего-то чужого. Мы просто стали жертвой человеческого несовершенства. Жадность и жестокость людей были причиной нашей трагедии. Жестокость и жадность, которые сумели сохраниться даже при достижении значительных успехов в культуре и технике. Более того, они стали еще изощреннее. Именно эти успехи явились причиной ог-

ромных несчастий. Я недавно прочитала в британской газете, что прошедшая война, которую окрестили «первой мировой», унесла тридцать миллионов жизней. Вдумайтесь, «первая мировая война»! Это что же, значит, будет и вторая, и третья? Сколько же несчастий они принесут людям? «Спаси нас, Господи! Спаси и помилуй!»

Сейчас я стою у окна и смотрю в сад, на другом конце которого, в больнице страдает Генри. Через полчаса я пойду туда, и мы будем гулять по дорожкам, страдая вместе. Каждая встреча, — это напоминание о Чарли, а значит — новые страдания. Только теперь уже за двоих: я переживаю смерть мужа и сопереживаю боль и муки Генри. Тем не менее, в этих гуляниях есть что утешительное. Может быть, стыдно так чувствовать, но Генри «забирает» часть моей боли на себя. А потом он так сильно напоминает мне Чарли, но того, довоенного.

Все. Пора идти. Какой все-таки чудесный у меня отец. Это он сообразил купить для меня этот дом рядом с больницей. Он понял, что я не смогу оставить Генри здесь одного. Я буду рядом с ним, пока он не поправится полностью. Пока мы не сможем вместе уехать отсюда домой, в Англию.

Ну, вот, написала это и задумалась: «А есть ли у меня дом в Англии? Да, родственники Чарли приняли меня в свою семью. Но теперь, когда его нет... Может быть, кто-то из них обвиняет меня в его гибели? Господи, помоги мне! А дети? Мои мальчики? Наверное, для них домом может стать и Китай... Хотя, вряд ли. Они — англичане, воспитаны как европейцы, учатся в английской школе. Имею ли я право менять всю их жизнь? Даже хочу ли я этого? И потом их отец. Вот и опять я вспомнила эту запретную тему. А ведь я уверена, что Генри никогда не воспользуется своим правом и не поднимет этот вопрос, ни при каких обстоятельствах. Признаюсь себе — я все время ищу черты Генри в лицах сыновей. Вот когда они вернулись после летних каникул, перед самым нашим отъездом, я заметила в выражении их лиц что-то неуловимое общее с отцом. А, может быть, мне это только привиделось.

Теперь уже, действительно, ставлю точку, а то Генри будет волноваться».

Генри, как обычно, встречал Мэй на скамье, стоящей под развесистыми дальневосточными соснами, которые, в отличие от своих европейских и сибирских родичей, больше росли вширь, чем ввысь. Их могучие, похожие на стволы мелких деревьев, ветви уходили от самого

дерева почти под прямым углом параллельно земле, образуя непроницаемый для солнечных лучей полог. Под ним всегда было прохладно и уютно, а их терпкий смолистый запах наполнял воздух. Оздоровительное воздействие такого воздуха китайские медики заметили еще в доисторические времена, и предписывали его практически всем больным, проходящим восстановительный период болезни. Мэй шла быстро, с удовольствием вдыхая терпкий воздушный бальзам, щеки ее покраснелись, высокая грудь возбужденно вздымалась и опускалась. Генри откровенно любовался женщиной, которая, несмотря на осунувшееся лицо и темные круги под глазами, оставалась поразительно красивой. Только противная слабость и постоянное головокружение мешали ему вскочить на ноги и броситься ей на встречу. Как он рад её приходу. Ему казалось, что без этих встреч его жизнь бессмысленна. Тем не менее, он встретил её нарочитым ворчанием, усиленным тяжелым, прерывистым дыханием: «Дорогая мадам Мэй, я всегда с нетерпением жду вашего прихода, но зачем так спешить. Вон как вы запыхались. Вы еще так слабы. Обещайте мне быть благоразумной и беречь себя. Здравствуйте, здравствуйте, моя целительница».

Генри, целуя руку, внимательно взгляделся в её лицо: «Что-нибудь случилось, мадам? Вы очень взволнованы?»

«Нет, ничего. Просто мысли...» — успокаивающе объяснила Мэй, осторожно, но настойчиво освобождая свою руку.

«Мысли, мысли. Наверное, это удел всех лежащих в больнице. Много свободного времени, — вот и думаем без начала и конца. А ведь индийская йога учит, что пустая голова — залог расширения сознания», — с сожалением отпуская её руку, пытался развлечь собеседницу Генри.

«Как-то странно у йогов получается: чтобы расширить сознание, которое в нашем представлении связано с мыслями, нужно голову освободить от них», — подыграла ему Мэй.

«Да, причем любых мыслей, даже самых благородных».

«И это возможно?»

«Возможно для тех, кто этого хочет больше всего на свете. Это «успокоение разума» начало на пути просветления, духовного роста».

Разговоры на отвлеченные темы были интересны для Мэй, но не могли надолго отвлечь её от душевной боли, которая пропитывала все её существо.

«А что говорит йога о человеческой греховности? Можно ли избежать её? Нет, не это. Меня больше интересует, что она говорит о воз-

возможности человеческого счастья. Какую цену нужно заплатить за него? И под силу ли человеку её оплатить?»

«Простите меня, мадам Мэй, но разве существует для вас какой-нибудь предел цены за любовь? Разве вы не готовы все отдать за то, без чего жизнь теряет смысл? Я бы даже сказал больше, — без чего вообще не может быть жизни».

«Но если без любви не может быть жизни, почему же на её пути встает так много препятствий? Почему так много людей проходит по жизни, так и не узнав любви?»

«Я боюсь, что мой ответ расстроит вас. Обещайте мне, что примете его как чисто философскую точку зрения, не имеющую ничего общего с бедой, которая пришла к вам».

«Я постараюсь».

«Только давайте немного пройдемся. Я так много сижу, а еще больше лежу, что весь мой скелет протестует против такого образа жизни».

«Видите ли, мадам Мэй», — продолжил Генри, когда они медленно двинулись по дорожке сада. Воздух со свистом выходил из его легких, что заставило Мэй пожалеть о заданном вопросе. Все таки её собеседник был очень болен. Но Генри отказался вернуться в палату, хотя и позволил себе опереться на руку женщины, которую она предложила ему.

«Религия и религиозная философия считают, что любовью людей одаряет сам Бог. Но темные силы, подобные падшему ангелу Сатане, вмешиваются в отношения между Богом и человеком. Они предлагают ему заменить любовь сексом, который не требует от него такой самоотдачи, даже самоотречения, доставляя больше сиюминутного удовольствия. Когда же на их пути встречается настоящая любовь, они изобретают более жестокие препятствия. Об этом Петрарка давным-давно сказал так:

*«Так вижу я: самих богинь сильней
Царица Смерть! И им грозит могилой!
О, как легко чарует нас обман!
Не верил я, чтоб тех очей светила,
Те солнца два живых, затмил туман, —
Но черная земля их поглотила.
«Все тлен!» — поет нам боль сердечных Ран, —
Все, чем бы жизнь тебя не обольстила».*

Почувствовав, что тело Мэй задрожало от сдерживаемых слез, Генри вновь со свистом выдохнул воздух и, остановившись, заглянул ей в лицо.

«Простите, Мэй. О... мадам Мэй. Я некстати вчера вспомнил эти стихи. Но вы сказали..., что... вы постараетесь ... Что поделаешь, к огорчению людей, существует факт, перед лицом которого особенно явной становится внутренняя немощь, даже бессилие человеческой любви. Этот факт — смерть. Тут темное и таинственное побеждает свет, который несет любовь».

«Простите меня, сэр Генри. Это было очень неожиданно. Я должна смириться с этим фактом, — фактом смерти в нашей человеческой жизни. Я должна преодолеть страх перед ней. И что же, для любви спасенья нет?»

«По-моему, поэт ошибался. Поэтам свойственно преувеличивать. Если бы это было так, то люди бежали бы от любви, как от огня, а они ищут её. Кроме того, все религии, даже те, в которых Бог бывает очень жестоким, утверждают, что Бог — это Любовь. Он просто в принципе не может быть чем-то другим. Но человеку нужно быть очень продвинутым, чтобы полностью принять и вместить её».

«Вы имеете в виду «вместить любовь?»

«Именно её. А вместить её — это значит, что любовь должна стать мировоззрением человека. Вся его жизнь должна быть посвящена её поиску и сохранению, потому что она — дар Божий. Наверное, это очень тяжелая задача — жить ради любви и для любви. Хотя, возможно, я и неправ. Женщины не только готовы, но очень часто живут любовью. Мы, мужчины, существа более грубые и приземленные: у нас работа на уме, да и удовольствия разные. Как правило, выражаясь религиозным языком, плотские удовольствия».

Генри замолчал, полез в карман, как догадалась Мэй, за сигаретами.

«Нет, нет, никаких сигарет. Вам абсолютно нельзя курить».

«Да я знаю. Это я так, по привычке. По привычке к этим самым плотским удовольствиям», — грустно пошутил он.

Они продолжали прогулку молча. Генри клял себя за неуместную цитату, которая явно расстроила женщину, и пытался найти способ отвлечь её от тяжелых мыслей. Но неоспоримая правда, высказанная Петраркой, огорчила и его самого. То, что раньше казалось лишь спорной теорией, теперь, в их трагичной ситуации казалось неоспоримой

жизненной правдой. Смерть Чарльза утверждала её истинность. Наконец, он нашелся:

«Неправда, что смерть — враг любви. Смерть — это часть естественного цикла. Йога, например, верит в жизнь после смерти и в реинкарнацию, то есть, в воскрешение. Если согласиться с этой теорией, то смерть есть отдых души от тяжелой нравственной работы в течение земной жизни, для того, чтобы подготовить к новому этапу этой работы в новой земной жизни. Насколько я понимаю эту философию, любовь — именно та часть духовного совершенствования, которая не умирает вместе с физическим телом, а вместе с душой совершает круг рождения, смерти и воскрешения. Любовь составляет сердцевину человеческой души, если не всю душу».

Генри снова замолчал, и по его утомленному виду Мэй поняла, что он сильно устал.

«Все, все, сэр Генри, на сегодня достаточно. Вам полезно гулять, но хорошего понемногу. После обеда спать, а на вечер я принесла некоторые книги, из тех, что вы просили. Остальные папа найдет в пекинской библиотеке или у своих друзей».

«Пожалуйста, передайте господину Чангу мою глубочайшую благодарность. Я доставляю ему столько беспокойства».

«И думать об этом перестаньте. Пожалуйста, сэр Генри. Он бы обиделся, если бы узнал, что вы сожалеете о своих маленьких просьбах. Папа хочет быть вашим другом, а дружба в Китае значит гораздо больше, чем у вас, европейцев. Впрочем, ... вы с Чарли были исключением...»

* * *

«Мне нравится твоя идея, моя умница. Мы должны помочь сэру Генри. Врачи не могут найти причину его плохого самочувствия: видимых повреждений нет, но он действительно очень болен. Может быть, монахи помогут нам. Я постараюсь через моих друзей договориться о встрече с наиболее известным монахом. А ты пока не оставляй больного одного и постарайся как-то развеселить его. Прости меня, дочурка, я знаю, как тебе самой тяжело. Но нам нужно держаться всем вместе, помогая друг другу. Так всегда бывает в беде».

Через несколько дней отец сообщил Мэй, что встреча назначена на четверг следующей недели, и им нужно собираться в дорогу.

«Монастырь достаточно далеко, — дорога займет не менее двух дней. Придумай что-нибудь для Генри, чтобы ему не показалось, что ты навсегда

оставила его одного. Да, вот еще что: нужно взять с собой какую-нибудь личную вещь Генри и, если возможно, его фотографию. Не забудь, пожалуйста».

«Не забуду, папулька. А фотография у меня есть, только на ней они вдвоем с Чарли», — почти заплакала Мэй, но потом взяла себя в руки. Может, мне разрезать её».

«Нет, не надо. Возможно, Чарли не помешает на фото, а у нас появляется шанс задать вопрос и о нем. Понимаешь?»

«Да, папа. Только я не понимаю, как они работают, как получают информацию».

«Вот и посмотрим, как это происходит. Я видел одного колдуна, но это было очень давно, еще в мое детство. Я практически ничего не понял, а поэтому ничего и не запомнил. Помню только, что колдун вылечил мою бабушку».

* * *

Весь следующий день Мэй ломала голову над тем, как объяснить Генри свое будущее отсутствие. Наконец, решила ничего не придумать, а просто сказать, что она сама должна показаться врачу, который живет на севере Китая. Генри нисколько не удивился, напротив, даже чему-то обрадовался, чем изумил Мэй. Заметив реакцию женщины, Генри вынужден был объяснить:

«Конечно же, мне будет очень недоставать ваших визитов и наших бесед, но я рад, что вы, наконец-то, вспомнили о себе. Специалист поможет вам освободиться от нервного груза, подлечит нервы и вернуть способность радоваться солнцу, детям, цветам..., жизни вообще».

Пока автомобиль отца двигался по улицам города и его пригорода, Мэй не почувствовала никакого дискомфорта. Водитель был опытный, давно работал в компании, и хорошо знал привычки хозяина. Но как только равнинная местность сменилась на холмистую, и Мэй могла не только чувствовать, но и видеть спуски и подъемы, её охватила тревога, которая довольно быстро переросла в страх перед ними. Крутые виражи, несмотря на невысокую скорость, приводили её в ужас. Она стара-

лась не выдавать своего состояния и даже закрыла глаза, словно бы в дремоте. Но своего отца она не могла обмануть. А, возможно, необычная бледность, разлившаяся по лицу, выдала её.

«Дочурка, тебе что, нехорошо?» — услышала она встревоженный родной голос. Мэй попыталась отрицательно покачать головой и улыбнуться, но на её губах вместо улыбки появилась только слабая гримаса.

«Мне немного страшно», — призналась она: «это, наверное, после того случая».

«Я все понял, хотя мог бы подумать об этом и раньше», — с досадой на себя пробормотал отец и добавил: «Сейчас мы что-нибудь придумаем».

Остановись в первом же селе и узнай, где мы можем найти конную коляску», — приказал он водителю. Тот понимающе кивнул, и уже через каких-нибудь полчаса разговаривал с полицейским на улице небольшого городка.

«Босс, через час мы будем в центре провинции и сможем нанять экипаж».

«Извини меня, пожалуйста, папочка», — смущенно прошептала Мэй, — «Все эти проблемы из-за меня».

«Все хорошо, доченька. Просто я, старый, опытный человек должен был подумать о такой возможности. Потерпи немного. Скоро мы пересядем в коляску, и наше путешествие станет намного приятнее. Спешить нам некуда. Не обижайся, мой старый друг и помощник», — обратился он к водителю. «Я не хотел обидеть твой шикарный лимузин».

Тот согласно покачал головой, и, хотя, он не сказал ни слова, было видно, что извинение хозяина ему приятно.

Ехать в мягкой пароконной коляске было совсем не страшно, но очень медленно. На второй день путешествия Мэй почувствовала во всем теле сильную усталость, которую не могла устранить, как бы не старалась менять положение. К её удивлению, отец легко переносил дорожные тяготы и не выказывал ни тени неудовольствия. Мэй не возражала бы прервать поездку и провести день-другой в хорошей гостиничной постели, но мысли о Генри заставляли её терпеть. «Как она может так распускаться? Генри ждет её возвращения. А, главное, есть надежда помочь ему выбраться из этой ужасной болезни. Нет, вперед, только вперед».

Во время перерыва на обед кучер объяснил господину Чанг, что сейчас начнется подъем на гору, на которой находится нужный им мона-

стырь. «Думаю», — добавил он, выразительно глядя на небо, — «к вечеру, если ничего не случится, будем на месте».

Так же, как и в других странах, в Китае монастыри строились в самых живописных, хотя и отдаленных местах. Тишина, покой и чистый воздух были обязательными условиями для успешной медитации. Мэй, конечно же, знала все это, но даже её поразила открывшаяся её взору картина. Поразила, но восторга не вызвала: ещё слишком свежа была в памяти другая, столь же восхитительная панорама, а затем спуск и...трагедия. Нет, не трагедия... конец всему, конец её жизни... Мэй сжалась в комочек в углу экипажа, стараясь ровным и глубоким дыханием, сдерживать рыдания. Отец деликатно делал вид, что ничего не замечает, хотя его напряженная поза свидетельствовала о сильнейшем переживании за дочь.

По сигналу гонга в небольшую дверцу сбоку ворот не вышел, а буквально просунулся монах, традиционно одетый в красную хламиду.

Выслушав отца Мэй, монах согласно закивал головой, и снова нырнул в калитку, только во внутрь ограды. Спустя несколько секунд, одна из створок ворот дрогнула и отъехала в сторону, пропуская гостей.

Почти сразу же за воротами, через какие-нибудь двадцать метров от них, начиналась довольно широкая лестница, круто поднимающаяся в густые заросли молодого бамбука. Учитывая возраст отца, Мэй поднималась медленно, внимательно глядя под ноги. К её удивлению лестница не кончалась на третьей площадке, которая была видна снизу, а резко поворачивала вправо, и снова круто понималась в густую зелень. Путники осилили еще три пролета и обессиленные остановились на шестой площадке, перевести дух. Повернувшись назад, они буквально замерли в восхищении. Прямо напротив монастыря, через широкое ущелье возвышалась остроконечная гора, увенчанная острыми гранями скалистых пород, настолько правильно, через равные промежутки обрамлявшими главный пик, что вершина казалась произведением искусного архитектора. Само ущелье густо поросло вечнозелеными кустарниками, бамбуком и азиатской акацией. Дна ущелья не было видно, но казалось совершенно очевидным, что по нему бурно несется горный поток. Совершенно безоблачное небо своей голубизной только подчеркивало острые грани вершин.

Внезапно что-то тяжелое и твердое ударилось о доски настила и отлетело в сторону, недалеко от ноги Мэй. Все трое одновременно подняли

головы и рассмеялись. На толстой ветке сосны сидело несколько обезьянок, одна из которых уже запустила в женщину шишкой и готовилась повторить попытку. Монах крикнул животным что-то странное, гортанное и немного шипящее. К удивлению гостей, обезьяны «вспорхнули» с ветки и умчались куда-то вверх дерева.

«Вы что-то сказали им?» — не сдержал удивления господин Чанг. Монах смущенно улыбнулся, но подтвердил: «Я сказал им, что вы наши гости».

Еще через несколько поворотов Мэй, наконец-то, увидела позолоченные колонны храма, по всему периметру поддерживающие крышу, украшенную деревянной резьбой. Монах ударил в кованый медный гонг, предупреждая всех жильцов о приходе гостей. Двери храма открылись и несколько монахов вышли им навстречу.

Дальнейшее Мэй не запомнила. Четкость восприятия вернулась к ней, только когда они оказались перед настоятелем монастыря, известным на весь Китай целителем и предсказателем.

Очень пожилой монах, сидящий в позе Будды, наклоном головы ответил на их глубокий поклон. За его спиной возвышалась скульптура самого Просветленного с традиционной легкой улыбкой на устах. За Буддой находилось многорукое буддийское божество. Справа от них было что-то напоминающее христианский иконостас, наполненный кувшинами, светильниками, маленькими гонгами, статуэтками Будд вместо икон.

«Что же привело к нам, скромным служителям храма, столь прекрасную незнакомку?» — обратился настоятель прямо к Мэй, словно зная наверняка, что именно она нуждается в помощи, а не её старый спутник: «О вашем больном друге мы поговорим после», — продолжил он, даже не дав Мэй ответить на заданный вопрос.

Пораженная женщина не знала, что ей сказать этому всезнающему человеку. Отец поспешил ей на помощь: «Большое несчастье стало причиной нашего визита».

«Да, горе коснулось всей вашей семьи, и еще одной, там далеко за морем. По вашей ауре я вижу, как глубоко вы страдаете, но, прежде чем я отвечу на ваши вопросы, я хочу дать совет вашему близкому родственнику, скорее всего, вашему отцу. Вам нужно быть осторожным в ваших финансовых делах, — обратился монах к Чангу: «но предложение, сделанное вам молодым человеком, которого уже нет среди живущих, и ко-

торый был так дорог вашей дочери, можно и нужно принять. Это честное и чистое предложение. Да и вот еще что: попейте травяной чай, рецепт которого вам сейчас даст мой молодой помощник, а вот с дочерью мы побеседуем вдвоем. Пусть женские тайны останутся между нами».

Закончив, он прощально помахал господину Чангу рукой, и тот, растерянно взглянув на дочь, послушно пошел за молодым монахом, которого настоятель назвал своим помощником.

«Ты, девочка, так сильно и искренне переживаешь за своего мужа, жалея его и думая, что ему сейчас плохо. Поверь, ему лучше, чем тебе. Еще один земной круг его кармы закончен. Да и себя жалеть не надо. Этим ты только мешаешь мужу обрести покой в месте, которое он заслужил при жизни, и лучше подготовиться к новому кругу. Не бойся, вы еще встретитесь где-нибудь на другом уровне существования, причем именно ты будешь определять, как скоро это произойдет. Твоя карма состоит из более мягкого и благородного материала, чем карма мужа. Твоя аура чиста, а её цвет говорит о высоком духовном развитии. При желании ты могла бы давать мне советы, а не спрашивать их у меня. К сожалению, ты еще закрыта, но все впереди.

Твой третий глаз почти полностью сформировался».

Пораженная Мэй сидела на коленях, молча слушая не всегда понятные слова настоятеля.

«Твоя скорбь должна пройти. Она мешает тебе и твоим близким. Тебе предстоит многое открыть и многое узнать о сути жизни, о всеобщей связи всего сущего, о колесе судеб и задаче твоего сознания в данном воплощении, а скорбь пригвождает тебя к земле, мешает выйти в легкое тело.

Отбрось, преодолей ложные страдания, отдайся своему внутреннему голосу, иди за ним, и ты познаешь истину. Ты — редкое воплощение космического женского начала в земной жизни».

Настоятель помолчал и неожиданно простым будничным голосом спросил:

«Ты пришла ради отца твоих детей?»

Мэй почувствовала, что у неё закружилась голова. Её охватил безотчетный ужас. Она чувствовала, как взгляд монаха проникает внутрь её мозга, что-то рассматривает в нем, даже что-то меняет местами. Потом, также внезапно, ужас прошел, сменившись спокойствием и давно уже забытой тихой радостью. Все тревоги, не оставлявшие её все последние

годы, куда-то исчезли. Её больше не удивляло и не пугало, что этот старый незнакомый человек знает о ней практически все. Она казалась самой себе маленькой девочкой из сказки, которая встретила с добрым волшебником, и он готов исполнить все её желания. Она была готова рассказать ему все свои тайны. Слегка покраснев под его пристальным взглядом, Мэй тихо подтвердила:

«Да, он отец моих детей, но Чарльз знал об этом и сам просил Генри о помощи».

Её не смущало, что она называет имена, которые, наверняка, ничего не значат для «старого волшебника» и могут запутать его. Но тот лишь согласно покивал головой, не отводя своих пронзительных глаз от её лица. Мэй физически чувствовала прикосновение его взгляда где-то в середине лба, между бровей. Тревога снова взметнулась в её душе, но тут же исчезла, уступив место вновь приобретенной тихой радости.

«У нас с Чарли не могло быть детей», — объяснила она, и настоятель вновь понимающе покивал головой и спросил:

«Твой друг очень болен, так ведь?»

«Он упал на деревья с большой высоты, когда спасал меня».

Настоятель молчал, и теперь его взгляд был устремлен куда-то вглубь себя. Он словно спрашивал сам себя о чем-то и ждал ответа. Наконец, уверенно произнес:

«У него шок. Он зажал все нервы в один жесткий клубок. Его чакры сбились с правильного вращательного ритма и не пропускают достаточно тонких энергий, хотя их структура не нарушена. Ему нужно расслабиться, и организм заработает, как прежде. Он очень здоровый человек, и хороший».

«Да, очень хороший», — подтвердила Мэй, хотя настоятель не спрашивал её.

«Ему нужна помощь, но не моя. Ему поможет какая-то радость, счастливое событие или сообщение. Мне кажется, что ты можешь ему помочь... Я вижу вас рядом... почти всегда рядом... Он и сейчас очень ждет тебя...».

Мэй в смущении опустила голову. Она поняла, что монах имеет в виду, но почему-то не говорит прямо. А вдруг она ошибается? Она молчала, ожидая от настоятеля помощи. Но тот опять строго и пронзительно смотрел ей между бровей.

«Генри спас мне жизнь, — я должна спасти его», — уже как-то спокойно подумала женщина, и сама удивилась, почему эта простая мысль не пришла ей самой в голову: «Генри нужна радость, счастливое событие. Что ж она способна подарить ему эту радость».

Мэй еще не знала, как она сделает то, о чем ей говорил мудрец, невозмутимо сидящий в позе «лотоса» напротив неё, но понимала, что должна это сделать.

«Благодарю вас, ваше святейшество. Я догадываюсь, что именно вы имеете в виду. Я постараюсь».

«Я знаю, что ты сделаешь все, как надо. Ты — умница. Иди и работай над расширением своего сознания и возвращайся скорее к Просветленному. Он дарует тебе способность любви... Способность любить вновь. Помни, все земное — это лишь иллюзия настоящей жизни, майя, обман. Не забывай и о себе. Помощник даст тебе рецепт настоек и отваров нужных тебе трав».

Удивленная тем, что отсутствующий помощник будет знать, какой рецепт нужно ей дать, Мэй склонилась головой к самому полу в благодарном поклоне и, не поворачиваясь к мудрецу спиной, попятилась к двери.

* * *

После прохладного полутемного помещения храма, солнечный день показался Мэй особенно ярким, хотя пространство перед входом, частично затененное кронами деревьев, скорее напоминало ярко раскрашенную шкуру леопарда, чем площадку, залитую расплавленным золотом солнечного света. Но даже этих ярких пятен было достаточно, чтобы заставить её прикрыть глаза. Когда Мэй снова смогла видеть, она обнаружила отца и помощника настоятеля монастыря, сидящими на широкой скамье под тенистым деревом. Она направилась к ним легким, скользящим шагом. Давно она не чувствовала себя так хорошо и спокойно. Какая-то необыкновенная уверенность в том, что отныне все в её жизни будет подчинено огромной, но доброй, даже ласковой силе переполняло её душу, делало тело невесомым и послушным. Она вновь чувствовала прилив необъяснимого тихого счастья.

Заметив её появление, отец попытался броситься на встречу, но что-то в её лице остановило его. Он так и остался сидеть, устремив на

неё удивленный, но радостный взгляд. Казалось, что он увидел то, чего ожидал и хотел увидеть в её глазах. Удивило Мэй и поведение помощника: молодой монах поднялся ей на встречу и вдруг опустился на колени и склонился в таком глубоком поклоне, что коснулся лбом земли. Потом быстро поднялся на ноги и, достав из кармана хламиды листок бумаги, с полупоклоном протянул его женщине.

* * *

Весь обратный путь Мэй вспоминала каждое слово, сказанное настоятелем монастыря, пытаясь проникнуть в их смысл. Конечно, главным образом, её мысли крутились вокруг слов о необходимости доставить Генри неожиданную радость. Тогда там, в монастыре, ей показалось, что сделать это будет совсем несложно, но теперь она не могла ума приложить, как выполнить указание монаха. В целом, она чувствовала себя непривычно хорошо, даже настолько хорошо, что не заметила, как они пересели из коляски в автомобиль и помчались с одного холма на другой, смело вписываясь в крутые повороты. Отец с легкой улыбкой наблюдал за дочерью, поражаясь перемене, произошедшей с ней за какие-нибудь полчаса. Он чувствовал, что Мэй о чем-то напряженно думает, не находит решения и ждет помощи, но предпочитал подождать, когда она сама обратится к нему. И дождался.

«Папуля, я хочу рассказать тебе о том, что сказал мне настоятель монастыря о болезни Генри и о том, что может помочь ему».

Волнуясь, Мэй передала отцу почти все, что услышала от целителя и ясновидящего. Иногда она сбивалась и возвращалась к уже сказанному вновь, чтобы точнее вспомнить слова и выражения. Отец слушал очень внимательно, иногда переспрашивал, уточнял интонацию, с которой была произнесена та или иная фраза, задумчиво качал головой, потирая лоб, и снова слушал дочь. Когда она закончила, господин Чанг надолго задумался.

«Мне кажется, моя маленькая девочка», — произнес он, наконец, — «ты понимаешь, что монах имел в виду, но почему-то боишься признаться в этом. Боишься признаться даже самой себе. Я хочу помочь тебе, но и для меня это непросто сделать. Горе, которое выпало на твою долю, забывается не скоро. Если его вообще можно забыть», — с тяжелым вздохом поправил он сам себя.

«Этот груз на всю жизнь. Но сама она продолжается, а люди, попавшие в беду, начинают относиться к ней как к испытанию, преодолев которое они поднимаются на новую ступень духовного развития. Испытания, страдания — лучшее средство для этого. Ну, а жизнь должна быть прожита в любви, и никто не заслуживает её так, как заслуживаешь ты. Мое сердце разрывается от боли, когда я... прости меня, Мэй, солнышко мое». Дочь расплакалась и припала к отцовской груди. Они тихо плакали вместе. Шофер с тревогой наблюдал за ними в зеркало.

Старый господин Чанг первым взял себя в руки и своей морщинистой рукой вытер слезы с лица дочери. Выждав небольшую паузу, он продолжил разговор:

«Ты должна простить меня, моя девочка, за кажущуюся грубость, но, если я не скажу тебе прямо, как я понимаю слова мудреца, мы будем долго ходить вокруг да около, не приближаясь к истинному смыслу его слов. Кстати, его молодой помощник, очень мудрый не по возрасту человек, тоже беседовал со мной на ту же тему. Он сказал, что сущность Бога есть любовь, и именно она есть главное, что Бог дарит людям. Те, из людей, которых он одарил любовью и которые неправильно воспользовались этим даром или изменили любви, — очень несчастные люди. Они будут отрабатывать свою ошибку в течение многих земных воплощений, пока не научатся любить», — отец Мэй помолчал, словно вспоминая что-то, и добавил: «Трудно, очень трудно заслужить прощение Бога. Никому не простительно разбрасываться даром, полученным от него самого. Но есть исключения. Иногда влюбленная пара расстается, если одна из половинок её полностью меняется под воздействием жизненных обстоятельств. Темные сущности и слабость человека могут быть причиной этого изменения. Человека, поменявшего свою сущность, забирают и готовят к новому воплощению. А другая половина, невинная в распаде пары, получает новый шанс для выполнения задачи, полученной при рождении. Ей, как бы, засчитываются те страдания, через которые она проходит при расставании. Помощник сказал мне, что ты, как раз, пример такой невинной половинки пары. Видимо, со слов своего учителя, он заявил, что они давно не встречали среди людей, ведущих мирскую жизнь, женщину, которую поцеловал сам Бог. Ваша дочь, господин Чанг», — сказал он мне: «рождена для того, чтобы любить и быть любимой. Это — твое предназначение, моя дочурка. А твои страдания — плата за этот дар и за Чарли. К сожалению, ваши кармы не совпали. Вы

оба поплатились за это, но твой муж заплатил за свою карму, а ты — за его. Таков закон любви: и радость, и беды пополам. Но это ты безропотно взяла на себя его долю, поэтому монах и попрощался с тобой таким же поклоном, какой он отдает своему учителю. Сначала я был удивлен его поступком, а теперь я понял все».

«Но этот дар — такая огромная ответственность и такая обязанность. Хватит ли у меня сил быть достойной божьего дара? Генри. Сейчас надо спасать Генри... Но как же Чарли? Я не могу изменить ему. Для меня был и остается только один мужчина — Чарли».

«Не спеши, доченька. Сейчас речь идет только о спасении человека, который уже спас тебе жизнь. Ты не сможешь оставить его в беде. Может быть, будет достаточно просто быть рядом с ним, — я знаю, что он любит тебя, любит давно и любит сильно, поэтому и не женится. Если ты будешь рядом, — это ни у кого не вызовет дурных мыслей, а Генри будет счастлив. Не надо ничего торопить. Надо дать событиям идти своей чередой. После разговора в монастыре, мне кажется, что жить нужно только для того, чтобы делать людей счастливыми. Не всех, конечно, хотя бы одного. Надо семейное правило распространить на всю жизнь, только так можно стать самому счастливым. И благословен тот, кто сможет сделать это».

* * *

Мэй с нетерпением ждала встречи с Генри. Они с отцом добрались до Пекина поздно вечером, поэтому визит в больницу отложили на следующий день, а сами, после легкого ужина, отправились отдыхать. И уже ранним утром Мэй почувствовала странное желание поскорее отправиться к той садовой скамейке, на которой Генри обычно поджидал её. Она проснулась очень рано, но, к своему удивлению, не чувствовала усталости от долгой поездки в автомобиле, не чувствовала себя не выспавшейся. Все тело было наполнено той самой легкостью, которую она ощутила, выходя из храма.

Лежа в постели с закрытыми глазами, Мэй снова видела лицо старого монаха, который, словно наяву, пронзал её голову своими острыми глазами. Она гораздо спокойнее думала и о встрече с Генри, и о своем обещании помочь ему. Теперь она была уверена, что их отношения не могут касаться никого, и будут определяться только ими двумя да еще

той огромной силой, прикосновение которой она ощутила в монастыре. «Слушай свой внутренний голос и иди за ним», — вспомнились ей слова мудреца: «доверься ему». И другие слова: «Я знаю, что ты сделаешь все, как надо. Ты — умница».

«Да, она будет слушать свою интуицию. Она будет строить отношения с Генри спокойно, не торопя события. Пусть все идет так, как идет. Только отец Чарли, Роберт Смит, и её мальчики могут высказать ей свое отношение к тому, что будет происходить, но только высказать».

Теперь Мэй всем своим существом понимала значение услышанных слов о том, что её жизнь как малое звено вплетена в целую цепь других жизней и событий. Любое волевое решение, продиктованное эгоистическими соображениями, может нарушить строгую логику их развития, заранее определенную для каждого его индивидуальной кармой. Она может быть нарушена, но не отменена. А нарушение будет дорого стоить как нарушителю, так и связанным с ним людям. Всем придется дорого заплатить, чтобы вернуться на путь, определенный свыше. Чтобы не плодить дополнительные трудности и связанные с ними страдания, нужно понять логику движения и подчиниться её требованиям. Успех — в подчинении высшей силе, высшему закону.

Все эти мысли вертелись в прекрасной головке Мэй, пока она пересекала больничный сад, с каждым шагом приближаясь к знакомой скамейке. А вот и она. На этот раз Мэй решила схитрить. Что-то подсказало ей, что будет интереснее, если она не пойдет по дорожке, на которой Генри может видеть её задолго до встречи. Повинуясь подсказке, она прошла почти до больничного здания, а затем резко повернула налево и пошла к скамейке напрямую через широкую зеленую лужайку. Вскоре она увидела скамью и Генри, сидящего на ней. Голова его была повернута в ту самую сторону, откуда она обычно приходила до отъезда. По напряженной неподвижной позе Мэй легко поняла, что мужчина с огромным нетерпением ждет её появления, не зная, однако, придет она сегодня или нет. Нетерпение переполняет его, но у него, по-прежнему, нет сил, чтобы пойти ей навстречу. Легкими, неслышными шагами она подкралась к скамье сзади и закрыла глаза Генри своими ладонями, как делала тысячи раз в детстве, играя с подружками.

«Угадай, кто это, угадай, кто это», — пропела она самым грубым голосом, на который была способна

Генри вздрогнул от неожиданности, но уже мгновение спустя, накрыл её маленькие, почти детские ладошки своими прохладными ладонями. Теперь уже вздрогнула Мэй.

«Вы вернулись, госпожа Мэй. Вы вернулись», — дрогнувшим голосом сказал Генри, и Мэй почувствовала в этих простых словах не только скрываемую радость, но и огромное облегчение. Она поняла, что Генри ждал её возвращения, но одновременно уверял себя, чтобы избежать невыносимого разочарования, что она может и не прийти. И она не стала убирать своих рук от его лица. А он прижимал их к себе, и принял игру:

«Нет, это не мадам Мэй. Мадам далеко. Она уехала. Кто же это мог бы быть? А, знаю, это — сестра Линь. Здравствуйте, сестричка Линь. Вы, наверное, прекрасно выглядите, как всегда? У вас такие нежные пальчики, совсем, как у ребенка».

«Это какая еще сестричка Линь?», — своим обычным голосом строго спросила Мэй и, отняв руки, обошла скамейку.

«Чем это вы тут занимались в мое отсутствие, сэр Генри?» — строго повторила она, внимательно глядя в лицо друга.

«Ой, как же я мог так обозначиться?» — изобразил удивление Генри, но замолчал, вопросительно глядя на Мэй.

«Что с вами произошло, мадам Мэй? Вы выглядите такой здоровой и отдохнувшей. Что случилось? Где вы провели все это время?»

«Я была у йогов и волшебников. Жаль, что вы не могли поехать с нами. Но ничего, я многому у них научилась, и смогу вам кое-что пересказать. Вам, как философу, будет интересно и полезно. Но сначала расскажите мне вы, чем вы тут без меня занимались, а, главное, как вы себя чувствуете?»

«Это, как раз самое неинтересное, потому что я, по-прежнему, чувствую себя как рыба, выброшенная на берег, — мне не хватает воздуха и... виски. А меня мучает жажда, но врач запретил мне пить простую воду... И знаете, почему?»

«Интересно, почему же?»

«Он сказал, что у меня железный организм, а от воды он может прожаветь».

«Ох, уж эти ваши шутки. Правда, это — остроумная. А если серьезно?»

«Если серьезно, то все именно так, как я сказал, — не хватает воздуха. А гулять одному просто скучно. Я скучал без вас, мадам Смит», —

подчеркнув фамилию Чарльза, признался Генри, не отводя своего взгляда от её глаз».

К своему удивлению, на этот раз Мэй не почувствовала обычного смущения, которое испытывала всякий раз, когда кто-нибудь выражал ей свою симпатию. На этот раз её чувство скорее напоминало благодарность.

Поразительным было и то, что встреча с Генри не стала очередным напоминанием о Чарли, с сопутствующим ему отчаянием и тоской. В душе её сохранился покой и умиротворение.

«Ну, что ж, в знак признательности за вашу память обо мне, я могу вас немного порадовать. Отец переговорил с докторами, и они разрешили забрать вас из больницы».

«Забрать меня... Куда забрать? Я что... могу ехать домой?»

«Так уж сразу и ехать. Какой вы быстрый. Сначала вам придется пожить вместе со мной в домике, который папа мне купил, и где я сейчас живу. Мужская половина дома все равно пустует. К счастью, он недалеко отсюда, сразу за этим садом. Мы сможем пешком ходить на процедуры. Но вам придется смириться с моим постоянным присутствием».

«С вами... вдвоем... недалеко... ходить пешком. Вы шутите надо мной, мадам Мэй? — растерялся Генри. «Неужели, это правда? Неужели, я уйду из этого здания, из этой больницы. Скажите, мадам, вы не шутите?»

Глаза Генри сияли, на бледных щеках пятнами проявился румянец. Он опустился на скамью, с которой секундой раньше вскочил, и шумно выпустил воздух из груди. Мэй с удивлением не услышала привычного хрипа.

«Вы слышали, сэр Генри, вы слышали?»

«Что я слышал?»

«Ну, как же? Вы выдохнули без хрипа. Попробуйте еще раз».

Генри опять побледнел и набрал полные легкие воздуха. Затем начал выдыхать его, напряженно прислушиваясь. Выдох был шумным, но чистым.

«Чудеса какие-то», — пробормотал Генри: «только что я сипел, как паровоз, всего какие-нибудь пять минут назад».

«Поверьте мне, это еще не чудеса. Они начнутся, когда вы будете пить чай из трав, которые я привезла для вас из монастыря».

«А, так вот куда вы уезжали без меня».

* * *

Радость Генри в связи с предложением Мэй перейти из больницы в её домик была неподдельной и совершенно искренней. Однако вскоре выяснилось, что постоянно находится рядом с любимой женщиной для него далеко непросто. Мэй добровольно взяла на себя все заботы о нем, начиная с приготовления чаев и отваров по рецептам, полученным в монастыре, точного соблюдения времени их приема, и кончая организацией их питания. Две пожилые китайки, нанятые отцом ей в помощь еще до его отъезда в Шанхай, следили за чистотой, ездили на рынки в поисках свежих продуктов и неустанно трудились на кухне. Их помощь оставляла Мэй много свободного времени, которое она с удовольствием посвящала своему спасителю. И в этой постоянной заботе о нем Генри почувствовал большую опасность. Одно дело, любить замужнюю женщину издалека, только в мечтах прикасаясь к её руке, вдыхая аромат её волос и любуясь движениями губ, и, совсем другое, когда ты наяву видишь блеск её глаз и в любой момент можешь прикоснуться к ней. Генри начал следить за своей внешностью, ежедневно и тщательно брился, по несколько раз в день менял сорочки. Его очень угнетала необходимость носить пижамные брюки и махровый халат, на чем настаивали врачи. С самого утра его охватывала лихорадка ожидания встречи. Мэй, которая оказалась в своей родной среде, казалась ему экзотическим растением, расцветающим на привычной для него почве. Ни черные одежды вдовы, ни следы глубоких и неподдельных переживаний не сказывались на её красоте. При её появлении в дверном проеме сердце Генри, уже ожидающего её на дорожке парка, начинало учащенно биться, кровь ощути-мо прилиwała к лицу, в душе вспыхивала радость и восхищение. Как он боялся и стыдился своих чувств, считая, что их все видят и все посмеиваются над ними. Бессильная злость на себя, которую Генри испытывал при жизни Чарльза, после его гибели, куда-то отступила, сменившись чувством безнадежности. «Ну, что можно поделать?», — бесконечно задавал он себе вопрос: «Как можно заставить женщину обратить на себя внимание, если для неё на свете существует только один мужчина, и этот мужчина не ты?» Генри видел, что Мэй нравится его общество, что она любит беседовать с ним... и, пожалуй, и все. А ему-то этого ох, как мало. Случайная и чудовищная по своей бессмысленности гибель Чарльза почти сломила его. Вновь и вновь он прокручивал перед глаза-

ми последние мгновения перед обрушением автомобиля в пропасть, стараясь найти способ удержать машину на её краю, ... и не находил. И, все таки, он винил во всем себя: он должен был заменить Чарли за рулем. Тот, со своей негнущейся ногой, не имел права управлять машиной в горах. Как он допустил это. Просыпаясь по ночам, Генри обхватывал голову руками и лежал без сна и без определенных мыслей, испытывая невыразимые душевные муки. Но самым страшным была мысль, что, может быть, и Мэй тоже винит во всем его, Генри. Вот так и случилось: чем ближе он был к обожаемой женщине, чем чаще встречался с ней, тем тяжелее ему было.

Страдая от своей неразделенной любви, Генри не замечал некоторой растерянности, в которой, в свою очередь, находилась Мэй. Она несколько не лицемерила, соглашаясь опекать больного друга. Сознание своей полезности помогало ей заглушать острую сердечную боль по имени Чарли, которая не отпускала её с того самого момента, как она получила известие о пленении Чарльза. Сила боли менялась, но она всегда была здесь, где-то в середине груди. Целителю из монастыря удалось приглушить её, но не устранить. Помня о его словах, Мэй надеялась, что её помощь Генри поможет и ей самой. И, в какой-то степени, это действовало.

Мэй радовало изменение в настроении Генри и в его самочувствии, но, вместе с тем, очень скоро она заметила, как загораются его глаза при её появлении, как он чисто по-мужски рассматривает её фигуру в те мгновения, когда она, по его мнению, не видит этого. К удивлению женщины, эти не очень скромные взгляды мужчины начали волновать её. И ничего удивительного в этом не было. Мэй как женщина была в самом расцвете. Она довольно рано, по европейским меркам, вышла замуж, но её брачную жизнь трудно назвать удачной, уж слишком короткой она оказалась. Из одиннадцати лет замужества пять лет прошли в отсутствии мужа. Более того, они прошли в постоянной тревоге за него, а иногда и в его оплакивании. Но жизнь брала свое. Замечая волнение Генри, и инстинктивно отвечая на него, Мэй корила себя за это, напоминала себе, как она любила и любит Чарльза, но чувство симпатии к Генри пересилить не могла. Женщина жила в ней, и она жаждала любви и нежности. Наступил момент, когда Мэй призналась в этом сама себе.

«Кажется я, наконец-то, обнаружила главную разницу между Чарли и Генри. Я много раз замечала их сходство, и оно мешало мне обнару-

жить отличие. Теперь, когда Чарли нет рядом, я могу сказать, что его друг несколько тоньше, деликатнее и терпимее. Я знаю, что женщины были благосклонны к ним обоим. Но мне почему-то кажется, что Чарли завоевывал эту благосклонность обаянием и напором, а Генри обаянием и нежностью. И еще очень редким у мужчин умением разговаривать с женщинами, как с равными.

Мэй, Мэй, с тобой происходит что-то очень важное, новое и, возможно, опасное. Отчего это тебе захотелось их сравнивать? Что-то с тобой происходит. Будь осторожнее, Мэй».

* * *

Однажды вечером, когда Генри сидел на скамейке около домика Мэй, одетый, как всегда в пижамные брюки и махровый халат, к дому приблизились рикши. Поставив носилки на траву, они откинули полог и помогли выбраться на свежий воздух господину Чанг. Расплатившись с ними, отец Мэй не вошел в дом, а подошел к Генри, который почти-тельно привстал, чтобы поприветствовать его.

«Сидите, сидите, молодой человек», — ответив на приветствие, стоял Чанг.

«Почему не на авто?» — удивленно поинтересовался Генри: «по-моему, рикша — очень неудобный вид транспорта».

«Мой автомобиль сломался, искать новый не было времени, а что касается рикш, так это дело привычки. Вам, европейцам, наверное, не удобно «ехать» на людях. У нас же это — обычное дело. Кроме того, это — возможность дать людям заработать немного денег для содержания семьи. Простите, а где же Мэй?»

«Она уехала с поварихой на рынок, чтобы купить какие-то травы. Доверить это ответственное дело старушке она не решилась, — вот и бросила меня одного».

«Это удачно получилось. Я приехал попрощаться, возвращаюсь в Шанхай, но перед отъездом хотел бы поговорить с вами, сэр Генри».

«Со мной», — снова удивился тот, — «Я к вашим услугам, господин Чанг».

Старый китаец помолчал, покачивая головой. Наконец, он вроде бы набрался сил. Вся эта прелюдия насторожила молодого человека, который почувствовал, что разговор будет непростым.

«Мне очень трудно об этом говорить. Я никогда не думал, что мне придется это делать. Я хочу поговорить о моей дочери, моей несчастливой принцессе Мэй», — Чанг тяжело вздохнул и вновь замолчал.

«Я знаю, что вы были с Чарли друзьями. Очень большими друзьями. Он часто называл вас своим братом. Поэтому я и решился поговорить с вами, и прошу вас сохранить наш разговор в полной тайне, особенно от Мэй».

«Я обещаю вам это, господин Чанг», — серьезно ответил Генри.

«Тогда, позвольте спросить, сэр Генри. Вы любите мою дочь?»

Настала очередь Генри молчать, но он молчал от растерянности.

«Простите, господин Чанг, но я молчал не оттого, что я не знаю ответа на ваш вопрос, а от неожиданности. Да, я люблю госпожу Смит, люблю очень сильно и давно, но поверьте... память о Чарли... я никогда... я не допущу, чтобы на вашу дочь упала бы и тень подозрения... Я позволил себе переехать в этот дом из больницы потому что... потому... Ваша дочь сама предложила мне это... Наверное, я не должен был этого делать. Простите, господин...»

«Нет, нет», — неожиданно перебил его старик, — «я сам посоветовал дочери предложить вам этот переезд. Вы меня неправильно поняли. Я не об этом... Как и все отцы, я хочу своей девочке счастья... И она была счастлива, но очень недолго. Видит бог, в этом нет её вины. Я не хочу, чтобы со смертью Чарльза Смит, её жизнь закончилась. Простите меня, я знаю, что вы очень симпатичны Мэй. Она много рассказывала мне о вас. Да, сейчас вы друзья, но только боги знают, что будет завтра. Мы не можем изменить судьбу, но мы в состоянии помочь тому, что должно произойти... или помешать... Я прошу вас помочь моей Мэй в эти тяжелые минуты и, верю, что ваша к ней любовь подскажет вам, как это можно сделать. Я не могу ничего советовать ей в таком деле, — она сама будет все решать... Но, если она захочет еще раз выйти замуж, я хотел, чтобы это были вы... Я уверен, что и сэр Роберт Смит поддержит такой выбор. А для этого вы должны быть рядом... если вы любите», — при этих словах плечи Чанга затряслись и он, не стесняясь слез, заплакал, — «если вы любите её, будьте с ней рядом. Я прошу вас».

Генри и сам еле сдерживался, чтобы не разрыдаться. Все волнения последних месяцев, все пережитое горе разом навалились на него, комком встали в горле, перехватили дыхание.

«Я обещаю вам, что всю мою жизнь я отдам Мэй, если она захочет её взять. И даже, если она не захочет этого, я буду ей защитой, другом, братом... и ей, и её с Чарльзом детям»

Они замолчали. Чанг взял руку Генри и сжал её своими старческими ладонями. Так и сидели они молча, держась за руки. Потом отец Мэй достал из складок своего делового халата маленькую металлическую фляжку. Отвинтив крышку, он наполнил её какой-то густой черной жидкостью, пряный запах которой мгновенно повис в воздухе.

«Выпейте, это успокоит вас, сэр Генри», — протянул он крышку собеседнику. Ничего не спрашивая, тот взял крышку и бережно опрокинул её содержимое в рот. Жидкость была горьковатой и очень жгучей, но жжение быстро прошло, а по всему телу пробежала горячая волна.

«Это настойка корня жень-шеня, целительного растения, приготовленная по рецепту, которому не менее пяти тысяч лет», — объяснил Чанг, налил крышку снова и медленно выпил её.

«Это вы чем же занимаетесь?» — услышали они голос Мэй, — папа, разве Генри можно такие настойки?»

«Именно ему не только можно, но и нужно», — ответил отец, радостно поднимаясь дочери навстречу.

* * *

Дни летели, давно уже уехал в Шанхай отец Мэй. Сама она пережила сильное потрясение, когда по дипломатическим каналам получила письмо от тестя и сыновей. Даже из него Мэй поняла, в каком тяжелом психическом состоянии находится отец Чарльза. Так же, как и она сама, он в третий раз похоронил сына. При этом он все таки пытался ободрить сноху, подробно описывал, как они все соскучились без неё, просил её и Генри скорее выздоравливать и возвращаться домой. Он так и написал: «домой».

Собственно, теперь уже срок их возвращения в Англию зависел только от здоровья Генри, силы которого восстанавливались медленно. Но ведь никто им и не обещал быстрого выздоровления. Чудо было уже и в том, что это вообще происходило. Оба они и Мэй, и Генри скрупулезно соблюдали все предписания врачей, регулярно приходили на процедуры и строго следовали рецептам целителей из монастыря.

Примерно месяц спустя со дня отъезда господина Чанг в отношениях Генри и Мэй произошло событие, которое оказало большое влияние на весь последующий ход событий и которое даже ускорило их отъезд из Китая.

Однажды Генри отправился на процедуры один, договорившись с Мэй, которая принимала лечебные ванны на час позже, встретится на их обычной скамье. Еще по дороге в больницу он удивился сильному ветру, который гулял по дорожкам парка. Закончив массаж, он вернулся в плед, предусмотрительно захваченный из дома, и сел на скамью, но потом решил поиграть с Мэй в прятки. Едва он успел спрятаться за огромную сосну, как она показалась из-за поворота. Одета она была довольно легко для такого сильного ветра, а на голове имела шляпку, способную спасти её скорее от солнца, чем от дождя или холодного ветра. Когда Мэй была метрах в пяти от дерева, сильный порыв ветра сорвал её легкомысленный головной убор, подкинул его вверх и плавно опустил на густую хвою нижней разлапистой ветки. Мэй быстренько забежала за скамейку и попыталась допрыгнуть до нее, чтобы пригнать пониже к земле. Несколько попыток убедило её в бесполезности усилий. Тогда Мэй вновь вернулась на дорожку и, оглянувшись, скинула свои легкие туфельки, чтобы не измазать сидение землей, и попыталась встать на скамью. Однако заузненное внизу длинное платье не позволило ей достаточно высоко поднять ногу. Она снова оглянулась, и решительно подняла подол платья до колена, показав при этом Генри свои щиколотку и икру, обтянутые черным шелковым чулком. От смущения Генри спрятал голову за ствол дерева, однако не выдержал и выглянул вновь. Мэй уже встала на спинку скамьи и ухватилась за ветку, что помогло ей удерживать равновесие. Потом она осторожно потянулась за шляпкой. Генри скорее почувствовал, чем увидел, что она неминуемо сорвется с узкой спинки. Он выскочил из своего укрытия и бросился ей на помощь:

«Осторожно, госпожа Мэй, вы упадете!»

Так и произошло. Когда он был в метре от женщины, та рывком вытянулась вверх и вперед, ухватила шляпку и с радостным писком упала Генри на грудь. И от слабости, и от неожиданности тот опрокинулся навзничь на мягкую траву, крепко прижимая свою драгоценную добычу к себе. Они лежали неподвижно, оглушенные своей физической близостью. Генри видел огромные и такие родные глаза Мэй совсем рядом со

своими. Он немного приподнял голову и поцеловал эти желанные веки, поцеловал и почувствовал, как под его губами затрепетали её реснички. Потом, не отдавая себе отчета, обхватил её голову руками и прильнул к её губам. Мэй лежала на его груди, не в силах отвернуть голову от этих обжигающих губ, с ног до головы пронзенная острым ощущением его страсти. Потом со стоном, резко отдернула голову вверх и, опираясь на выпрямленные руки, оторвала свою грудь от его, да так и замерла на мгновение. Теперь Генри держал её за талию и не отпускал от себя. Несколько мгновений она внимательно смотрела на его лицо, искаженное гримасой страдания, на его крепко зажмуренные глаза. Дыхание его было тяжелым и прерывистым. Мэй склонила голову и нежно поцеловала его в висок, прямо в пульсирующую голубую жилку.

Они сидели на скамье в немом оцепенении, не в силах стряхнуть с себя очарование произошедшего. Мэй пришла в себя первая. Она глубоко вздохнула, повернулась к Генри и заглянула ему прямо в глаза:

«Мне кажется, Генри», — она подчеркнуто назвала его просто по имени, — нам пора уже думать о возвращении в Англию».

«Вы хотите спрятаться от меня в своем родовом замке?» — грустно и виновато спросил он, — «Я обидел вас?»

«Нет, не обидели. Но теперь я не знаю, что мне делать, как мне быть. А в Англии меня ждут мои дети».

«Да, я помню. Двое мальчиков... Близнецы».

«Простите, Генри, я забылась. Правильнее было бы сказать: «Меня ждут наши с вами дети»,

«Это ваши с Чарльзом дети, мадам Мэй. Помните, мы дали слово раз и навсегда?»

«Да, мы дали, но теперь все изменилось — Чарли больше нет».

«Но подумайте о детях, об отце Чарли, сэре Роберте, обо всем семействе Смитов. Мы не можем нанести им такой удар. Пусть все остается, как было, ради всех дорогих нам людей».

«Наверное, мы сегодня совершили ошибку? Мы забылись».

«Не мы, а я. Это я забылся, и дал волю чувствам. Я, словно поезд, который сорвался с рельсов».

«Вы, Генри, прекрасный и верный друг».

«Но я люблю вас, Мэй».

«Да, я знаю это... давно знаю... и я прошу вас... потерпите ... потерпите до Англии... Не обижайтесь. Пожалуйста, не обижайтесь на

меня», — Мэй опять заглянула Генри в глаза, — «и помните: вы спасли меня, значит, вы несете за меня ответственность».

«И вы уже полгода спасаете мне жизнь. Вы тоже отвечаете за меня».

«Спасибо, Генри. Вы — уникальный человек. Я счастлива, что вы мой друг», — и Мэй снова поцеловала Генри в висок.

«Господи, у кого бы спросить, кто имеет право на счастье, а кто — нет. А, главное, имею ли я право на него?» — тихо проговорил Генри.

«А не хотите ли вы узнать, имеем ли мы право на любовь или нет?»

«Знаете, госпожа Мэй, я уже задавал этот вопрос. Нет, не спрашивайте, кому. Это — не важно. Важно, что мне ответили. Мне сказали, что право есть, но чтобы им воспользоваться, мне нужно будет победить человеческую память».

«А её можно победить?»

«Победить её может только жизнь. Значит, в союзники мне необходимо взять её. Поэтому вы правы, подождем до возвращения в Англию».

* * *

Сославшись на слова господина Чанг, Генри утаил от Мэй свой главный вопрос, который он задал её отцу. Он спросил:

«Господин Чанг, вы мудрый человек, много повидавший на своем веку, пожалуйста, скажите мне, имел ли я право полюбить вашу дочь, жену моего друга? Не было ли это предательством с моей стороны?»

Старик сидел с закрытыми глазами, словно перелистывая память в поисках подходящего примера из своей долгой жизни. И неожиданно ответил вопросом на вопрос:

«А вы могли бы не полюбить Мэй? Согласен, не могли. Вот вам и ответ. Жизнь, молодой человек, это - соревнование. Каждый из игроков хочет получить от неё самое лучшее. А, получив, должен быть готов к тому, что это лучшее понравится кому-нибудь еще. Не убивать же его за это. Выход один: нужно стать для этого лучшего настолько необходимым, чтобы оно не могло без вас жить. Если увлечение ушло, — уступи место другому желающему. А если уходишь совсем, то уноси все с собой, и дай другому свободу. Вы, сэр, не предавали друга и не оскорбляли память о нем. Весь вопрос в том, унес ли Чарльз любовь Мэй к нему с собой, освободил ли её? А это знает только она. Но, может быть, еще и не

знает. Вам предстоит борьба, сэр Генри, борьба с человеческой памятью».

Вспомнив разговор с отцом Мэй, Генри внимательно посмотрел на неё и повторил: «Вы правы, госпожа Мэй, нужно возвращаться к обычной жизни.

Пора в Англию».

* * *

И вот этот день наступил. Позади остались многочисленные консилиумы, на которых врачи выражали свое удивление как причинами длительной болезни человека с полностью работоспособными органами, так и причинами его внезапного и быстрого выздоровления. Закончилась длительная переписка с МИД Великобритании, в результате которой Министерство, в конце концов, разрешило Генри взять полугодовой отпуск для завершения лечения. И вот они на причале в Сингапуре прощаются с господином Чанг и другими родственниками. Генри провожали два сотрудника дипмиссии Великобритании в Сингапуре.

«Дорогой сэр Генри, я прошу вас помнить наш разговор. Помогите своей судьбе пробить дорогу в эту земную жизнь. Если вам с моей дочерью суждено быть вместе, не теряйте, пожалуйста, времени. Счастливая жизнь пробегает очень быстро. Я желаю вам удачи».

«Уважаемый шеф, очень жаль, что мы поработали вместе недолго. Но, если вы надумаете вернуться в наши края, мы будем рады встретиться с вами вновь. До свиданья, госпожа Смит. Желаем вам попутного ветра и семь футов под килем».

«Девочка моя, Бог сохранил тебе жизнь и право на счастье. Будь благодарна Богу, сделай в жизни то, что он хочет от тебя. Помни слова настоятеля монастыря: «Ты — умница, и сделаешь все, как надо». Не забывай старика отца. Я скоро буду у тебя в гостях. Совместные дела наших компаний идут просто превосходно, и нам нужно будет обсудить с Робертом дальнейшие планы. И по секрету, не бросай Генри, — вы нуждаетесь друг в друге», — при этих словах голос отца дрогнул, на глазах появились слезы.

«Поцелуй от меня наших мальчиков. Расскажи им все об их отце, каким героем он всегда был. Пусть помнят и гордятся им. До скорого свидания, моя маленькая красавица».

Уже потом, стоя рядом с Генри на верхней палубе, Мэй впервые заметила, как сильно постарел её отец после гибели Чарльза. Сквозь на-вернувшиеся на глаза слезы она с грустью смотрела на отца, прощально махавшего им своей худенькой старческой рукой.

* * *

Ночная темнота на юге падает на землю почти мгновенно. Стоит только солнцу окунуться в океанские волны, как мгла окутывает все вокруг настолько плотно, что дойти до каюты без палубных фонарей становится невозможно. Пароход, на котором плыли Мэй и Генри, относился к высшему классу комфортабельности, поэтому все палубы были не просто хорошо освещены, а празднично иллюминированы. В спокойную погоду при полном штиле, когда ни малейший ветерок не нарушал океанскую гладь, богато освещенный лайнер отражался в воде, как в зеркале. Даже для зрителя, находящегося на палубе, было хорошо видно, как судно скользит по водяной поверхности, словно по льду. Мэй и Генри повезло со спокойной погодой только в первый день путешествия. Утро второго дня встретило их сильным, пронзительным ветром, взъерошившем спокойную гладь океана. Пароход начало покачивать сначала с одного борта на другой, а во второй половине дня началась килевая качка, при которой нос судна то задирался на гребень волны, то нырял в возникающую водяную яму. Путешественники провели почти весь день в каютах, расположенных рядом, встречаясь только в ресторане. Генри, боясь быть назойливым, попросил спутницу не стесняться и, если что, звать его в любое время суток, после чего, удовлетворившись её кивком, скрылся в своей каюте. Там он обозвал себя идиотом и заметался по просторному салону каюты-люкс, тщетно пытаясь придумать благовидный предлог, чтобы навестить её.

Со своей стороны, Мэй, неожиданно для себя, почувствовала сильную слабость, поэтому молча поблагодарила Генри за деликатность, и решила провести день в постели. После обеда слабость немного усилилась, и Мэй забылась в полусне, в котором не было сновидений, но не было и отдыха. Отказавшись от ужина, она, не открывая двери, извинилась перед Генри, пошутив, что побережет фигуру, и, пожелав ему приятного аппетита, а сама вновь погрузилась в полудрему. Полностью она проснулась после полуночи, ощутив довольно сильную качку. Поначалу

перемещения собственного тела по постели забавляли её. Подъем носа парохода заставлял её сползать к краю кровати до упора кончиками пальцев ног в стену. Через секунду начиналось обратное движение и Мэй упиралась головой в противоположную стенку. А затем волна заставляла её перекатываться с боку на бок. Потом все повторялось снова. Со временем вроде бы безобидные движения вызвали неприятное чувство тошноты, поэтому Мэй выпила специальные таблетки, которыми её предусмотрительно снабдил отец. Незаметно женщина впала в забытие, из которого её вырвало малозаметное дуновение воздуха, коснувшееся закрытых век. Мэй с усилием приоткрыла глаза и чуть не вскрикнула от неожиданности. В полумраке каюты, освещенной только тусклым светом ночника, она увидела темную фигуру в дверном проеме. Первая мысль была, что это Генри как-то проник через закрытую на ключ дверь. Но поза, в которой находилась фигура человека, была нехарактерной для Генри, хотя почему-то хорошо знакомой.

«Чарли», — мелькнула сумасшедшая мысль, — «это же Чарли».

Человек, голову которого скрывал капюшон, медленно поднял руку и поднес палец к губам.

«Чарли, это ты?» — несмотря на предупредительный знак, не выдержала Мэй, все тело которой сотрясала крупная дрожь, — «Что ты хочешь, Чарли?»

В ответ на вопрос насмерть перепуганной женщины, фигура продолжала молчать, потом медленным движением послала ей воздушный поцелуй, и начала таять в воздухе, пока не исчезла. Мэй боялась шевельнуться. Как и все восточные люди, она была воспитана на самом серьезном отношении к миру духов, привидений, культу мертвых. Несмотря на свое прекрасное образование, где-то в душе она верила, что души умерших находятся недалеко от земли и могут при большой необходимости посещать близких им людей. Если это, действительно, была душа Чарльза, то она пришла не случайно. Её покойный муж хотел ей что-то сказать, может быть, о чем-то предупредить. А что, если он просто хотел её увидеть, ободрить? Она предчувствовала, что может произойти что-нибудь необычное, — этим и объясняется её плохое самочувствие. Не вызвано ли появление Чарли её сложными, до сих пор до конца неясными отношениями с Генри? Но, если бы они беспокоила покойного мужа, наверное, душа его вела бы себя более определенно и строже. Так говорят старые китайские легенды.

Мэй лежала с закрытыми глазами, слушая поскрипывание какой-то плохо закрепленной детали в обшивке каюты. Звук этот и призрак Чарли породили в её душе острое чувство тоски. Она поняла, что не может больше находиться в тесном помещении. Не зажигая света, оделась, дополнительно накинув на плечи плед, и вышла из каюты. В узком коридоре не было слышно ударов волн о борт парохода, но ощущалось дрожь, вызванная работой судовой машины. Несколько светильников, подвешенных в металлических сетках, раскачивались от качки, отбрасывая по стенам причудливые тени. Придерживаясь рукой за стенку коридора, Мэй поднялась к выходу на борт, но дверь оказалась закрытой, и ей пришлось перейти в коридор в носовой части парохода. В конце его она обнаружила небольшую дверку, через которую смогла выйти к фальшборту. Свист ветра ошеломил её, но свежий морской воздух, наполненный солеными, холодными брызгами, приятно освежил лицо. Прислонившись к двери, Мэй решила не ходить дальше, понимая, что в такую погоду пассажирам вряд ли разрешено быть вне помещения. В бегающем свете носовых прожекторов она увидела, что шторм уже довольно сильно раскачал водную массу. За бортом то вставала огромная черная гора, то возникала пугающая пропасть. В разрыве между черными тучами, быстро бегущими по небу, иногда появлялся диск луны и заливал все дрожащим серебристым светом. Резкий ветер завывал, проносясь под плед. Мэй не знала сколько сейчас времени и сколько времени она провела на палубе. Словно в оцепенении стояла она, слушая рев стихии. Внезапно холодная дрожь пробежала по телу, возвращая её к действительности. Она настолько сильно продрогла, что тут же нырнула в дверцу. В коридоре её охватило приятное тепло и желание прилечь.

Утром следующего дня Генри негромко постучал в каюту Мэй, и, услышав ответ, не узнал её голоса.

«Госпожа Мэй, прошу вас, откройте дверь. Это я — Генри. Ну, пожалуйста, прошу вас».

Он стоял около двери, с нетерпением вслушиваясь к шорохам в каюте. Наконец, послышался звук поворачиваемого ключа, и дверь приоткрылась.

Перед ним, закутанная в плед, стояла Мэй. Её лицо пылало, дыхание было тяжелым, а голос... Впрочем, голоса практически не было. Одним словом, было совершенно очевидно, что Мэй простыла, причем очень сильно.

«Дорогая мадам Мэй, что произошло? Где вы так простудились?

Ничего не говорите, прошу вас. Вы температуру измеряли? Не на-прягайте связки. Кивните или покачайте головой. Нет. А градусник у вас есть? Нет. Я сейчас. Немедленно ложитесь в постель и ждите меня. Ничего не делайте, ждите меня».

Через несколько минут, укутанная с ног до головы двумя одеялами и пледом, Мэй держала во рту градусник. Генри в салоне заваривал в большой кружке душистый чай, которым его снабдил капитан парохода.

«Сэр Генри, наверное, хватит его держать?» — едва слышимым голосом позвала его Мэй.

Он бросился в спальню, взял градусник и, подойдя к иллюминатору, попытался рассмотреть шкалу.

«Нет, темно. Я сейчас», — пробормотал он и выскочил в салон, где горел свет. «Боже мой! 39 и 6. Вы слышите, Мэй? У вас 39 и 6 градусов по Цельсию», — надо немедленно пригласить врача. Я надеюсь, у них есть врач.

Сейчас я дам вам чай, а потом сбегая за врачом. Жаль, что нет джема или меда».

«У меня есть мед», — прохрипела Мэй. В салоне стоит мой несессер. В нем мед. Папа дал мне в дорогу».

Генри принес баночку с лекарственным медом. Взяв стул, он сел рядом с постелью и начал с ложечки поить Мэй чаем, перемежая ложку напитка ложкой меда. Больная послушно открывала рот, одаряя его благодарными взглядами.

«А теперь признавайтесь, где вас угораздило так простыть?»

«Я виновата. Я поздно ночью погуляла по палубе»,

«О чем вы говорите? Какое гуляние? Океан штормит. Сильный ветер. Кто вас выпустил на палубу? Мэй, извините, вы с ума сошли».

Мэй с виноватым видом положила свою ладонь на его руку.

«Осторожней, Мэй. Вы обожжете меня. У меня будет волдырь. У вас рука горячая, как кипятик. Все, будьте умницей, никуда больше не ходите. Ждите меня, — я за врачом».

На ночь Генри, с согласия Мэй,», остался дремать на диванчике в салоне её каюты.

«Вам нельзя вставать. Если что, зовите меня, я принесу».

Соглашайтесь, Мэй, иначе я приглашу этого лекаря, а ведь он — тоже мужчина», — уговаривал он её и, — уговорил. Спать он, конечно, не мог, прислушиваясь к её тяжелому лихорадочному дыханию. Часа в четыре ночи Мэй «зашлась» в приступе кашля, который никак не проходил. Генри извинился и вошел в спальню с чашкой горячего чая. Но даже после неё, Мэй пожаловалась на холод и озноб. Генри, стоя у постели, с грустью смотрел на

любимую женщину, которая буквально заходилась от кашля. Потом, не обращая внимания на слабые протесты, завернул её в одеяло, поднял на руки и, укачивая, начал ходить по каюте. Минут через десять кашель прекратился, а через полчаса Мэй уснула у него на руках, а он все ходил и ходил по каюте, не чувствуя усталости.

Когда он уже буквально валился с ног, Генри осторожно присел на кресло, стоящее около иллюминатора, аккуратно поместив Мэй у себя на коленях. Её голова покоилась у него на груди. В какой-то момент она беспокойно зашевелилась. Генри замер, опасаясь, что она проснется, и чудо закончится. Но она только с трудом высвободила из-под одеяла руки, неожиданным движением обняла его за шею и прошептала:

«Генри, милый мой, мне так жарко». Потом глубоко вздохнула и по-детски причмокнула губами. Мэй продолжала спать.

* * *

Становиться другом любимой женщины очень опасно. Если она начинает доверять вам свои тайны, не исключено, что в один из дней, совсем не прекрасный для вас, она поведаст вам под большим секретом, кого и как сильно она полюбила. После этого, ваши шансы стать её избранником практически равны нулю. Генри хорошо знал это житейское правило, и больше всего боялся переступить ту черту, после которой он мог быть для Мэй только другом. Тогда около больничной скамьи он чуть не переступил её, потому что у него не хватило решимости принудить Мэй проявить свое истинное отношение к нему. Его поцелуи не оставляли сомнений в характере его чувств, тогда, как в поцелуях Мэй было много материнского. Ему нужно было заставить её более открыто показать, что у него есть шанс, что со временем она сможет полюбить его как мужчину, а не просто хорошего человека. Только одно он знал точно. Его жизнь, а, может быть, их жизнь с Мэй во многом будет зави-

сеть от того, сможет ли она отделить память о Чарльзе от продолжающейся реальной жизни. Также он знал, что должен помочь ей в этом. Сейчас рассказывая по каюте с любимой женщиной на руках, Генри испытывал необыкновенный душевный подъем.

Он преодолет все, и убедит всех, что со смертью мужа жизнь Мэй не должна закончиться, что она сохраняет право на женское счастье. Одно-то только он не знал, сможет ли она полюбить его.

Дальнейший путь до Англии так и прошел в хлопотах Генри о здоровье Мэй. Его мечтам о том, как они будут гулять по палубам парохода, обсуждая самые разнообразные проблемы, читая друг другу книги, беседуя о жизни, сбыться не удалось. А он-то так надеялся, что далеко от земли, посреди океана они станут ближе друг к другу, станут роднее. И он сможет преодолеть барьер из уважения и обожания, который он сам воздвиг вокруг неё и который мешает ему повести себя с Мэй, как с женщиной, ожидающей мужской смелости и настойчивости.

Да, словно нарочно случилась простуда Мэй, да и его самочувствие было далеко от идеального, что и не позволило ему начать разговор об их совместном будущем. Генри был в отчаянии. Еще несколько дней и они расстанутся: каждый вернется в свой дом. Но если его ждут две тети и сестра, то Мэй ожидает любящий тесть и двое сыновей. Он даже не будет иметь повода, чтобы часто приезжать к ней в гости, как приезжал к Чарльзу. Не может же он навещать вдову, не бросая тень на её репутацию. Этого может не понять даже демократичный сэр Роберт. И что же делать? Кажется, жизнь поставила перед ним сложную дипломатическую задачу. А что, если спросить о проблеме саму Мэй? Но все разрешилось иначе.

Мэй оправилась от болезни. Высокая температура и сильный кашель заметно отразились на её внешности. Она похудела, глаза запали и под ними разлилась синева, отчего побледневшее лицо казалось еще блее. И, тем не менее, она оставалась прекрасной. Даже вышколенные официанты в ресторане первого класса при виде Мэй сбивались с шага и чуть не роняли подносы. Генри вел её к столику, чувствуя себя королем и самым счастливым мужчиной на свете.

После обеда последнего дня перед заходом в ливерпульский порт погода позволила им прогуляться по палубе. Было тихо и солнечно. Мэй подняла головку, подставляя лицо солнечным лучам, и нарочито будничным тоном сообщила Генри:

«Завтра мы будем в Ливерпуле. Вы помните об этом, сэр Генри? Хорошо, что помните. Я решила отпраздновать это событие. Извините, что я не посоветовалась с вами, но я заказала в свою каюту ужин на двоих при свечах и даже шампанское. Вы разделите со мной мою трапезу?»

«И вы еще спрашиваете? Мне стыдно, что я опоздал сам сделать это. Вы заставили меня покраснеть, мадам».

«Ладно, ладно, не краснейте. Если вы не против, сэр, я жду вас у себя в восемь вечера. Форма одежды свободная».

* * *

Бреясь перед зеркалом у себя в каюте, Генри без особой симпатии рассматривал свое отражение.

«Растяпа, две недели наедине с ней и все впустую. Какая женщина после такого будет уважать тебя. Господи, завтра она сядет в машину, помашет тебе ручкой на прощание, и уедет, и ты потеряешь её навсегда. Что же делать? Прости меня, Чарли! Как мне хоть в какой-то степени заменить тебя, чтобы она не чувствовала себя одинокой? Как мне подарить ей хоть крупицу счастья?»

В вечернем шелковом платье с открытыми руками и шеей, украшенной ниткой великолепного розового жемчуга, Мэй выглядела восхитительно. Когда она распахнула перед ним дверь, Генри чуть не выронил маленький горшочек с цветами, которые росли у капитана парохода, и которые он хотел купить у него за любые деньги, а, в результате, получил бесплатно. Пробормотав комплименты, Генри поцеловал Мэй руку и протянул ей цветы. Настала очередь Мэй удивляться:

«Боже, какие красивые фиалки! Откуда, сэр Генри? Вы что же — волшебник?»

Когда бокалы были наполнены шампанским, Генри никак не мог предложить поминуть Чарльза, с чего он непременно хотел начать их прощальный, по его мнению, вечер. Хотел, и боялся, что на этом ужин может и закончиться. И, все-таки, он решился.

«Простите, Мэй», — от волнения Генри назвал её просто по имени, чего раньше не позволял себе никогда, — «я предлагаю выпить первый бокал в память о замечательном человеке, вашем муже и моем друге, который прожил короткую, очень трагичную, но и счастливую жизнь. Пусть его душа упокоится с миром».

К удивлению Генри, Мэй со спокойным достоинством выслушала его слова, словно не сомневалась, что их ужин именно так и начнется. Они выпили, не чокаясь, и немного помолчали.

«А вы знаете, сэр Генри, Чарли приходил ко мне в ту ночь, когда я простыла».

Генри чуть не поперхнулся. Он изумленно уставился на Мэй.

«Не удивляйтесь, я не потеряла от высокой температуры разум. Это случилось ночью, когда я еще была в каюте. Он пришел попрощаться. Он ничего не сказал, только послал мне воздушный поцелуй. У нас в Китае верят, что душа умершего посылает прощальный поцелуй в знак окончательного расставания. Он попрощался с нами обоими. Кстати, отец сказал мне, что ему удалось найти людей, которые согласились спуститься в пропасть, чтобы найти машину Чарли. Если у них получится, мы сможем предать останки земле, — у него будет могила».

Грустные воспоминания изменили ход вечера, но, после того, как они выпили за здоровье детей, потом родителей настроение заметно улучшилось. Мэй снова вдруг почувствовала прилив силы и тихой спокойной радости, ощущение которой ей дал настоятель монастыря. Мэй даже предложила тост за необыкновенных людей, сверхъестественные способности которых помогли им обоим выздороветь. Потом наступил момент, когда Генри решил произнести свой главный тост:

«Уважаемая госпожа Мэй! Я хочу выпить за вас, вашу красоту, ум, доброту. За вашу верность дружбе, которую вы доказали. Ваше здоровье, мадам!»

К удивлению Генри, Мэй не спешила пригубить напиток. Она сидела молча, устремив на него свои прекрасные глаза, словно изучая. В какой-то момент он почувствовал себя неловко. Наконец, она заговорила:

«Я верю, что вы искренне сказали обо мне столько лестных слов. Но прежде чем выпить шампанского, я прошу у вас разрешения задать вам один вопрос. Разрешаете, спасибо. В июле восемнадцатого года вы спросили, согласна ли я выйти за вас замуж. Я попросила время подумать до Нового года. Сейчас я хочу спросить: ваше предложение еще в силе, или вы отказываетесь от него?»

«Нет... конечно.. нет..., то есть, да... Господи, Мэй, вы ошарашили меня. Я очень хочу... Мэй, я прошу вас стать моей женой... Мэй. Я не верю...»

«Сэр Генри! Я говорю вам «да»! Я согласна стать вашей женой..., но при одном условии: мы объявим свое решение перед Рождеством, а до

этого для всех мы будем, по-прежнему, просто друзьями. Пусть все свыкнется с мыслью, что Чарльза больше нет».

«Я согласен, конечно, согласен. Я сделаю все, чтобы вы никогда не пожалели о своем решении. Спасибо, Мэй... Мэй, можем ли мы выпить на брудершафт в знак закрепления нашего брака?»

Мэй молча кивнула и встала из-за стола. Только после длительного поцелуя, а потом еще одного и еще, Генри осознал, что долго блуждающее счастье наконец-то нашло его. А в иллюминаторе уже были видны скалистые берега их Англии.

ЭПИЛОГ

Мэй и Генри уже пять минут стояли на площадке перед входом в дом, ожидая машины с сыновьями. Сегодня был очень торжественный и волнительный день, — близнецы, отпраздновав окончание Военно-морской академии ее королевского величества, куда они поступили после университета, возвращались домой. У них перед началом военной службы был месяц отпуска.

— Я уверена, что нашим мальчикам будет очень к лицу новенькая парадная офицерская форма. Как ты думаешь, Генри?

— Полностью согласен, тем более что это — форма морского офицера, — уточнил ее муж, целуя жену в щечку. Подумал и добавил, — пора и о внуках помечтать.

— Я давно подозреваю, что ты спишь и видишь меня бабушкой, — уколола его Мэй.

— Ты будешь самой молодой и самой прекрасной бабушкой на свете, — снова поцеловал ее муж. — Дай Бог нам всем здоровья — и тогда все будет хорошо. Ну, кажется, едут.

— Дай нам Бог, — как эхо повторила жена.

Был канун 1939 года. В Германии почти вся страна маршировала под звуки военных маршей.

К О Н Е Ц

СОДЕРЖАНИЕ

Читателям	3
Встреча	8
Измена	44
Удар судьбы	71
Плен	87
Побег	111
Возвращение к себе	122
Борьба за счастье.	132
Встреча с прошлым	150
Другая сторона Земли	173
Китай	186
Возрождение	195
Эпилог.	232

